ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Юбилейное издание



КОСТРОМА



ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. История его тесно связана с историей России, с именами Дмитрия Донского, Бориса Годунова, царской династией Романовых. Сейчас здесь архитектурный музей-заповедник — с ценными экспозициями, с замечательным отделом природы, а рядом — музей деревянного зодчества. Недавно возродилась в монастыре монашеская община, снова в святой обители звонят колокола и проходят праздничные богослужения.



ЩЕЛЫКОВО. Музей-усадьба А. Н. Островского и заповедный уголок русской природы. Великий драматург любил эти места, приезжал из Москвы сюда отдыхать и работать, написал здесь многие пьесы и сказку «Снегурочка». Похоронен Островский в селе Николо-Бережки в двух километрах от Щелыкова. Кроме мемориального музея в Щелыкове открыт дом отдыха и творчества академического Малого театра.

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ № 3/94

Учредитель — администрация Костромской области.

Попечители: областное отделение Российского фонда культуры, областной государственный архив, Костромское епархиальное управление, дирекция фестиваля «Вехи», областная писательская организация, совет ректоров костромских вузов, объединение «Костромакурорт», областная научная библиотека.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

РЕДАКЦИИ И ЧИТАТЕЛЯМ
ЖУРНАЛА "ГУБЕРНСКИЙ ДОМ"

Приветствую выход в свет специального выпуска историко-краеведческого и культурно-просветительского журнала "Губернский дом", посвященного 50-летию образования Костромской области и 250-летию со дня учреждения Костромской епархии Русской Православной Церкви.

Журнал публикует много материалов, повествующих о возрождении нашего Отечества, истории монастырей и храмов Костромской епархии, духовном опыте прошлого и настоящего.

Искренне надеюсь, что и впредь журнал будет уделять такое же внимание вопросам духовной жизни на древней Костромской земле.

В преддверии совместного празднования двух знаменательных исторических юбилеев желаю всем сотрудникам редакции, авторскому коллективу и читателям журнала "Губернский дом" здравия, долголетия, крепости сил и помощи Божией.



ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

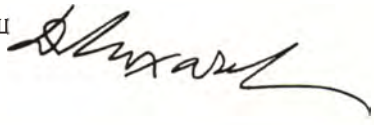
АКАДЕМИК
ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
"ГУБЕРНСКИЙ ДОМ"

С интересом ознакомился с Вашим изданием. Мне кажется, что журнал не только интересен, но и важен для восстановления любви к нашей Земле.

Если придет в голову интересная для журнала идея, непременно напишу Вам статью или заметку. Хочется Вас поддержать.

Всего, всего Вам всем хорошего.

Искренне Ваш 

ЖИТЬ В МИРЕ И С МИРОМ

А ведь многим сейчас, в чем-то обманувшимся и отчего-то уставшим, и любовь к Отечеству стала представляться чувством политическим, невозможным без борьбы, неотделимым от злобы дня. А вот великий праведник и страдалец XX века о. Павел Флоренский определил его как самочувствие русской души «жить в мире и с миром» и даже в простых частушках, собранных им в костромской глубинке, нашел выражение такой любви — в мире с миром. Мы же забыли или вовсе не знаем об этом, потому, может, и идея гражданского мира, самая лучшая из всех сегодняшних идей, так долго не может расцвести в нашем обществе. И, кажется, в потоке жизненных противоречий российская провинция в очередной раз дает урок гражданского мира и согласия.

В этом году на костромской земле почти одновременно отмечаются два юбилея, не так давно совершенно несовместимые: в июле — 250 лет Костромской епархии, а в августе — 50 лет Костромской области. И может быть, в сегодняшнем совпадении этих дат есть не только временное, но и символическое значение. Жизнь наша хотя и протекает в границах области, но питается в пространстве духовном, и это обстоятельство снимает необходимость держать пограничные кордоны между миром церковным и светским. Всё ведь, в сущности, в нас верующих и неверующих, едино. Это родная костромская земля с ее



историей длиной и в пятьдесят, и в двести пятьдесят, и даже в тысячу лет. Это русская культура с ее традициями, обычаями и обрядами, сокровищами устного и письменного творчества, удивительными работами мастеров и умельцев. Это уникальная архитектура, прекрасная живопись, иконы и храмы, открытые не только духовидцам, творящим ежечасную молитву за нас, но и каждому, кто зажигает свечу.

Благодаря этому, принятому в себя, общему миру, пространство нашей малой родины расширяется до больших пределов. Ее физические границы, ее реки, леса, целебные источники и промысловые угодья — материальный капитал края — дополняется богатством духовных истин, которые могут изменить и жизнь отдельного человека, и целого города, и всей страны. Без этого единения не сможем мы приблизиться к тому, о чем мечтаем, во что верим, чего желаем себе и своим близким.

Этот номер «Губернского дома» приглашает вас, любезный читатель, пересечь пространство и время двух исторических дат, чтобы вспомнить, сколько было и есть хорошего и достойного рядом с нами. Путешествуя по страницам журнала, можно проследить непрерывность обыкновенной человеческой жизни, нить которой, к счастью, не оказалась оборванной окончательно и сохранила для нас настоящую, а не придуманную или обруганную историю родного края. Люди костромской земли, их добрые дела и светлые мысли, замечательные места, где они родились и жили, пройдут и предстанут перед нами. И свет, который они принесут с собой, может быть согреет тех, кому слишком зябко в сегодняшней сложной жизни. Ведь все же главное в ней остается неизменным, как 50 и 250 лет тому назад: мир несокрушим и прекрасен, если жить в нем с миром.

Хронограф

1944 13 августа образована Костромская область.
6 октября Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза присвоено Ю. В. Смирнову (посмертно).
Правительственная комиссия утвердила новую отечественную породу крупного рогатого скота — костромскую (в совхозе «Караваево»).
1945 Открыт областной Дом народного творчества.
В Галиче началось строительство мотороремонтного завода.
В Костроме открыты автодорожный и строительный техникумы, институт «Костромагражданпроект».
В Шарье началось строительство домостроительного комбината.
В Нерехте выпустила первую продукцию трикотажная фабрика.
1946 В связи со 125-летием со дня рождения Н.А. Некрасова его имя присвоено Костромскому учительскому институту.
Открылся краеведческий музей в Буе.
В Костроме открыта детская художественная школа (ныне им. Н.П. Шлеина).
Бывший цех Нейского райпромкомбината преобразован в лесозавод «Музлесдрев».
1947 Прошел первый поезд от Костромы до ст. Корба по строящейся железной дороге Кострома — Галич.
В Костроме открылась юношеская спортивная школа.
Создана школа культпросветработников в Галиче.
1948 125 лет со дня рождения А.Н. Островского. В связи с этим улица Трудовой школы в Костроме переименована в улицу Островского. Семеновский район — в Островский, открыт мемориальный дом-музей А.Н. Островского, а Щелыково объявлено государственным заповедником.
1949 На базе учительского института в Костроме открылся педагогический институт. Начались первые занятия еще в одном вузе — Костромском сельхозинституте.
1950 Открыта аспирантура при Костромском текстильном институте.
1951 Состоялось первое областное совещание молодых писателей.
В Костроме открылся планетарий.
1952 Создана Костромская специализированная научно-реставрационная производственная мастерская.
В Костроме пущен в строй завод текстильного машиностроения.
В Костроме прошла конференция Всесоюзного театрального общества по вопросам развития местного драматического творчества.
1953 Введена первая очередь Шарьинского домостроительного комбината.
1954 Налажено регулярное воздушное сообщение по линии Вохма — Шарья.



Впервые

ТАК И НАЗВАЛИ ПОРОДУ КОСТРОМСКОЙ

... Летом 1944 года ждали мы комиссию. Очень волновались: как-то специалисты оценят наш труд? Тем более, что приехать должен был академик Ефим Федотович Лискун, крупный ученый, главный авторитет в животноводстве. Говорили, что не очень-то верит он в новую породу, ее, мол, выводят не 10 — 15 лет, а гораздо больше времени...

Наше стадо Лискун изучал долго. Вникал во все подробности. Потом, наконец, вижу: улыбается в первый раз за все время, лицо его сделалось добрым и мягким.

— Ну, что, — говорит, — ваша взяла, Прасковья Андреевна. Думал я сначала — шум один, разговоры. Теперь вижу — порода. Да какая! У вас средняя корова дает пять тысяч литров молока за год, а в других хозяйствах это рекордом считается! Будем мы вашу породу утверждать...

Вскоре на коллегии Народного комиссариата земледелия СССР породу утвердили. Но неожиданно возник вопрос, как эту породу назвать. Животноводы из совхоза «Караваево» настаивали на том, чтобы была она «караваевской». Я запротестовала. Нельзя обижать наших колхозников, которые тоже столько сил отдали для ее создания. И предложила: назвать породу костромской в честь нашего старинного города, в честь Костромской области, которая тогда только что была образована. Предложение всем понравилось, его утвердили...

Приехала домой, стала рассказывать своим односельчанам о том, как обсуждали и хвалили на коллегии наш скот. Тут как раз пришла газета «Северная правда» от 3 декабря 1944 года... Вместо передовицы в нем был напечатан приказ Верховного Главнокомандующего по поводу больших успехов 3-го Украинского фронта, войска которого освободили несколько венгерских городов и сел. И тут же рядом, в левой части газетной полосы, читаем мы еще один приказ: приказ по Народному комиссариату земледелия СССР об утверждении нашей породы. Два приказа рядом — в этом была высокая для нас честь: наш труд в тылу был приравнен к высокому воинскому подвигу.

Из книги П. А. Малининой «Линия жизни».

НА ЧЁМ ПОДНИМАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ РУСЬ

Чтобы попытаться рассказать, как изголодавшаяся и обносившаяся наша деревня кормила и одевала фронт, о цене военного хлеба и хлеба первых послевоенных лет, о судьбах тех людей, на которых еще долго и после держалась костромская деревня, эти отрывки бесхитростных рассказов мы выбрали из блокнотов разных лет, списали с магнитофонных лент. Давайте скажем сегодня спасибо тем, кто еще жив, помянем тех наших собеседниц, которые уже сдали свою трудовую земную вахту. Вечная им благодарность и память...

В это воскресенье мы на дорожном строительстве работали. Знамо дело, отсеялись, а косить еще рано. Народу тут много было. И вдруг: «Война!» Неделю я еще на дороге отработала. Мужиков в армию провожали по этой самой дороге. А я суженого своего и проводить не смогла: незадолго перед этим приезжал из Питера, договорились о свадьбе, потом было два письма — и все, пропал без вести... А потом за мной пришли: «Иди на курсы трактористов». Не хотела. И поревела, и все. «Иди, — говорят, — а то под суд тебя».

Вот и пошла учиться. А курсы уже шли, я опоздала. Всего две недели отучиться пришлось. Потом направили к Анне Ивановне Поляковой: сначала на ремонт, а потом она встала на комбайн, а я села на трактор. Потом Нюрку послали в Галич на бригадира учиться, а меня одну оставили. В первый год 8 пудов хлеба заработала. А у матери семья-то большая. Вот меня и заинтересовал трактор-то. Так и пошло: я и в колья и мялья...

(Валентина Николаевна Большакова из д. Самылово Солигаличского района на тракторе проработала больше сорока лет и до последнего сезона мужчинам -механизаторам своего звена в выработке не уступала. Она была награждена орденами и медалями, в том числе орденом Ленина, стала бы, вероятно, и Героем, но не умела выступать и рассказывать о своей работе — она просто работала).

Льны и хлеба мы в то время выращивали такие, что теперь только диву даешься. Уполномоченный из района еще все говорил: «Этот ваш хлеб Гитлеру поперек горла». Я овдовела еще задолго до войны, но свое хозяйство справно вела. Вот когда под Сталинград взяли последнего полноценного мужика, колхозники и решили, что мне — командовать колхозом. Грешна, приходилось на разные хитрости идти, чтобы не подвыгреб хлеб сдавать, чтобы свои-то люди с голоду не пухли. И особенно в послевоенные годы: в войну в нашей местности с голоду люди не умирали, а вот в 46-47-м такое случалось. В нашем колхозе этого не было...

(Так вспоминала Евдокия Ивановна Матвеева из д. Попадейкино Нерехтского района).

А я 20 лет на тракторе отработала — с 38-го по 58-й. Разницы мало было: война — не война. Вот только разве слез меньше да страха, что похоронка придет, не было. А так шестерых родила — и ни одной пахоты не пропустила. Я-то детей, бывало, хоть спящих вижу, а они меня никакую не видали. Спрашивают: «Баб, сегодня мама придет домой?» — «Придет». — «Будем ждать». Сидят, сидят, да кто где и уснут. Постелет бабушка, бедная, и тащит их. А завтра опять: «Придет мама?» И так все лето и ждут. Разве только ненастье какое, так днем домой угодишь.

(Из рассказа Надежды Павловны Чигаревой, которая сейчас живет в селе Павино. Она прекрасная ткачиха, по сей день ткет великолепные половики, каждый из которых подлинное произведение искусства).

Мы маленькие были. У матери семеро, один одного меньше, как грибы. Мужчины начали сходиться то в одном доме, то в другом. Родители что-то шепчутся меж собой. А мы что понимаем: «Война! Война!» А потом и мы поняли, что это такое. Она долгой оказалась — и мы поспели в поле: и плуг на себе таскали, и борону, и навоз по полю носили.

Что самое страшное? Холод да голод. Весной прежде чем в школу-то идти, съездим по насту, да дров нарубим, да привезем на салазках. Потом уже и в школу побежим. А лошадей тоже забрали всех. А если быка дадут, так за Аферково ездили в лес. А снег-то глубокий. По задницу лезешь да

еще сзади санки на себе тащишь: бык-то много не увезет. Да рядом дед жил, у него меньше была изба, так маленьких к нему носили ночевать. Вот как жили. А самая страсть, когда мать в отчаяньи сядет и заревет. И мы все вместе с нею завоем...

(Это из рассказа Екатерины Сергеевны Горловой из д. Опалихино Макарьевского района).

Хлеб в нашем совежском крае родился отменный: по 30—40 центнеров и даже по 50 собирали. Так и называли — великовская пшеница. Лошадей забрали в армию, объезжали бычков, коров дойных в борону запрягали, на себе бабы ее таскали, а урожай не снижали. И как ни трудно было, все до зернышка собирали. Попробуй под снег оставь — засудят.

Самый тяжелый для Совеги был 1947 год. Хлеба было много, не было ни засухи, ни другой непогоды. И все собрали. Помню, вот здесь, в центре села, была большая церковь — так она вся была засыпана хлебом. И никто не смел пальцем дотронуться. Государство требовало сдать план, два плана, три. И голодовали, чего только не ели, особенно летом, картошки уже не было. Люди с трудом передвигались, песен уже не пели. Даже в нашем в ту пору очень веселом краю, где гармошки были чуть ли не в каждом доме. Этот год наверняка не только Совеге запомнился. Это теперь-то мы узнали, что все шло тогда на восстановление Германии.

(Николай Павлович Попов, тринадцатилетний подросток из села Великово Солигаличского района, был тогда незаменимым плугарем, лет двадцать впоследствии руководил своим колхозом).

А что тяжелое в войну? Только то, что война да мужей нет. А так мы привычные были. Я с 14 лет без отца осталась, так все прошла: и лесозаготовки, и лесохим, и сплав, а уж колхозная-то работа — это свое, родное. Жили. И детей я растила двоих — то молоко, то картошечка, то еще чего изыщем. А потом говорят: овины навозили — завтра молотить будут и будут хлебца давать. Я сама бригадиром была. И вот считаем, сколько на трудодень падет: то сто грамм, то и двести. То овса, то горошка. Получим, на жерновах смелем, картошечки прибавим, еще чего. И снова живем.

Голода-то настоящего хлебнули уж после войны. У меня родственники в Сибири жили, так говорят: если бы не рыба да не желуди. А мы — на молоке. А еще свекровушка с моей дочкой ходила на болото — моху натеребят белого, насушим, смелем или натолчем, вот и печем колобушки. Помню, раз на покосе сели обедать. Мне мужчина, с которым лог косила, и говорит: что это, дескать, у тебя колобушки-то как лось по лесу оставил. А мне сначала обидно сделалось: он-то хоть около клеверного поля жил, ему воровски можно было клеверных бобышек нарвать... «А у тебя, — говорю, — все равно что коровушка по дороге по большому сделала». Вот так посмеялись, поели каждый своего «хлебца» — встали и снова косить.

(Надежда Васильевна Иванова, жительница деревни Быстрово Макарьевского района).

На тракторе с 36-го года, так мне легко было. А вот девчонки 16 лет приходили — как не трудно? Если она росточком-то вот такохонькая! Разве хватит сил трактор ручкой завести? После ремонта особенно обкатать. Так что делали? Надевали на ручку трубу и всемером за трубу крутят. В бригаде у меня были девчонка да паренек из Политова — в одну ночь, пока заводили, оба покалечились: у одного зубы выбило, другой руку сломало. Не забуду, как Нюрке ногу оторвало. На Тарасихе, против Вохмы, на угоре она горох молотила. А одежонка-то худая, в лаптях, портянки осыпались, так нитки и висят. Я ей сколько говорила: сделай, чтобы не чепалось. Вот раз ее нитками-то и зацепило да и начало мотать. Ладно еще, старичок увидел, ворох набрал гороха да заткнул комбайн — он сразу заглох.

Я-то уж посильней да половчей была — войну без травм, а вот два пальца кривые — это уж потом снесло.

(Из воспоминаний жительницы деревни Латышево Вохомского района Елизаветы Михайловны Лукиной).



Послевоенная деревня. Фоторепродукция с картины Виталия Рассыпнова.

ГЕРОИ РОЖДАЮТСЯ В БОЯХ

50 лет со дня подвига Юрия Смирнова

Известно старинное речение: «Воинские подвиги шумят и блестят, гражданские темны и глухи». В этом шуме и блеске особенно много откровенных домыслов и искажений было порождено в «житиях» многих героев Великой Отечественной войны. Стремление нашей пропагандистской литературы «выправить» жизнь героев рождало недоверие и к самому подвигу. С этим мне пришлось столкнуться в начале 80-х, когда еще не пришло время откровенного свержения многих наших героев с воздвигнутых пьедесталов. Пытаясь отделить в написанном о Юрии Смирнове правду от домыслов, приехав на родину героя в Макарьев, встречался я с людьми, которые помнили его еще «живого, а не мумию», и услышал немало скептических вопросов. Чаще всего звучал такой: «Ну, а что вообще он, рядовой, мог знать о предстоящей операции? Что вообще мог сказать в ту страшную ночь врагам?» (Хотя уже в 1978 году была внесена поправка в Указ от 6 октября 1944 года, что погиб Ю. В. Смирнов гвардии младшим сержантом, а не рядовым, — это по сути мало что меняет).

Приходилось ссылаться на то, что в протоколе допроса бывшего командира 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенанта Отто-Фридриха Траута записаны такие показания: «Мы возлагали на допрос большие надежды. Если бы знали, куда идут танки и сколько их, организовали бы отпор, спасли южную стратегическую магистраль Орша — Минск и, кто знает, как повернулась бы Оршанская операция. Во всяком случае я не был бы военнопленным».

Действительно, характер макарьевского парнишки 1925 года рождения Юрия Смирнова, его настоящая жизнь мало подходили для сусального изображения. Но в последний и решающий и все прощающий час своей короткой жизни он не стал перед врагом на колени.

Из документов, которые удалось собрать мне в начале 80-х, давайте вчитаемся в строки этих двух. Письмо товарища Юрия Смирнова по Макарьевскому ремесленному училищу № 11 Виктора Павловича Павловского объяснило мне в 1983 году, почему всего 30 дней составляет стаж работы героя на горьковском заводе «Красное Сормово», куда он был направлен после училища, хотя почти во всех книгах и статьях фигурирует Горьковский автозавод, на котором доблестно ковал победу Юрий Смирнов до своего призыва в армию в марте 1943 г. И воспоминания бывшего дивизионного политработника Ивана Ивановича Климова.

Владимир СМОРЧКОВ

Из письма В. П. Павловского

...В Гороховце тогда был вроде бы распределительный пункт. Сюда приезжали представители с разных заводов страны. Мы могли попасть даже на Урал — в Тагил или Челябинск. Но из Горького в Гороховец представитель с завода № 112 приехал минут на десять раньше других. Он и забрал всю нашу группу. На завод мы были оформлены 3 февраля 1942 года. Группу распределили по разным цехам, в какой сколько потребовалось.

Когда мы приехали в Горький, город нам показался по сравнению с нашим Макарьевом очень большим и шумным, прямо-таки кишащим людьми, особенно в то время, когда рабочие шли на смену или со смены. На заводе впервые увидели готовые танки и танки, привезенные с фронта на ремонт. В цехе было как в кипящем котле: тут сварка светит и трещит со всех сторон, сборщики бьют кувалдами, клепальщики клепают, машинки пневматические жужжат, газорезчики режут броню, краны мостовые грохочут... Все это, помню, просто ошеломило нас на первых порах.

Поселили нас в общежитии, километрах в трех от завода. До завода в то время ходил маленький паровозик («кукушка»), как мне помнится, с шестью вагончиками. Больше не было в то время никакого транспорта. Если на «кукушку» опаздывали, то бежали пешком.

Работали по 12 часов в сутки. Ломка смен была раз в месяц, то есть работали один месяц в день, а потом месяц в ночь. Тяжело было. А про питание нечего и вспоминать: война есть война. Хлеба получали 800 грамм в день, это еще хорошо по сравнению с другими. Остальные продукты выдавали раз в месяц, а то бывало, и пропадут: то скажут, что опоздали отоварить, то нет продуктов. Обед готовить в общежитии было не на чем: не обзавелись электроплиткой. А когда купили — не дождешься очереди до начала смены, и спать некогда. Стирали тоже сами, кто как сумеет, условий для этого не было. И одолели вши...

И вот, видимо, все эти условия жизни и оторванность от дома и от родных мы не выдержа-

ли и решили убежать. В тот день я вынужден был скоро вернуться: у меня прохудился валенок, в него попадал снег, как можно в такой обуви в такой мороз отправляться в дорогу? А на другой день уже были приняты меры. С нами говорили, что работать на заводе некому, а нужно строить танки для фронта. Обещали помочь, чем смогут. И, действительно, кое-что потом было сделано. Но из нашей макарьевской группы человек в тридцать на заводе остались пятеро: три парня и две девушки. Но девчата все равно не выдержали и, кажется, уже летом 42-го года все-таки убежали.

...Когда в Макарьевском училище создавался музей, наш бывший мастер Рафаил Степанович Усов попросил меня, чтобы я взял в отделе кадров документы Юрия Смирнова. Мне смогли дать только выписку из архивной книги № 38 о том, что Смирнов Юрий Васильевич работал на заводе электросварщиком с 3 февраля 1942 года по 1 марта 1942 года. И объяснили, что все документы тех, кто в то время самовольно оставлял завод, отправлялись из отдела кадров в суд.

11 ноября 1983 г.

В. ПАВЛОВСКИЙ

Воспоминания бывшего помощника начальника Политотдела 26-й гвардейской стрелковой дивизии гв. капитана Климова Ивана Ивановича

24 июня 1944 г. я был вызван командиром дивизии генерал-майором Черновым Г. И. и начальником Политотдела Сатуленко на наблюдательный пункт дивизии. Мне была поставлена задача отобрать для танкового десанта коммунистов и комсомольцев из состава 77-го гв. СП, которым командовал гв. майор Сергеев Анатолий Андреевич. Этот батальон, посаженный на 50 танков, и составил танковый



Бюст Ю.В. Смирнова в г. Макарьев

десант, в задачу которого входило с наступлением темноты, после мощной короткой артподготовки, прорвать оборону противника и, выйдя в глубокий тыл, перерезать автомагистраль Москва — Минск.

25 июня 1944 года утром началась мощная артиллерийская подготовка. Перед нашими частями была сильно укрепленная оборона противника, которую обороняла 78-я штурмовая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Траута. Несмотря на болотистую местность, затруднявшую продвижение артиллерии и танков, части дивизии, используя успех полка гв. подполковника Шелкового С. Е., начали продвигаться вглубь обороны немцев...

Когда мы проходили деревню Шалашино, где не оставалось ни одного дома, к нашей группе подбежал комсорг 2-го батальона 79-го гв. СП гв. старший лейтенант Кустов Петр Алексеевич и доложил: «Товарищ гвардии капитан, там в немецком блиндаже стоит человек!» Мы с группой подошли к блиндажу. Я приказал автоматчику дать очередь по двери, но ответа не последовало. Тогда мы осторожно стали пробираться к блиндажу. Войдя туда, увидели: на середине стоял стол, на котором лежали комсомольский билет и красноармейская книжка, принадлежавшие Юрию Смирнову, у противоположной стены стоял человек, распятый на деревянной крестовине. Он был в нижнем белье. В глазницы были вбиты два огромных гвоздя, распятые руки и ноги также были пронизаны такими же гвоздями. На груди виднелись ножевые раны, лицо и тело было в синяках. Я знал, что за такие тяжкие преступления надо составлять акт, который бы явился обвинительным документом на суде советского народа над гитлеровскими извергами.

Тщательно обследовав блиндаж, я вместе с офицерами Соколовым, Кустовым, Ахмеджановым и старшиной Шмыревым составили акт на мученическую смерть комсомольца Юрия Смирнова.

В районе реки Березина командир 78-й штурмовой дивизии генерал Траут и большая группа офицеров были захвачены в плен.

Допрос по делу Ю. В. Смирнова вел командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал армии Черняховский И.Д. При допросе генерала Траута стало ясно, что Ю. Смирнов, будучи ранен, попал в плен, когда был без сознания. Тяжелораненого его притащили в блиндаж и начали допрос: «Сколько танков прорвалось в тыл? Какую задачу имел десант?» Юрий Смирнов молчал. Не добившись от него признаний, фашисты распяли тело героя на деревянном кресте.

13.01.1980 г.

И. КЛИМОВ

На карте области

ПОЮЩАЯ ЕЛЬ «МУЗЛЕСДРЕВА»

Знаменитые скрипки Страдивари, Гварнери до сих пор манят мастеров своей тайной. Ключ к отгадке, кажется, совсем рядом, стоит протянуть руку... Ан, нет. Опять ускользает. Состав лака, певучесть древесины свято хранят секреты великих мастеров.

Впрочем, и среди россиян есть свои мастера, получить инструмент которых для настоящего музыканта — огромное счастье. Но как бы ни велик был творец, без содружества с природой ему не обойтись. Именно она рождает дерево, закладывает в него то, что человеку предстоит найти и открыть. Да и не всякое дерево может дать богатейший колорит звуков, а только одно — ель. Поэтому из разных уголков России везут в Нею на лесозавод «Музлесдрев» это ценнейшее сырье.

На костромской земле, богатой лесом, как грибы после дождя, рождались лесозаводы, каждый из них выпускал свою продукцию. В 1946 году в Нею приехали представители «Росмузпрома» и приглядели себе цех райпромкомбината. Так родился завод «Музлесдрев». Денег на



переоборудование тогда не жалели, и совсем скоро «поющая» древесина поехала в самые разные уголки Советского Союза и даже за границу — в Германию, Чехословакию, Югославию.

До недавнего времени завод давал ежегодно до двадцати пяти тысяч кубометров музыкальных заготовок. Нынче здесь работают только по заказам и по предварительной оплате. Завода не коснулась приватизация, он остался в федеральной собственности, но всеобщих бед промышленников и здесь избежать не удалось: те же удушающие налоги, то же безденежье. Не спасает и уникальность продукции. В России восемьдесят фабрик музыкальных инструментов, а редчайшее сырье им поставляют всего четыре завода: два вологодских, пермский и нейский.

Музыкальность древесины — дело тонкое и капризное. Звук дает только ель. И не любая, а самая лучшая, без сучка и задоринки, без малейшей гнили, кривизны, смоляных кармашков. Из огромного бревна на резонансные, то есть музыкальные заготовки идет лишь комлевая часть. На такие инструменты, как баяны, фортепиано, рояли, гармошки используют процентов до семнадцати древесины, остальная идет на более прозаическую продукцию, в том числе и на дрова. А щипковые инструменты еще привередливее. Как ни стараются деревообработчики, а больше восьми процентов для четырехмиллиметровых заготовок для щипковых выкроить не удается. Не случайно даже термин здесь употребляют — раскрой древесины. Будто речь идет о ткани.

Татьяна ГОЛЯТИНА

г. Нея

Байка – быль

КОСМОНАВТЫ И КИНОШНИКИ

В 1948 году школу № 26 г. Костромы окончил с золотой медалью Владимир Тимченко и уехал учиться в МАИ. Надо сказать, что этот выпуск, как и последующие два, в мужской средней школе № 26 был малочисленным, но многие позднее стали видными людьми в своих областях деятельности. Так вот, В.Тимченко успешно окончил институт и попал в ведомство С. П. Королева, того самого, которого потом именовали «Главным конструктором». Когда была осуществлена программа «ЭПАС» (совместный полет «Союз — Аполлон» с участием советских и американских космонавтов), возглавлял его организацию, был Генеральным директором с советской стороны Владимир Тимченко. Он сопровождал американцев в поездке по стране с другими космонавтами и рассказывал бывшим одноклассникам занятную историю о том, как один из них, кажется Армстронг, при посещении в одном из кишлаков Узбекистана туалета был изумлен состоянием этого заведения. В ответ на его изумление, как рассказывал В. Тимченко, космонавт Леонов ответил: «Ну что ты хочешь, это же Азия! Может, этому туалету две тысячи лет?»

* * *

Летом 1952 года в наш город приехали киношники снимать фильм по комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». В роли Хлестакова снимался никому неизвестный Игорь Горбачев, еще студентом университета в самодеятельности удививший профессионалов блестящим исполнением этой роли. Режиссер В.Петров не побоялся пригласить его на эту роль, вместе с такими корифеями, как Толубеев, Блинников, Яншин, Грибов и другими, приехавшими в наш город. Наблюдать за съемками было интересно, костромичам это было в диковинку. Этот год положил начало пристальному интересу наших кинематографистов к Костроме и области, и съемки кино и телефильмов в Костроме стали привычным делом.

Борис НЕГОРЮХИН

Хронограф

1954 Открыта городская детская библиотека им. А. Гайдара в Костроме.

1955 Построена железная дорога Кострома — Галич.

В Костроме начал создаваться музей деревянной архитектуры.

1956 Шапочная артель «Красный Октябрь» реорганизована в Сусанинскую фабрику головных уборов.

Под селом Куликовом в 14 километрах от г. Костромы перекрыта река Кострома. Ее новое устье, соединившись с Волгой у села Саметь, образовало «Костромское море».

Дана первая плавка на заводе «Строммашина» (дата основания завода).

В Солигаличе открылась первая в области школа-интернат.

Началось строительство рабочего поселка сплавщиков Горчуха (Макарьевский район).

Вышел первый номер областной газеты «Молодой ленинец».

1957 В Костроме открылось музыкальное училище.

Прошел первый областной фестиваль молодежи.

На реке Унжа начал строиться поселок Дорогиня (Макарьевский район).

В Костроме сдан в эксплуатацию поселок Октябрьский, где в канун 40-летия Октября получили квартиры около 700 семей.

1958 Нея и Мантурово получили статус города.

В Островском организован музей им. Б. М. Кустодиева.

В Костроме открылись кинотеатры «Дружба» и «Хроника», а «Художественный» стал широкоформатным кинотеатром.

Вступила в строй Костромская ретрансляционная телестанция.

1959 Начал работу Костромской русский народный хор, ныне носящий имя своего основателя Ю. К. Рыбникова.

1960 Первый в области народный университет культуры открыт в колхозе «XII Октябрь».

В п. Караваево открыта Аллея Героев.

В Костроме создан технологический техникум общественного питания.

1961 Бывший мотороремонтный завод в Галиче перешел на выпуск экскаваторов.

Открылась Костромская областная филармония.

По инициативе Иштвана Микиты создан Костромской академический хор.

Организовано Костромское областное отделение Союза писателей РСФСР.

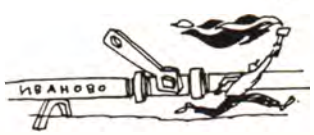
1963 Создан Костромской научно-исследовательский институт льняной промышленности.

В Шарье пущен завод древоволокнистых плит.

Завершено строительство ветки газопровода Иваново — Кострома. Областной центр получил природный газ.

1964 В Костроме состоялось открытие народной филармонии.

Создана Костромская геофизическая экспедиция.



Обычаи и обряды

ХЛЕБ

Из ячменной муки в Павинском районе пекли и пекут ясный хлеб — праздничный. Этот хлеб творят на воде, на пивном мелу до густой сметаны. Ставят на ночь в теплое место. Утром загущивают, но тесто делают пожиже, чем на ржаной хлеб. Добавляют сдобу: масло, молоко, соль. Ставят квашонку в тепло, ненадолго, пока не подойдет тесто. Затем тесто выкладывают в сковородки (формы), сверху кладут любую крупу, разведенную на сметане. Как только тесто в сковородках подойдет, ставят в печь.



На каждый день пекут другой хлеб — ржаной каравай — подовой. С вечера в деревянной квашонке на 6 литров воды творят хлеб до густоты сметаны. Ставят на ночь в теплое место. Утром пригущают. Добавляют соль и коровье масло. Долго месят, до тех пор, пока тесто не начнет отходить о краев квашонки и от руки. Снова ставят в теплое место, чтобы тесто подошло. На столешницу сыплют муку, деревянной лопаточкой выкладывают тесто. Формируют каравай в руках, перекидывая тесто с руки на руку. Караваи оставляют на столе, чтобы подошли. В печи все выгребают и выметают, заметают сосновым помелышком. Деревянной лопатой садят караваи в печь. Иногда такие караваи пекут на капустных листах.

Из овсяной и ячменной муки пекут хлеб, который до сих пор называют мяконек. Творят и пекут так же, как и каравай, а густят чуть-чуть пожиже. Формируют мяконек на деревянной хлопушке и пекут на поду.

Записано у А. А. Дворецкой и Л. М. Кортиной в д. Березовке Павинского района.

«ЛЮБИТЬ КУЛЬТУРУ — ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА»

По мнению многих костромичей, заставших во главе областного ведомства культуры Б. Д. Капустина, это был уникальный руководитель управления культуры, который знал, что это такое — культура, и культуру горячо любил. И, действительно, чтобы увидеть, сколько было сделано в годы «правления» Капустина для костромской культуры, достаточно даже взглянуть в наш далеко не полный «Хронограф».

— Борис Демьянович, с чего же пришлось начинать?

— А видите ли, тогда сама жизнь дремать не давала. Разваливалась областная библиотека, негде было хранить фонды — добивались строительства нового здания на Советской. А в старое на проспекте Мира перевезли из Галича культпросветучилище: здесь все-таки улучшить подготовку кадров условий больше. Областной город по существу не имел концертной организации. Был КЭБ (концертно-эстрадное бюро): два человека арендовали комнату на ликеро-водочном заводе и организовывали по телефону: «Приезжайте к нам с концертом — зал какой-нибудь найдем». Нужна была филармония. И тут ликвидировали промкооперацию, а у нее был только что построенный клуб. Претендентов на этот клуб было много, но мы настояли и открыли областную филармонию.

Затем потребовалось открывать музыкальное училище, детские музыкальные школы — сначала в райцентрах, а потом и в крупных колхозах, в лесных поселках.

Непросто было. Спонсор ведь тогда был единственный — облфинотдел, а он прижимист. Но жизнь требовала, и мы не могли плестись в хвосте. И бились, дрались. И на хитрость шли. Вот скажем, пять музыкальных школ в области. Перед тем, как ехать в министерство, защищать бюджет, звоню в какой-нибудь район секретарю райкома или предрайисполкома: «Иван Иванович, нужна музыкальная школа?» — «Конечно, нужна». — «А ты сможешь найти деньги и профинансировать до конца этого года из своего бюджета?» — «Напрягусь — смогу». — «А помещение?» — «Придумаем». Ага, пишем в отчетах: музыкальных школ — 6. В министерстве: «Откуда, Капустин, у тебя шестая школа?» — «А мы открыли». — «Как? На каком основании?» — «Ну что ж, теперь закрывать? А как же с родителями объясняться?» — Махнут рукой: «Капустину записать замечание». А шестая музыкальная школа включается в план финансирования на будущий год.

Книжный магазин в то время ютился в крошечном помещении в Красных рядах. Договорились в горисполкоме: давайте заберем склады и мастерские из Табачных рядов. Реставраторы поработали — и мы открыли Дом книги. Мне и через столько-то лет вспоминать об этом приятно. И в области много построили клубов и Домов культуры.

— Но самое сложное, наверное, это создание историко-архитектурного музея-заповедника, восстановление Ипатьевского монастыря?

— Когда пришел в облисполком с ходатайством поставить Ипатий на реставрацию, меня назвали сумасшедшим: «Такая нужда в жилье, а здесь больше ста семей живет!» И проводили. Куда деваться? Я спустился этажом ниже, к Флорентьеву, тогдашнему первому секретарю обкома партии. Леонид Яковлевич говорит: «Проанализируйте обстоятельно: чьи там семьи, с каких предприятий это люди, сколько нужно найти квартир. Мы заставим директоров предприятий за пару лет забрать этих людей из Ипатия». Так и сделали, хотя потом на бюро тоже было много противников этого дела. За десять лет Ипатий превратили в жемчужину Золотого кольца России, как выражалась тогда пресса. Большая заслуга в этом — Кострома и сегодня в ноги должна поклониться этой удивительной женщине — Калерии Густавовны Тороп. Под ее руководством встала на ноги реставрационная мастерская, выросли там свои великолепные мастера: и каменщики, и плотники, и резчики, и художники... Их потом на реставрацию стали звать в другие области.

— Как Калерия Густавовна своих художников пестовала: отправляла на учебу, возила по России, показывая шедевры русского искусства и высокопрофессиональную работу реставраторов, как радовалась каждому успеху, — об этом мне рассказывали сами реставраторы. А вот что у вас было главным в работе с кадрами? Откуда вы их черпали? Ведь столько новых учреждений культуры открывалось...

— Костромская земля, наверное, исторически талантами славится. Важно заметить и поддержать. Доброе слово, во время сказанное, это как ложка к обеду. Других возможностей поощрять работников культуры немного. Но и ими нужно было уметь воспользоваться.

Приведу два примера. Вот Ю.К.Рыбников создал русский народный хор. Работает человек фанатично. Он и записывает и обрабатывает костромские песни, он сам и композитор. «Юра, напиши заявление, давай пойдем в обком, в облисполком, попросим, чтобы тебе персональную ставку дали». — «Нет, ничего не буду писать». Написал сам, пробили персональную ставку — человек ожил, потому что это ведь не последнее дело — хлеб насущный.

Как было с другим хором. Иштван Микита, прекрасный музыкант, бросил клич: «Приходите, кто хочет петь в хоре академическом». И столько собралось народу.

А помещения нет, никто Миките ничего не платит, а хор уже «зазвучал», вывезли его в Москву. В Колонном зале Дома Союзов подходит ко мне министр А. И. Попов: «Чей это хор?» — «Ничей». — «Да ну, брось...» Так и не поверил мне. Возвратились в Кострому, собрались в обкоме и решили, что этот хор возьмет под свое крыло облпрофсовет. Определили зарплату руководителя, хормейстера, концертмейстера — хору стало жить как-то увереннее, а не заметь, не поддержи...

Мы ежегодно проводили съезды работников культуры и лучших обязательно отмечали не только грамотами: такому-то завклубом, допустим, мотоцикл, этому — баян. И опять не могу добрым словом не вспомнить Флорентьева. Иду к председателю облисполкома — нет денег. А Леонид Яковлевич сам спрашивает: «У вас слет намечается — как вы лучших-то отмечать собираетесь?.. Как это нет денег? Давайте искать...»

Сейчас для меня, наверное, самое приятное, что из тех, с кем мне приходилось работать тогда в культуре, многие и сейчас работают, да еще как — молодым дадут фору. Целый бы список мог привести, да не стану, а то вам сокращать придется...

— Борис Демьянович, вот уже дважды вы добрым словом вспомнили Л. Я. Флорентьева. Это понимание, что не хлебом единым, внимание к культуре, и не только на словах — шли от личности этого руководителя или от времени, в которое вам вместе довелось работать?

— А видимо, тут и личность, и время. Хотя были тогда же и руководители другой закваски. И отнюдь не всегда отношения с Красным домом на Дзержинской складывались так благополучно. Помню такой разговор с секретарем по идеологии А. И. Цветковым. Льнокомбинату имени Ленина разрешение на строительство Дворца культуры и техники текстильщиков дал лично Косыгин, тогда строительство объектов культуры было запрещено. И хоть не «наш» он, ведомственный, драться пришлось и за него. Что получилось? Выкопали котлован, забили сваи — и забросили. А котлован заполнился водой, уже утки там поплыли. Мужики плот соорудили: женщины половики полощут. Управление культуры бьет тревогу — никто нас не слышит. И вот послал я фотографа: «Посиди там денек и все сними: и котлован, и уток, и плот, и этих женщин...» Он мне шесть таких ярких фотографий принес. Я на обороте каждой написал: «Строительство ДК текстильщиков ведется по личному разрешению т. Косыгина». Пришел в обком, положил перед Цветковым: «Вот загадочные картинки посмотрите». — «Что это такое?» — «А вы переверните, на обороте все написано». И обещаю: «Если ничего не изменится, я запечатаю и пошлю Алексею Николаевичу». И стройка сдвинулась-таки с места. Хотя можно было и промолчать: я непосредственно за этот объект не отвечал...



Борис Капустин и Михаил Царев в Щелыково

— А правда, что первым желанием Скулкова, когда его прислали из Москвы первым секретарем обкома, было снести наши торговые ряды?

— Да, такое было. Посмотрел он город: «Черт знает, что в центре стоит! Надо сломать и построить современный универмаг». Но эта идея не прошла, Скулкова остановили где-то в верхах. Я в этом не участвовал. Зато когда наши власти дали согласие, чтобы у нас между Плесом и Луневым, этими заповедными волжскими островками, был построен нефтеперегонный завод, — тут мы всю интеллигенцию подняли на ноги.

Или со Щелыковом что было. Химзавод не имел выхода на железную дорогу — проектировщики взяли и проложили линию: прошла бы эта дорога в полукилометре от могилы А. Н. Островского. Здесь мы ничего не могли доказать. Обратились к внучке драматурга М. М. Шателен. Сочинили петицию. Не знаю, была ли с ней Мария Михайловна у Брежнева, но во всяком случае его резолюция была такая: дорогу отвести минимум на пять километров от заповедника... За все приходилось бороться.

— И все же пришлось уйти, когда вы поняли, что плетью обуха не перешибешь и на смену шестидесятым пришло другое время?..

— Да, было это в 1971 году. Отношения со Скулковым у меня никак не складывались. Последней каплей была жаркая дискуссия, смешно сказать, по какому поводу: где устанавливать в память о приезде и выступлении в Костроме Г. Димитрова мемориальную доску: в фойе театра или снаружи, у входа. Сделал я все же, как подсказывал здравый рассудок. Скулков был разгневан. Через неделю приезжаю из командировки, возле дома встречает меня зав. отделом пропаганды обкома и улыбается: «Вот наконец мы нашли тебе заместителя». И представляет своего зама. А я в таких играх тертый и табель о рангах усвоил. «Все понял, — говорю, — завтра подам заявление об уходе на пенсию». И воспользовавшись своим правом инвалида войны, так и сделал. Правда, еще лет двадцать потом преподавал в музыкальном училище эстетику и этику.

— Борис Демьянович, в заключение вопрос, с которого нужно было, возможно, начать: 14 лет вы руководили в нашей области культурой, так что же это такое — культура в вашем понимании?

— По-моему, это и нечто прочное, надежное, и вместе с тем беззащитное. Культура — как хребет нравственный и духовный, без которого нельзя ни создать экономики, ни ликвидировать этот сегодняшний развал и беспредел. И одновременно она — как воздух: достаточно в нем кислорода, его не ощущаешь, просто дышишь, а вот когда кислорода недостает — начинаешь задыхаться и можешь умереть. Поэтому и обращаться с ней нужно очень бережно и осторожно. Любить культуру — это значит любить человека.

Беседовал Владимир СМОРЧКОВ

ПОБОРНИК РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

«Поборник российского просвещения» — так назвал книгу о нем, изданную в Америке, на чужом языке, еще при жизни Дмитрия Ивановича Тихомирова один из благодарных учеников. И кажется, сама жизнь толкала родившегося 150 лет назад, 24 октября (ст.ст.) 1844 года, в селе Рождествено Нерехтского уезда поповича к тому, чтобы занять ему это почетное место в истории русской культуры.

Сначала опыт народной, крестьянской жизни, которой жила семья бедного сельского священника, и стремление к добрым идеалам, которые отец Иван прививал детям не столько словами и поучениями, сколько личным примером. Опыт учения в Костромском духовном училище (1854 — 1858), затем в Ярославле, в военной школе, тоже на «казенный счет». Позднее была Московская учительская семинария военного ведомства, о которой за два года до кончины Д. И. Тихомиров напишет так: «Лично для меня воспитательное влияние семинарии вполне совпало по своему характеру с влиянием первого детства, и таким образом окончательно укрепило во мне как симпатии к учительству, так и стремление к служению народу на почве народного образования».



Д.И. Тихомиров. 1915 г.

И на этой ниве у Д. И. Тихомирова заслуг немало: и первые в России вечерние школы фабричных рабочих, и почти сорокалетняя его работа по руководству летними учительскими курсами и съездами в различных российских городах, активная работа в Московском комитете грамотности и подготовка народных учительниц на Московских женских педагогических курсах Общества воспитательниц и учительниц, впоследствии названных его именем, и работа в «Обществе попечения о детях народных учителей и учительниц», которое было основано им вместе с женой и содержалось почти полностью на его средства. Это и издание и редактирование журнала «Детское чтение», позднее переименованного в «Юную Россию», и приложения к нему «Педагогического листка», оказавшего большое влияние на общественно-педагогическую жизнь России. Это многочисленные труды по методике русского языка и учебные пособия. А тихомировский «Букварь для совместного обучения чтению и письму» — книга, с которой начинало постигать грамоту не одно поколение россиян. И отрадно, что к 161-му дореволюционному изданию этой книги сегодня прибавилось еще несколько современных переизданий.

Д.И. ТИХОМИРОВ

О РОЛИ ШКОЛЫ В «ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ»

С того времени, когда подневольные люди сделались равноправными гражданами, когда личность получила свои права, а вместе с этим — и новые обязанности, жизнь потребовала от народа в интересах блага личного, блага общественного и государственного и знаний, и развития, и умения пользоваться дарованными правами. Как результат новых условий жизни, в народе народились и новые потребности — духовные, гражданские, экономические.

Благодаря настойчивым велениям жизни, обязывающей каждого жить «*своим умом*», в народе растет и с каждым днем крепнет спрос на просвещающее ум и облагораживающее сердце чтение, с каждым днем развивается потребность в знаниях, освещающих окружающее, ставящих личность в правильные и разумные отношения к семье, к обществу и государству. Современная экономическая и общественная жизнь народа с каждым днем становится сложнее и труднее, и все больших и больших знаний практических требует она от каждого. И знания, просвещающие ум и

сердце, и знания практические, и нужные в обиходной жизни умения — должны быть даны, по возможности, школою; школа, во всяком случае, должна дать своим ученикам такую подготовку, на основе которой учащийся в состоянии был бы самостоятельно приобрести себе все то, что требует от него жизнь. Если современная школа не выполнит этой задачи, если она не ответит на вопросы современной жизни, тогда жизнь будет искать себе ответов помимо школы, пойдет к свету и истине — ощупью, в потемках, будет учиться продолжительным путем ошибок, заблуждений и горького опыта.

Помощь школы имеет особую цену в настоящее «переходное время» жизни русского народа. «Просто было жить», и каждый знал, как надо жить в *старое* время, на основах прежней жизни; «мудрено» стало жить, когда к прежним основам присоединилась новая — известное право и известная свобода личности: не просвещенный ум, не воспитанные надлежащим образом сердце и воля могут поставить личное право, личную волю выше власти семьи, власти общества, выше власти безгрешного труда; без просвещающего влияния столкновение нового со старым может привести к горестным, прежде всего для самой личности, результатам.

ВОСПИТЫВАЮЩАЯ РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА

Родной язык заключает в себе и начала, исходные точки, всякой школьной науки... Сверх всего этого, родной язык, более чем всякий другой учебный предмет, помогает ребенку стать по своим мыслям и чувствам родным членом той великой семьи, которая зовется народом, стать родным сыном своей страны. Родной язык, как учебный предмет, развивает и укрепляет чувство народности, дает этому чувству верное и доброе направление. Если хотите оторвать ребенка от родного народа, перенесите его в чужую страну, лишите его впечатлений родной природы и родной речи, и вы вполне достигните этой нежелательной цели. Если хотите затормозить и ослабить духовное развитие ребенка, удалите от него всех, кто может учить его родному языку, учите его только иностранным языкам, и тогда слово не будет более гармонировать с воспринимаемыми из окружающей природы и жизни впечатлениями, и духовная жизнь ребенка замедлится, и вы внесете в его душу пагубное для духовного роста раздвоение, вы можете приготовить из него существо бессильное и ничтожное.

Язык есть достояние не одного и не нескольких отдельных лиц, а целого народа; язык есть результат вековой деятельности народного духа; все, что пережил народ в течение многих веков своего исторического бытия, что передумал он и перечувствовал, — все это духовное наследие свое он и передал нам в своем родном языке. Понятно отсюда, насколько обширна и разнообразна область содержания языка; язык — это дума народная, это — сумма воззрений народа на природу, это — нравственность и вера народная. Язык и народ — одно и то же.

О ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ

В отношении воспитательном многое может сделать учитель и примером собственной своей жизни, и общим влиянием всей своей личности. Учитель, в своей обиходной жизни и деятельности, в своих симпатиях и антипатиях, — пример и образец для учеников. Нужно ли говорить, что учение, не применяемое к жизненной практике самим учителем — пустой звук? Нужно ли доказывать, что нравственное учение будет мертво и бесплодно, если сам учитель, в глубине своей души, не сознает обязательности этого учения? — *«Как вы можете говорить доброе, будучи злы?»*

Понятно само собою, что в народной школе, по недостатку времени, по незрелости учеников, по недостатку воспитывающих воздействий семьи и окружающей ребенка среды, нельзя сделать многого, но учитель должен сделать все зависящее от него, все для него возможное; он должен дать хотя бы *направление* для будущей деятельности своих учеников, должен положить зародыши в основы для дальнейшего развития. Учитель не разорвет нравственных связей с учениками и по выходе их из школы. *Добрый* учитель останется лучшим советником и наставником для своих учеников и тогда, когда эти ученики сделаются отцами и матерями.

Из книги «Чему и как учить на уроках родного языка в начальной школе»

БОГАЧ

Умерла у Кати мать, умер и отец: осталася Катя круглою сиротою. Только и было у Кати родных, что дядя с теткой. Дядя и говорит своей жене: «Примем Катюшу к себе!»

А тетка говорит: «Как возьмем Катюшу, так последние наши гроши на нее пойдут: не на что будет и соли купить, похлебку посолить».

— «А мы ее и несоленую, похлебку-то! — ответил мужик.

Так дядя и взял к себе жить сиротку Катю.

Чем же богат Катин дядя?

Из «Букваря для народных школ».

ЗЕМЛЯ ТАРКОВСКОГО

«В Завражье в ночь на 4 апреля, с воскресенья на понедельник, родился сын... Пятого был зарегистрирован, назван Андреем и получил «паспорт».

Глаза темные, серовато-голубые, синевато-серые, серовато-зеленые. Смотрит сердито. Нос вроде моего, но понять трудно, в капочках. Рот красивый, хороший...»

Эту запись Арсений Тарковский сделал в семейном дневнике 7 апреля 1932 года в селе Завражье.

А через 60 лет после рождения Андрея Тарковского, обращаясь к жителям этого кадыйского села, актриса Маргарита Терехова сказала: «Вы даже не представляете, что это за место, где вы живете. Придет время — и со всего мира будут приезжать к вам, потому что здесь родился великий кинорежиссер мира».

Мария Ивановна Вишнякова-Тарковская из Москвы спешила в Завражье поездом до Кинешмы, а потом тряслась по раскисшей дороге, торопясь успеть до вскрытия Волги, чтобы доверить своего первенца надежным рукам своего отчима, замечательного врача Николая Матвеевича Петрова.

...Многое изменилось в этих краях в связи с наступлением «Большой Волги». Но местные краеведы установили, что верхний этаж дома, в котором родился Андрей Тарковский, был перевезен и находится ныне на территории школы. И в 1992 году здесь была установлена мемориальная доска. Тогда и приезжали в Завражье друзья и исследователи творчества Тарковского, многочисленные почитатели его таланта.

Несмотря на то, что Андрей Тарковский прожил в Завражье всего несколько первых месяцев своей жизни, а затем неподалеку, в Юрьевце, был в эвакуации еще совсем ребенком, фильм «Зеркало» он хотел снимать именно здесь. Ездил смотреть натуру. По возвращении, как вспоминает его сестра, сказал: «Никогда не нужно возвращаться в те места, где прошло детство, — тогда очень тяжело и неизбежны разочарования». И тем не менее в «Зеркале» по своим детским впечатлениям, по фотографиям семейного архива, по воспоминаниям матери (а Мария Ивановна тоже участвовала в съемках) скрупулезно воссозданы многие подробности Завражья и окрестного ландшафта.

Кадыйский район

НАША МАРКА

ШАПОЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Шапочное производство в селе Молвитино (ныне село Сусанино) Буйского района и окружающих его деревнях возникло со времени его основания и сохранялось в связи с острой нехваткой пахотной земли у местных крестьян. Стало развиваться с 20-х—30-х годов, а как местный отхожий промысел сложилось к 50-м годам прошлого века.

Мастера, чтобы сбыть готовый товар, отправлялись в Москву, Петербург, Рыбинск и другие города. Некоторые и оставались там, выкупившись у своего помещика. С 60-х годов в селе появились хозяева, нанимавшие мастеров до 30 человек и более. К тому времени в село были завезены машины для стежки ватных тулей и накруг (верхняя часть шапки).

В 80-х годах прошлого века молвитинские шапки покупали в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Вологде. Они были известны и в столицах и на окраинах государства.

Постоянно в селе проживала только 1/5 молвитинских хозяев-предпринимателей и мастеров шапочного дела. Ежегодно все они уезжали на Нижегородскую ярмарку, где и торговали и покупали сырье, а некоторые и шитьем занимались, чтобы сразу продать сшитую шапку или картуз. Около четверти шапочников уезжало с Николина дня (22 мая) до Рождества или до Нового года. И около половины молвитинцев, вместе с семьями, постоянно проживало в Петербурге.

Тогда же, в 80-х годах XIX века, в Молвитине было 10 шапочных мастерских: мастеров в каждой от 5 до 25, с1 или 5 мастерицами, работающими на швейных машинах. Шили или на дому хозяина, или в своих избах, получая для работы материалы.

Обучаться мастерству начинали рано — мальчиков отдавали с 12 лет, девочек — с 13 — 14 лет. При этом, первые год-два можно было лишь присматриваться к работе старших, а малолетних учеников использовали как прислугу.

Шапки шили разнообразные. Бедным покупателям сбывались шапки из «русской» овчинки (хаймовые), стоившие от 50 до 15 копеек. Люди более состоятельные приобретали шапки из «персидской» и «бухарской» овчинки, из собаки, кошки, сурка, белки, камчатского и польского бобра, куницы, котика, соболя и кролика. За самые дорогие, бобровые и собольи шапки, просили по 20 и 25 рублей.

В начале XX века костромское земство предприняло попытку объединить отдельных шапочников-единоличников на кооперативных началах. Была выстроена шапочная фабрика. Во время I Мировой войны на ней шили не только шапки, но и гимнастерки, солдатское белье и другое обмундирование. Одновременно на ней работало до 100 человек. Фабрика сгорела в 1920 году.

В 1929 году в Молвитине была создана кооперативно-промысловая шапочная артель «Красный Октябрь», преобразованная в 1956 году в Сусанинскую швейную фабрику головных уборов.

Лариса КОВАЛЕВА

Хронограф

1964 В Шарье открылось педагогическое училище, а в Нерехте — медицинское.
В Костроме открыт Дом книги.
Костромской сельхозинститут переехал в Караваево.
1965 Вступил в строй действующих Костромской завод деревообрабатывающих станков.
При областном Дворце пионеров создан хореографический ансамбль «Радуга».
1966 В Костроме создано туристско-экскурсионное бюро.
1967 В составе области организованы Красносельский, Октябрьский и Павинский районы.
Вступил в строй Костромской завод красильно-отделочного оборудования.
Создан Костромской музей изобразительных искусств.
В Центральном Доме архитектора в Москве состоялась выставка работ костромских реставраторов, продемонстрировавшая высокие достижения Костромской реставрационной мастерской.
Организован племзверосовхоз «Судиславский».
Пущен в строй Солигаличский известковый комбинат.
Костромская область награждена орденом Ленина.
Состоялось открытие памятника Ивану Сусанину в Костроме.
Открылся самый большой в области универсальный магазин «Кострома».
1968 В селе Парфеньеве открылась картинная галерея.
В Буе открылось музыкальное училище.
Вступил в строй электрифицированный участок Буйского отделения Северной железной дороги.
Начал работу завод автоматических линий в Костроме.
1969 Пущен в строй первый котел Костромской ГРЭС.
1970 В Костроме сдан в эксплуатацию автопешеходный мост через Волгу.
Областная научная библиотека имени Н.К. Крупской начала работать в новом, специально построенном здании.
1972 Открылся кардиологический санаторий «Колос».
1973 Организовано Красносельское производственное объединение «Ювелир».
В Костромском музее изобразительных искусств открылась после реставрации выставка картин Григория Островского («Солигаличские находки»).
1974 Открытие троллейбусного сообщения в Костроме.
В областном центре открылся широкоформатный кинотеатр «Россия».



Впервые

И ТУРБИНА ПОШЛА

Областная молодежная газета в 1987 году писала так: «Тогда, в середине шестидесятых, на Костромскую ГРЭС ехали люди со всех концов страны. Ехали опытные строители, за плечами у которых были Конаково, Саратов, Братск, ехали совсем молодые ребята, решившие испытать себя именно здесь, на костромской земле. Ехала молодежь из всех районов области. Комсомольская путевка на ГРЭС становилась для них путевкой в настоящую, большую жизнь. Первые строители ГРЭС строили не только Волгореченск — они строили себя».

А что чувствовали сами строители? Свидетельствует один из них — Рафаил Румянцев: «Пуск первой очереди был назначен на восемь вечера. Начальник строительства Василий Иванович Амелин собрал всех главных, и еще раз все вместе заглянули в каждый уголок своего детища. Казалось, готово все, но Амелин был недоволен: «Всех расставить по своим участкам. Убрать оставшийся мусор. Всё — до пылинки». На этот незапланированный субботник пришли чуть ли не все строители. Сами пришли. А пуск произошел уже около одиннадцати. Никто не уходил. Анатолий Яковлевич Кроль, главный инженер станции, нажал на пусковой рычаг. И турбина сначала медленно, потом все быстрее, быстрее пошла. Те, кто там был в этот день, не забудут его. Кричали «ура!», вверх летели шапки, шлемы, в турбинном зале звенели бокалы с шампанским. Домой вернулся поздно ночью, уставший от накопившегося напряжения, впечатлений. Успел только сказать: «Мама, она пошла!..» И тут же уснул».

Потом было еще немало торжественных моментов. И главный — пуск самой крупной, уникальной турбины мощностью 1200 тысяч киловатт — два Днепрогэса в одном агрегате, как восторженно писали тогда и все центральные газеты. Многое здесь было «впервые», «самым-самым», «уникальным».

...Далеко не все, что строилось в те десятилетия в порыве гигантомании, выдержало испытание практикой и временем. Но строителям Костромской ГРЭС не в чем упрекнуть себя. И сегодня станция работает по-прежнему надежно и с высокой эффективностью.

Ирина РАЕВСКАЯ

«ХОЧУ ЖИТЬ КАК ХОЧУ!»

«Он мыслил пространственно-исторически, как настоящий поэт и художник. Логическую связь событий от первых цивилизаций до капли росы он восстанавливал легко, без всякой натуги или подвернувшейся по случаю цитаты. Связь времен он ощущал не только через привычный поток фолиантов, а через зеркальную отзывчивость поэтических образов, рифму общечеловеческих проблем», — так написал о своем друге Альберте Кильдышеве Валерий Благово.

И Альберта Кильдышева, искусствоведа-реставратора, чья жизнь так рано, в 33 года оборвалась в 1970 году под рухнувшими лесами в Троицком соборе Ипатьевского монастыря, вспоминают сегодня многие очень разные люди как человека, предвосхитившего сегодняшние наши попытки постигнуть распавшуюся связь времен, многие наши нынешние духовные устремления. А вот что помогло сформироваться в Костроме самого начала 60-х такому Кильдышеву, — несколько страничек из дневников и писем тогда начинающего учителя словесности Судайской средней школы.

16. 08. 60.

Зашел попрощаться к Шуваловым. Как всегда, в мастерской фантастический беспорядок, будто в лавке ростовщика или в кабинете Плюшкина. Три электрических шнура свисают с бурого, в подтеках извести, потолка, одно из окон завешено пестрой шторой, в пол втоптаны тюбики красок, в углах свалены штабеля картин, хрустят осколки битых стекол, валяются гравюры, рулоны обоев, папки с набросками, флейцы, керамика, балкарские кувшины с кистями, черная иконка на стене, рядом — копия Рериха и косо пришпилен кнопкой карандашный рисунок сына (на круглой, как огурец, земле машет крыльями оранжевая мельница и ластятся к ней гибкие синие ели), гипсовая маска Гоголя, вечный Ницше, микрофон на полу, колченогий стул, рыжая табуретка, на столе — кипы «Декоративного искусства», яблоко на армянском блюде, пестрый украинский кумачец и груды грампластинок...

29. 10. 60.

Выступал на вечере в клубе. Падал от усталости, и страшно болела голова. Думал, разревусь. Но все-таки с успехом проскандировал «Кузнецк» Маяковского и «Послушайте», «След» Мартынова и Назыма Хикмета — четверостишие.

Готовим вторую газету — большую и второй литературный вечер. Посвятим его Луговскому. Наклевывается и третий — о поэзии Вознесенского. Ему мы послали письмо. Ответит ли?

На каникулы ездил в Москву. Дали командировочное удостоверение, взывающее о поддержке т. Кильдышева, едущего в Москву для ознакомления с сокровищами ГМИИ им. Пушкина. Жаль, что все это было фикцией. Еще не скоро наступят времена, когда учителей будут командировать в Москву для ознакомления с сокровищами мирового искусства. Пока что они ездят в Москву за холодильниками, электроутюгами и колбасой.

7. 2. 61.

У директора выгрыз разрешение на еженедельный обязательный урок по истории искусств в девятом классе.

Из письма моей ученицы Гели Павловой: «Да, знаешь? У нас со следующего полугодия будут уроки по истории искусства и музыке. Здорово, да? Я рада...»

Мои ребята учатся танцевать в классе, запершись. Разбегаются, когда сознающие свою высокую миссию девочки приглашают их. А потом топчутся, как медведи. Но довольны... Директор без стука ломает запор и смущается...

9. 02. 61.

Пришло желанное письмо от Андрея Вознесенского. Побежал читать. Задыхался. Глотал воздух. Заикался. Он прислал «Параболу» с посвящением и фотопортрет с письмом... Радость у ребят беспредельная. Взялись форсировать вечер, хотя директор вставляет целые бревна.

26. 02. 61.

...Хочу жить как хочу!

28. 02. 61.

Хочу реветь и кричать радостно сред ван-гоговских солнц (Кончил «Жажду жизни» Ирвинга Стоуна).

17. 03. 61.

Своим ребятам дал работу — письменный анализ японских хокку. Лучше всего справился восьмой класс, затем девятый. Десятиклассники уж слишком зафантазировались. Их сушеные души вы-

давливают только пошлые истины о капитализме, убивающем людей, и пр.

23. 03. 61.

Может быть, вся задача наша — учителей литературы — заключается в простом: поймут ребята различие между словами «багряный» и «багровый» «слепительный» и «ослепительный»... Еще надо; чтоб ребята видели «красные руки» Базарова, холодные глаза Андрея Болконского, почувствовали, как жмет и топорщится воротничок Пьера, приехавшего на бал.

Но не дай Бог засушить образ. Страшно, когда ребята тянут: «Андрей Болконский — представитель поместного дворянства» и пр., и пр.

7. 04. 61.

Вот я и опять в Судае — мучаюсь с тетрадями...

Вспоминаю Кострому, посещение мастерской моего друга — художника Шувалова, Николая Васильевича. Живет он на окраине города, где летом пышно цветут старые сирени, громоздятся косые заборы, вросли в землю чахлые домишки, где ругаются, бранятся, сплетничают соседи, где колокол сбивает с развесистых лип стаи галок (черные деревья, черные галки, черный колокол), где в грязи буксуют, задыхаясь, грузовики:

Эта улица мне знакома,
Тротуары в пятнах рябых,
Строй деревьев, глухие заборы,
Магазин «Главэлектросбыт»...

Зеленая вывеска, серые домишки... Серая жизнь... А художник рисует здесь хрупкую Джульетту, скорбного Ромео, пронзительно-синюю царевну Волхову, сумрачного Игоря, прекрасных людей будущего. В его тесной и низкой комнатке пылают узоры красок, расцветают полотна, бодрые, тонкие, огнецветные. Здесь царство девственных, целомудренных, хрупких образов; здесь великая чистота и чеканная простота; здесь вихри, водопады красок и могучие звуки симфонии Скрябина сливаются в один ослепительно-звучный поток; здесь вспыхивают споры об искусстве, поэзии, жизни.

Встречи с полотнами этого художника для меня — всегда праздник. Я лучше вижу краски жизни, их яркость, ярость...

Вспоминаются вечера у Михаила Федоровича Пьяных — любителя и знатока, специалиста по поэзии, особенно советской...

С нетерпением жду разговора о Пастернаке. Он будет, он обязательно будет, этот разговор, ибо во втором номере «Нового мира» И. Эренбург напечатал прекрасную статью о поэте... Много стихов, много споров. Расходимся далеко за полночь. Утром мне лететь в Судай. Но я встряхнулся, я уже имею трехмесячный заряд бодрости для безвыездного прожития в этом медвежьем углу.

Из заметок о путешествии по костромским местам Б.М. Кустодиева

И снова дорога. Тесно обступили ее, надвинулись на тропинки глухие костромские леса. Звонкой зеленью брызжут березовые рощи, синей пылью надвигаются сосняки, рыжей пеной кипят поля зеленого хлеба. Нестерпимо пахнет свежим сеном: время сенокоса! Откроется поле — и видишь: вдоль и поперек уставлено оно бесчисленными пирамидами стогов, а лес опять накатывается на дорогу, вздымает в гору и ходит на горизонте могучими синими валами.



Альберт Кильдышев. 1970 г.

Россия светло-голубая!
Стекает русая коса
С такими дерзкими губами,
Что спрячешь жадные глаза.
Гляжу я на поля ржаные,
На лес зубчатый, вырезной,
А дали чистые, сквозные
Пронизаны голубизной.
Размытых далей край
не резкий...
Россия, вольная страна:
Поля, озера, перелески—
Такая русская она.
И я, Россия, тоже русский,
И я не хвастаю — горжусь:
Мой глаз зеленый — тоже
узкий,
Мой волос жесткий — тоже
рус.

Ты — мать моя. И этим все сказано.

«ОТВЕТЫ Я НАПИСАЛ ЧЕСТНО»

В начале семидесятого года Магаданское телевидение решило сделать передачу об Олеге Куваеве и предложило нескольким его друзьям рассказать о нем. В том числе и мне.

Но я подумала, можно вовлечь в это мероприятие и самого Олега. Он жил в то время под Москвой, в Болшево. Вдвоем с писателем, ныне, увы, тоже умершим, Альбертом Мифтахутдиновым, мы составили текст анкеты, которую и послали Олегу.

1. Перечисли названия своих книг.
2. По каким произведениям сняты фильмы?
3. Что из написанного считаешь лучшим?
4. Как относишься к работе в кино?
5. С какого года на Чукотке и — все о ней.
6. Что представляет собой новый роман, по слухам, законченный?
7. Над чем будешь работать после?
8. Твое отношение к Северу.
9. Любимый напиток.
10. Любимая еда.
11. Любимый вид спорта.
12. Любимое место (куда всегда хочется приехать).
13. Место, куда хотелось бы поехать завтра.
14. Любимый афоризм.
15. Что бы ты хотел поведать почитателям своего творчества?

Олег ответил быстро, обстоятельно и со свойственным ему чувством юмора.

Великосветская анкета

1. Книги по порядку. «Зажгите костры в океане», «Чудаки живут на востоке», «Весенняя охота на гусей», «Птица капитана Росса», «Тройной полярный сюжет».



В этом году исполняется 60 лет со дня рождения писателя Олега Михайловича Куваева. Он родился 12 августа 1934 года на станции Поназырево. На нашей земле прошли первые годы жизни писателя.

2. Возню с кино я начал с документальных: «Люди тундры и моря», потом еще несколько сюжетов. Затем вместе с режиссером Алексеем Салтыковым написал сценарий по повести «Азовский вариант». Сценарий был дерьмо, и Мосфильм справедливо от него отказался. Затем снята была лента по рассказу «Берег принцессы Люськи» и фильм по повести «Птица капитана Росса», ничего общего с повестью не имеющий.

3. Из написанного лучшим считаю рассказы «Через триста лет после радуги», «Чуть-чуть невеселый рассказ» и «Два выстрела в сентябре». Достаточно «на уровне» сделаны повести «Весенняя охота на гусей» и «Азовский вариант». Все остальное туфта. Нету полета.

4. О работе в кино. В наши дни оно дает выход на миллионы. Посему парадокс — по короткому фильму «Берег принцессы Люськи» я получил больше писем, чем по пяти книгам. Кино еще заманчиво и силой эмоционального воздействия. Но профессия сценариста, мне кажется, в большей степени черта характера и владения ремеслом, чем литературный талант. Кроме того, кино — труд коллективный. Я же индивидуалист, к соавторству не способен, и в кино мне весьма тяжело. Но кино все же затягивает. Надо бы снять широкоформатный цветной фильм об Арктике, где была бы она вся с размахом, юмором и ее особым состоянием души. Но — режиссер... Где он?

5. На Чукотке с 57-го года. Начал коллектором в бухте Провидения — заливе Креста. Затем начальником партии на Чауне и острове Айон. Где был? Проще сказать «везде».

6. О чем роман? Внешне это история открытия золотоносной провинции. Но сие — сугубо внешне. С равным успехом можно было бы написать о каменном угле и т. д. Внутренне же — это история о людях, для которых работа стала религией. Со всеми, вытекающими отсюда, последствиями: кодексом порядочности, жестокостью, максимализмом и Божьим светом в душе. Производственных романов много. Отличие моего в том, что герои его веруют еще и в свой образ жизни, как единственно правильный.

Законченным роман не считаю. Слово является все-таки музыкальным инструментом. Само построение фразы способно вызвать у читателя эмоции. Мне кажется, большинство, работая над романом, увлекаются сюжетной и психологической стороной дела, забывая о возможностях слова, присущих рассказчикам.

Романист я начинающий и надо сначала дописать роман (шестой вариант!), а потом сесть и переработать его стилистически, чтобы каждая глава была сделана с тщательностью рассказа.

7. Над чем работать после? Я суеверный, лучше помолчу.

8. Отношение к Чукотке самое простое. Там я сформировался как личность и посему считаю её родиной не меньше, чем то место, где родился. Отношение к Северу? Я не поэт. А наверное только они могут столетиями перекладывать одни и те же эмоции.

Что касается меня, то я внимательно слежу за тем, что печатается на «полярную тему» в журналах. Все это, в том числе и мое, перепев трех мотивов — Джека Лондона, Бориса Горбатова и неких веяний журнала «Юность» конца 50-х годов. Жестоко, но это правда. Пока нет прозаика, который открыл бы новую грань системы «Арктика — Человек». Но будем думать, что это процесс накопления...

9. Любимого напитка нет. Всему свое время и место.

10. Любимая еда — «мясо по-чукотски».

11. Вид спорта — лыжи. Раньше лыжные гонки, теперь — горные. Красивая работа горнолыжных мастеров — это высокий балет в сочетании с опасным цирковым номером без страховки. Эх, годы, годы...

12. Всегда хочется приехать на озеро Эльгыгытгин или в Калючинскую губу.

13. Куда бы поехал завтра? Мечта детских лет: Тибет и морское побережье Юго-Восточной Азии. Только морем.

14. Могу повторить Хема: ничто не бывает столь плохо, как нам кажется, но и не бывает столь хорошо, как мы себе представляем.

15. Верю, что для каждого человека есть именно его работа и его географическая точка жизни. И никогда не поздно, ошибившись, начать сначала.

Заканчиваю... В передаче можешь все истолковать как угодно. Ответы я написал честно. Может, следовало бы хлестко, да нет желания.

Передача для телевидения была сделана в свой срок, но прошла незамеченной: живого присутствия самого Олега не хватало. В голову не шло, что совсем скоро оно станет вообще невозможным... Сегодня мне кажется, что написанная им самим анкета может рассказать о нем больше, чем мои самые добрые слова. На том и ставлю точку.

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

НАША МАРКА

КРАСНОСЕЛЬСКИЕ ЮВЕЛИРЫ

Начало местного ювелирного промысла затеряно в веках, но уже в XVII веке мастера-красносельцы работали по серебру, а в середине XIX века этим ремеслом было занято почти все население села Красного Костромского уезда. Кроме Красного изделия из серебра, бронзы и меди производили в селе Сидоровском и некоторых близлежащих деревнях.

Работали красносельцы семьями (дети помогали с малолетства) по заказу оптовых торговцев из зажиточных купцов и крестьян, от них же получали материалы для работы: листовую медь, бронзу, серебро, золото, соляную кислоту, стеклярус и т. п.

Изделия были самые разнообразные: шейные крестики и образки, цепочки, браслеты, броши, серьги, колье, кольца, супиры (кольца с искусственными камнями), мелкая посуда (стаканчики, рюмки, ситечки для чая, ножики, вилочки) и другие предметы. Большинство этих вещей отливались из серебра, после чего они золотились и гравировались, некоторые украшались искусственными камнями или эмалировались.

За торговлей изделиями из драгоценных металлов наблюдали Пробирные палатки, определяющие пробы их и клеймившие украшения. Было такое учреждение и в Красном.

Готовые изделия оптовые торговцы везли в обе столицы, на Ни-



жегородскую и Ирбитскую ярмарки, мелочные торговцы развозили их по всей России. Объем производства определялся пудами.

В 90-х годах XIX столетия в селе Красном была создана артель кустарей. В 1897 году по инициативе Костромского уездного земства открыт класс технического рисования, преобразованный в 1904 году в художественно-ремесленную учебную мастерскую золото-серебряного дела, которая снабжала кустарей образцами и рисунками. С открытием мастерской красносельцы стали осваивать технику скани, чеканки, литья.

После революции, в 1919 году, в селах Красном, Сидоровском и Подольском организовали кооперативные артели, одним из видов продукции которых стали революционные значки и жетоны. В следующем десятилетии ювелирный промысел в Красном зачах — стране было не до женских украшений. Артели влились в промколхозы и перешли на выпуск хозяйственных металлических предметов. К ювелирным работам вернулись лишь в середине 30-х годов, даже участвовали в международной выставке 1937 года в Париже.

В 1962 году кооперативные артели были реорганизованы в государственные ювелирные фабрики, в 1973 году организовано Красносельское производственное объединение «Ювелир». Учебно-производственные мастерские послужили основой для училища художественной обработки металлов, открытого в 1953 г., а через 30 лет, в 1983 году, в Красном открылся музей ювелирного и народно-прикладного искусства.

Лариса КОВАЛЕВА

На карте области

САНАТОРИЙ «КОЛОС»

Один из старейших и самых лучших санаториев, расположенный на волжском берегу в живописной лесной местности. Три вопроса главному врачу объединения «Костромакурорт» И. А. Тараканову:

— Игорь Алексеевич, сколько человек ежегодно поправляют свое здоровье в «Колосе»?

— В прошлом году около трех тысяч человек, в прежние годы было более трех тысяч. Больше лечится только в санатории «Костромской» — там и родители, и дети.

— А где предпочитает отдыхать местное начальство и приезжающие к нам высокие гости?

— Тоже в «Колосе». Во-первых, у него уже есть имя. Во-вторых, там лечатся сердечники, а начальство в силу специфики своей работы чаще всего жалуется на сердце. В-третьих, в «Колосе» высококвалифицированный медколлектив и хороший обслуживающий персонал. Кстати, очень удачно написала о «Колосе» журналист Лидия Кириленко: «В сердечном санатории работают сердечные люди».



— Обычно в санаториях с отдыхающими случаются разные интересные и смешные истории. Но «Колос», наверное, санаторий очень серьезный?

— Смешных историй в наших санаториях тоже хватает. Собрана целая подборка курортных анекдотов, может быть, вы ее когда-нибудь напечатаете. Один из последних случаев в «Колосе», где в настоящее время находится много старичков. Гуляют они, естественно, с палочками. Приезжают с местного телевидения снимать сюжет и спрашивают: что это за команда у вас сейчас отдыхает? Им отвечают: хоккейная, хоккеисты с клюшками ходят. Ответ сначала воспринимается серьезно, а потом все смеются.

Байка - быль

ШОССЕ СТРОЯТ — ИЗБЫ ЛЕТЯТ

Бывая в Вандышеве, непременно слушаю рассказы Прасковьи Ефимовны Александровой, тети Пани, как ее здесь все зовут, 80-летней крестьянки, заслуженной колхозницы. Любит она «свой низменный край» (вблизи известного для судиславцев и костромичей Кондаевского болота). И даже вспоминая об иных, не очень-то украсивших его преобразованиях, говорит незлобиво, с юморком.

— Дорогу-то на Судиславль прямили — ты, чай, помнишь?

И не дождавшись, помню ли, сразу же продолжает:

— Ну то есть раньше-то, еще со старых, почитай, времен, из Костромы шла через Грудки каменка. А тут, когда решили асфальтировать, давай, мол, Грудки-то объедем. Годов тридцать назад, наверно, было. Или двадцать пять. Чуть ли не от Антипинского переезда вырубали лес, овраг с ручьем засыпали да бочаги сровняли. И возят, возят землю — насыпь делают. До-олго возили. Уже и до щебенки дело вроде как дошло. Но инженер какой-то приезжает да и говорит: вода, мол, близко — надо насыпь отводить отсюдова. Начали заново строительство. Я про себя-то думала, по старой каменке пойдут. В Грудках к тому же и повыше. Куды там! Малость попошли и снова за своё: рубят невдалеке от Грудок рощицу, да землю и песок-от этот возят. А ведь дорога через Грудки не особо и кривой была. Ну, может, километр-другой выгадывали, поворачивая к Галкину-то... Да ты, чай, знаешь случай с первым галкинским-то дачником?

И снова не дождавшись ответа, продолжает:

— Только участок приобрел мужик, еще все радовался, что деревня тихая, не хуже нашей. И на тебе: строителей, вместо того, чтобы чуток пообогнуть, ну прямо поперек деревни угораздило дорогу делать. В аккурат впритык к его участку. А вон по ей машин-от сколько ездит! Днем и ночью. Дорога-то, говорят, главная для области. Какая уж тебе тут тишина. Да еще ладно, с мужиком-то городским. Ведь когда Галкино перерезали, избы три, а то и все четыре, понадобилось сносить. И что же? Где теперь деревня Галкино? Все съехали, летом одни лишь дачники живут.

— А старая-то насыпь, несгодившаяся, куда делась?

— Так сперва по ей все ребятишки на лисапедах гоняли, — ведь длинная, не один километр была. Потом, когда валиться начала, мелиораторы ее, знать, срыли. Сейчас-то распахали это место — ничего. Но все равно: когда иду по тропинке в Грудки, как-то голо. Ни рощицы, ни бочагов, ни ручейка. Проложена канава. Вот и все. Любуйся...

Леонид АБАТУРОВ

Хронограф

1974 Началось возведение сельского строительного комбината в Костроме.

1975 Филиал областного музея-заповедника открылся в Нерехте.

На Костромском заводе «Мотордеталь» выдана первая гильза.

В Мантурове вступила в строй первая очередь биохимического завода.

1976 Состоялся первый областной слет выпускников средних школ, решивших работать в сельском хозяйстве.

1977 В Шарье первую продукцию выдал цех древесностружечных плит.

В Москве в Союзе художников РСФСР прошла выставка «Художники Костромы».

1978 В Костроме вступил в строй Дом печати.

В Париже на выставке «Новые открытия советских реставраторов» представлены картины Григория Островского и Ефима Честнякова из собраний костромских музеев.

1979 Пущена в эксплуатацию бройлерная фабрика «Волжская».

1980 Начало строительства Костромской АЭС.

На мелиорированных землях в Костромском районе создан совхоз «Волжский».

1981 Сдан в эксплуатацию участок автомобильной дороги Кострома — Павино.

1982 В Буйском районе состоялась торжественная закладка поселка Чистые Боры.

В областном управлении внутренних дел открылся музей костромской милиции.

1983 В Красном открылся музей ювелирного и народно-прикладного искусства.

Открылось автобусное движение по маршруту Парфеньево — Кострома.

Костромской государственный драматический театр им. А.Н. Островского награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Началось движение электропоездов по маршруту Ярославль — Кострома.

1984 В Костроме прошла научно-практическая конференция, посвященная 110-летию со дня рождения Е. В. Честнякова.



Обычаи и обряды

ВЫШИВАНИЕ

Раньше почти и не было девушек, которые не умели вышивать. С малых лет начинали учиться этому, вышивали рубахи, пояса, юбки и сарафаны. Некоторые мастерицы вышивали ковры, покрывала.

В приданое для девушки нужны были и вышитая скатерть-столешница, и простыня с нарядным краем или богатым подзором. Богатые, зажиточные девушки готовили «наволоки» — это что-то вроде покрывала на кровать. Обязательно вышивали полотенца, украшали их кружевами.



Для вышивания брали льняную домотканую холстину, поверхность которой по счету нитей ткани позволяет повторять даже самые сложные узоры. Нитки — льняные или шерстяные. Покупали для вышивки и привозные. Узоры вышивали самые разные. Это и цветы с листочками, фигурки людей и птиц, красивые орнаменты.

Вышивали женщины крестом, гладью, полукрестом, использовали редко аппликацию. Встречается и тамбурный шов.

Вышивали в основном нитками черного и красного цветов или приближенными к ним.

Записано у Н. Н. НЕЧАЕВОЙ, уроженки д. Карманиха Пыщугского р-на.

ГРУСТИТЬ С ТОБОЙ, ЗЕМЛЯ МОЯ, И ПРАЗДНОВАТЬ С ТОБОЙ

Большой, осанистый, за версту видно — председатель. В общем, такой, какой всегда. К тому же говорит, что и работает по-старому — как десять, двадцать, тридцать лет назад.

— То есть наращиваю производство, а не сокращаю, — поясняет Леонид Михайлович.

Но это-то как раз и удивительней всего! Найдите-ка сейчас колхоз, где бы не сокращались посевные площади и поголовье крупного рогатого скота? А Малков только лишь коров держит 1200. Да еще мало ему этого. Намерен свой (он же и областной) рекорд побить. И кроме Сущева с Крутиком иметь дойное стадо в Шоде.

— Голов двести хотя бы. Уже и помещение подобрано. Но нет дороги.

Происходила встреча наша в середине мая. И что вы думаете? В эту далеко не продуктивную в животноводстве пору в колхозе Малкова надаивали от коровы по 15 с лишком литров молока. Полтора ведра в день!

Когда же речь зашла о полевых работах, то 68-летний председатель, словно юноша, с горячностью заговорил:

— Мне дико слышать, как иной раз наш же брат, сельхозник, рассуждает, будет ли сев, посеем ли? Да ты поменьше рассуждай! Ты на земле живешь, ты сеять должен — вот твоя задача. Это бесчеловечно, я иначе не скажу, если земля осталась незасеянной... И можете не сомневаться: тот, кто хочет, всегда посеет.

Мы не прикидывали, сколько денег принесут в его казну давненько уже ставшие обыденными «кубанский» урожай зерна и «белорусский» урожай картофеля. Но вот от мяса и от молока (его Малков сдает поболее иного вовсе даже не глубинного района) колхоз имеет каждый месяц миллионов сто. Доход стабильный. Но, по нынешним меркам, конечно, не ахти какая сумма. А чтобы больше получать, надо больше производить. А чтобы увеличить производство, мало только прочной кормовой базы, нужна и база материально-техническая. Нужны деньги, чтобы фермы оборудовать, подъезды к ним сооружать. А денег только-только на зарплату, да на самое необходимое.

Малков же не привык жить по таким средствам, когда хочешь не хочешь, а строительство сворачивай, когда лишнюю единицу техники приобрести — проблема, когда не долгосрочную ссуду дают под малые проценты, а понуждают брать грабительский кредит («который ни чем брать — лучше уж торговать пойти»).

Досадует:

— Третий год почти ничего не строим, хотя на очереди спортивный комплекс, торговый комплекс, заложено шесть двухквартирных домов. В прошлом году, правда, купили десять тракторов — ведь жить-то надо. Но купить сейчас новую технику и не влезть в долги — это надо через игольное ушко пролезть. Так же и с переработкой продукции. Представляете! Я за два агрегата — по маслу и по сыру семь миллионов заплатил, а за электричество, чтобы, значит, пустить их в работу, с меня просят 14 миллионов!..

И все равно: по крайней мере один агрегат — по сыру Малков собирается пустить. Еще подумывает о выращивании огурцов в открытом грунте («хорошую деньгу на этом можно сделать»). Короче, рук не опускает. Верит: долго так не может продолжаться, и скоро все встанет на свои места. Нормализуется. Каким же образом? Не знает. Но нормализуется — и все.

* * *

— А что колхоз-то не переименовали, Леонид Михайлович? Союза нет, а у вас по-прежнему — имени 50-летия СССР.

— Нам это звание присвоено Президиумом Верховного Совета РСФСР. То есть российскими, а не союзными властями. А мы в России ведь живем, все в том же самом государстве.

— Ну-у, далеко не в том самом!

— Что было, есть и будет — все это родное, наше. Хранить должны — не разрушать. Вот думают, Малков славу боится потерять, за председательское место держится. Да я бы хоть сейчас ушел! Позвал бы с собой двадцать лучших мужичков — и жили б не тужили. Но легче всего бросить все в такой ответственный момент и развалить. Ну как, скажите мне, можно дробить два крупных животноводческих комплекса по две тысячи голов? А инженерно-технический комплекс, где в теплых гаражах 70 машин и 60 тракторов, где 15 зерновых и 16 картофелеуборочных комбайнов? Нельзя ничего этого дробить! Это же создавалось как единое, как общее. Надо, наоборот, все это укреплять. Иначе, кроме нас, кто же Россию-то накормит?

— А кстати, фермеры у вас есть?

— Четыре человека. Из одного, уверен, выйдет толк. Но сколько надо их таких, чтобы накормить народ? А у меня пятьсот работающих, да пятьсот колхозников-пенсионеров. Кто об этих стариках позаботится, если не станет коллектива, если я всех в свободное плавание отпущу? Вот и ломаю голову, как лучше сделать. Может быть, както так придумать, чтобы инженерный комплекс выступал в роли МТС, а все бы вновь создавшиеся коллективы пользовались его техническими услугами? В общем, не знаю. Но не исключаю, что со временем колхоз наш можно и разукрупнить. Считаю, оптимальные размеры хозяйств были сразу же после войны, когда я только начинал в сельском хозяйстве. А уж в Сущево я пришел в 63-м году, когда из четырех колхозов сделали один.

— Еще и пятый присоединяли...

— Вы имеете в виду колхоз «Фоминский»? Ну-у, это же совсем недавно было! Присоединял. Привел там землю всю в порядок. Но ведь Фоминское от нас за тридцать километров. Не под рукой. Решили, сами пусть теперь хозяйствуют...

— А вот в самом Сущеве земля раньше очень уж была плоха?

— Да не сказал бы, что естественное плодородие было низким. Но если в целом про колхоз наш говорить, то много супеси, камней и гор. Ясно, старались земли улучшать. За счет органики, конечно, в первую-то очередь. Из Мискова не один миллион тонн торфа вывезено да своей органики сколько!

— Вы сами родом тоже, кажется, из Мискова, но только из другого?

— Нет, я родился-то в Жарках. А Мисково стояло рядом. Ох и богатое было село. И видно, чтоб о нем осталась память, назвали Мисковом поселок торфопредприятия. Само же Мисково ушло под воду, когда Горьковское водохранилище образовалось. Многих тогда лишились деревень. Жаль, очень крепкие деревни были.

— Подсказывали вам, когда вы стали председателем, что надо делать, как, или вы все определяли сами?

— Я никому очень-то в рот не глядел. С начальством, правда, не ругался, но всегда делал по-своему. Да, в общем-то, ко мне особо и не приставали...

* * *

Советская власть наградила его «Золотой звездой» Героя (а колхоз — орденом «Знак Почета»). Постсоветская — присвоила звание «Заслуженный работник сельского хозяйства». Есть и



церковная награда, очень красивая, в форме креста, — орден Святого князя Владимира, который он получил первым в области в 1991 году.

Церковь отметила заслуги Леонида Михайловича Малкова в восстановлении Свято-Димитриевского храма в Фоминском.

Сам же он, говоря об этом, поначалу скромничает: мол, попросили прихожане, вот и сделал. Довольно быстро. За колхозный счет. Только затем, малость подумав, добавляет:

— Хочу, чтоб русский человек нормально, полноценно жил. Ведь вера православная с культурой русской связана, с традициями нашего народа. И если потеряем веру, потеряем и культуру.

— А сами-то вы в Бога верующий?

— Не сказал бы верую, но я молюсь.

Молчание. Впрочем, недолгое.

— Колокола помог повесить, — продолжает, — на сущевскую Христорождественскую церковь. Звонят. Да и народ теперь туда захаживает чаще. Это хорошо. Хотя народ, конечно, в основном неверующий. Влита не та кровь, что была в нем до 17-го года. А ведь распущенность и пьянство, и неуважение к старикам во многом именно из-за этого. Сейчас они особенно заметно проявились — переломная эпоха. Да еще эта неопределенность, неспокойствие. Многие жить стараются только сегодняшним днем, не утруждая себя мыслями, а что же завтра, в будущем?..

Найдутся ли у Малкова преемники? Найдутся, говорит, работаем, готовим из своих же. Вот только председателем сейчас быть — осмотрительность, разборчивость втройне нужна. Наскребешь, скажем, денег, чтобы выручить какого-либо производственника, пусть даже хорошо знакомого тебе, а придет время возвращать долги, тот заявляет: на счету ни рублика. Как хочешь, так и спрашивай с него.

А к Малкову просто привыкли обращаться за финансовой или какой-либо подпиткой. Знакомые и незнакомые, производственники и не только. Не так давно, к примеру, общество русско-сербской дружбы попросило. Недолго уговаривали, дал. Сто тысяч. А было бы больше, дал и больше. Лишь бы не видели приехавшие гости с огненных Балкан нынешней бедности великой матушки России. Впрочем, он сам же говорит, что эта бедность ненадолго.

Леонид АБАТУРОВ
Костромской район

ВОЛШЕБНИК ИЗ ШАБЛОВА



Ефим Честняков.
Редкий снимок 1900 г.

19 декабря (по старому стилю) 1994 г. исполняется 120 лет со дня рождения Ефима Васильевича Честнякова, костромского крестьянина и мудреца, живописца и скульптора, сказочника и поэта... О Ефиме Честнякове в последнее время написаны статьи и книги, картины его объехали весь мир, увидевший их в Италии Андрей Тарковский, говорят, был потрясен и после окончания «Ностальгии» собирался снимать фильм о волшебнике из деревни Шаблово. И только смерть помешала великому режиссеру создать фильм о великом художнике. Творческое наследие Ефима Честнякова чрезвычайно разнообразно. Недавно «Губернский дом» рассказывал о Честнякове-фотографе, светописце, сегодня же предлагает вниманию читателей его поэтические произведения — из неопубликованных рукописей, хранящихся в фондах объединенного художественного музея.

ПУШКИН ЕДЕТ НА БАЗАР

Пушкин едет на базар.
Его попутчиком — Назар.
Как и Пушкин, он — поэт,
Не знаю, нужный или нет.
Пушкин — барин, не бедняк,
Назар — крестьянин, середняк.
Не пролетарии народа,
Но вроде как бродяги оба.
В коляске катит барин Пушкин
И знай болтает по-французски
И из жизни разных наций
Говорит импровизации,
Экспромтом — русские стихи.
И превосходны, не плохи.
И тихо, шагом, врысь и вскок —
Поэзии калейдоскоп.
И не колюч у розы терн
В его стихах про Анну Керн...
Есть все: и сказки, и поэмы,
Но нет там деревенской темы.
Назарко шляндает, не злясь,
А на лаптях — вода и грязь.
И он занятно мог сказать
О королях и о царях.
Но нет таких в его краях.
И за какие деньги взять?
А сам он, худенький, простой,
До этой встречи в жар, ненастье,
Прижатый тягостной напастью
Ходил за скромною сохой...

* * *

Назар мне говорил об этом, —
Как был в товарищах с поэтом.
И эти самые слова
Я точно передам и вам:
«Нам случилось по пути
К Музам с Пушкиным идти, —
Вроде как котел с горшком:
Ехал тот, другой — пешком.
Пушкин — с легкой головой,
Я — с работы ломовой.
Ведь имел поэт, мой друг,
Обеспеченный досуг.
Клада он в душе не скрыл,
Все таланты проявил.
Труд мой леп или нелеп,
Для меня он — черный хлеб.
Так тяжел крестьянский груз,
Что нередко не до Муз...
Без чудес, со мною рядом
Пушкин едет скучным шагом,
Да невесело и мне:
Пеший я, он на коне.
Нет и сил, уж я устал,
Все лаптишки истрепал...
«Сергеич Саша, — говорю, —
Тебя весьма благодарю
За то, что ты, не братец мой,
Но деликатен так со мной.
Ты приглашаешь? Не сажусь
И этим самым не горжусь.
Ведь в тарантас, прошу простить,
Подобных мне не поместить.
Но даже, даже и для вас
Не так удобен тарантас,
Как у иных автомобиль,
Уже не сказочка, а быль.
Равны в том смысле ты и я:
Не графы мы и не князья».
А Пушкин, глядя на меня:
«Не знаю, как понять тебя.
Мне по занятию — собрат,
Как я, отменно не богат.
Стремишься ты поэтом быть,
А ставши им, — о том забыть.
Я быстро понял: ты не плут,
Но представляешься, как шут.
Чтобы с Пегаса не свалиться,
Я посоветую тебе:
Не смей судьбе ты покориться,
А покори ее себе.

Со мною рядом ты, хоть пеший,
Хоть не привольно жить тебе,
Но рассужденьем не утешить
Эпох неправедных скорбей.
Словами ты пиши картины, —
Что знаешь сам, свои былины.
Прелестно это, мне поверь,
Издатели откроют дверь.
И без иронии судьбы
Читатель купит, может быть...
Садися в бричку! Что мы
плачем?
Сейчас к Орине мы доскачем!
Там есть уютный кабинет
Да очень вкусный и обед.
И виноградного вина
За Музу выпьем у меня
И побеседуем вдвоем,
Базар в речах не обойдем
И славно время проведем.
В тиши, весенним вечерком
С своею Музой познакомь.
Ты — сын Земли, из низа снизу!
Ведь я тебя впервые вижу!
От Родионовны Орины
Услышим мы ее былины, —
Из нашей бытности родной.
Ты не родня ль ей, милый мой?»

СКАЗКА О СКАЗКАХ

1

Написал писатель веселую
сказку.
Художник закончил картинки,
раскраску.
Хотели отдать эту сказку
ребятам.
Ку-у-уда там!

2

Пришел ГУС, очень важный гусь,
Обратил на сказку внимание.
«Она, — говорит, — не
соответствует
Детскому пониманию.
В ней, — говорит, — установки
нет.
А, впрочем, обратитесь
В Главполитпросвет».

3

У мудрого дяди
Главполитпросвета
Сказка лежала целое лето.
Зимой рассмотрели ее,
бедняжку,
И прикололи к ней бумажку:
«Сказка правильная по части
биологии,
Но в ней не видно
Марксистской идеологии.
Воробью надо убавить нос,
А впрочем, обратитесь в
Главсоцвос».

4

Подумал, подумал Главсоцвос
И сразу ребром поставил
вопрос:
«В сказке явно заметны шатания
В смысле методов воспитания.
Художнику нужно поставить
в вину
То, что солнце похоже на луну.
В общем, в сказке в смысле
краски
Есть большие неувязки.
Пусть их поставят в виде
вопроса
В исполкоме отдела
Наркомпроса».

5

Школьный отдел с миной
недовольной
Сказку отправил в отдел
дошкольный.

6

Отдел дошкольный, полный
почтения,
Сказку понес в институт
Детского чтения.

7

Институт занес сказку в
картотеку
И переправил в центральную
Библиотеку.
«Просим высказать ваше
суждение...
С приветом Институт
Детского чтения».

8

Библиотека сказала:
«Я сама решить боюсь.
Отправлю-ка сказку
в Центросоюз».

9

В Центросоюзе через полгода
Написали справку такого рода:
«При чтении в сказке
Не обнаружено людей,
А птицы не проводят
Кооперативных идей.
У воробья почему-то
Живот болит.
Ерунда!.. А, впрочем,
Отправить в Главлит».

10

Главлит посмотрел
И дал свою визу:
«Убрать полсказки —
Сверху и снизу.
В третьем рисунке
Замазать улиту.
(Это намек неуместный
Главлиту).
Воробья — зачеркнуть:
Он только мешается.
После исправления
Печатать разрешается».

11

В сельской сторонке
Плачет мальчонко,
Трет свои глазки:
Рожки да ножки
Остались от сказки.

Подготовил к печати
Владимир ПОВАРОВ



Рисунок из записной книжки Ефима Честнякова.

НАША МАРКА

КОСТРОМСКОЙ СЫР

В 1866 году по настоянию Н. В. Верещагина (брата знаменитого русского художника), изучившего молочное дело в Швейцарии, Императорским Вольным Экономическим Обществом в Тверской губернии была открыта первая артельная сыроварня в России. Русский крестьянин смотрел на артельное дело недоверчиво, но частные сыроварни стали возникать во многих местностях России, в том числе и в Костромской губернии. Впрочем, нельзя сказать, что до 60-х годов XIX века в здешних краях не знали о производстве сыра, но изготавливали его исключительно для домашнего потребления, продавая в город только излишки. Правда, своих мастеров-сыроделов не было, их приглашали из Швейцарии. Так, швейцарец мастер Чукани варил сыр в усадьбе Нероново помещиков Черевиных, получая сыра в год от каждой дойной коровы по 3 — 3,5 пуда.

Расцвет усадебных сыроваренных заводов в Костромском крае начинается в 80 — 90-е годы. В усадьбе Кузьминки Кологривского уезда в 1881 году открывает сыроварню отставной гвардии ротмистр А. В. Михалков (предок и родственник Сергея, Никиты и Андрея Михалковых). В 1882 г. в усадьбе Аблазино Буйского уезда ученик Н. В. Верещагина И. Х. Варламов открывает еще одну.

Костромская губерния во многом обязана в развитии промышленного сыроварения московским купцам А. Чичкину, В. и Н. Бландовым. Благодаря их неутомимой деятельности, сыроварение еще в 70—80-е гг. начало выделяться в отдельный промысел. Только в Костромском уезде братья Бландовы и Чичкин имели не менее 6 заводов. Старейший был открыт в 1878 г. в с. Андреевском. Сюда они завозили и бесплатно раздавали крестьянам породистых коров с тем, чтобы молоко сдавалось на их заводы.

В 1895 году стали открываться сыроваренные заводы местных торговцев и крестьян. Они были разные и по числу работающих на них людей, и по производительности. Большинство всех сыроварен сосредоточилось в Костромском и Буйском уездах.

К 1912 году в Костромской губернии существовали 120 заводов и вырабатывали они до 60000 пудов сыра в год. Среди местных производителей встречались зажиточные крестьяне, владевшие 2 — 5 заводами. Уровень их производства приближался к уровню заводов московских купцов. Частные сыры были отменного качества. Лучшие отправлялись в столичные города Москву и Петербург. А в 1913 г. были представлены императорской семье на знаменитой земской выставке, устроенной в ознаменование 300-летия Дома Романовых, сыры от Булдакова, Мальцева, Смирнова и другие.

Швейцарский сыр у костромских сыроваров так и не получился, зато возникли свои, отечественные сорта швейцарского типа — «мещерский», «верещагинский». «Честер», «бакштейн», «голландский» — русские сорта, хотя и с иностранными названиями. Пользуются сейчас спросом в других городах и сыры с местными названиями — «костромской», «сусанинский»...

Галина ДАВЫДОВА, Ирина ТЛИФ

Байка-быль

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Многим костромичам памятны спектакли драматического театра имени А. Н. Островского, ставшие значительным явлением не только культурной жизни города и области, но и яркой страницей достижений отечественного сценического искусства. Но мало кому ведомы печальные (либо смешные — это как посмотреть) казусы, порожденные на ниве запретительства.

Эта чудесная история случилась с новогодним спектаклем «Дед Мороз и Санта Клаус». В самый разгар школьных каникул в кабинете директора театра появился взволнованный товарищ управляющий всей культурой и всем искусством области.

— Вы что играете? — спросил взволнованно.

— Новогоднюю сказку, — наивно ответил директор.

— Заменяйте другой. Немедленно, — упомянул про утерю политического чутья.

— Да что случилось? — не на шутку встревожился и директор.

— Только что звонили оттуда. Внук с бабушкой ответственного товарища побывали на спектакле и очень удивились, что у вас на представлении американский Санта Клаус на ракете свободно перелетает границу Советского Союза... А где были наши пограничники? Как они могли такое допустить?.. Народ вас не понимает.

— Играем, как написано в пьесе, — проникновенно ответствовал директор. — Вот, пожалуйста... Залитована... разрешена к публичному исполнению Министерством культуры...

— Странно, странно, — незванный гость долго листал экземпляр пьесы, наконец облегченно вздохнул: — Если само Министерство... тогда другое дело...

Благодаря «руке Москвы» юные костромичи смогли досмотреть новогодний спектакль «Дед Мороз и Санта Клаус»...

Евгений СТЕПАНЕНКО

Хронограф

1984 Открытие Костромского цирка.
1985 На базе дома отдыха в Малышкове открыт санаторий для родителей с детьми «Костромской».
Открыто новое здание областной филармонии.
1986 Пущен автодорожный мост через реку Кострому.
Сдана первая очередь издательско-полиграфического предприятия «Кострома».
1987 Создано Костромское областное отделение Российского фонда культуры.
В Парфеньеве открылся литературно-художественный музей.
1988 Создан областной комитет экологии и природных ресурсов.
1989 Стартовал экологический марафон «Волга».
Выпустил первую продукцию радиоприборный завод.
В Костроме прошел III Всесоюзный фестиваль народного творчества.
1990 Возродился крестный ход в честь явления Федоровской Богоматери.
В Костроме открыто духовное училище.
Вышел первый номер газеты «Костромские ведомости».
1991 В Костроме прошел VI Всероссийский съезд общества охраны памятников истории и культуры.
Вышел первый номер газеты «Костромской край».
Открыт международный мотель «Интурист-Кострома».
Освящен Костромской ломбард (первый случай освящения гражданского здания за последние 70 лет).
1992 Прошел международный детский фестиваль «Русская ярмарка в Костроме».
Ассоциация городов Костромской области вошла в союз городов Северо-Запада России.
В Ипатьевском монастыре прошли съемки фильма «Слово о полку Игореве» (режиссер Юрий Соломин).
Создан первый в России частный театр народного танца «Кострома».
Вышел первый номер журнала «Губернский дом».
1993 Начались передачи Костромского телевидения — государственной телерадиокомпании и телестудии «Настя».
Костромскую епархию посетил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.
В Костроме прошел историко-художественный фестиваль «Вехи».
Потсдамская ремесленная палата открыла в Костроме свое представительство.
1994 Костромской конькобежец Александр Голубев стал первым олимпийским чемпионом сборной России.
Состоялось первое заседание областной Думы.
Сельхозинститут «Караваево» преобразован в сельскохозяйственную академию.



Обычаи и обряды

СВАДЕБНАЯ ОДЕЖДА

Свадебная одежда не продавалась после свадьбы (можно продать свое счастье). Она складывалась в сундуки, передавалась родственникам по наследству. Невеста задолго до свадьбы шила одежду, готовила приданое. Белая расшитая рубаха, украшенная кружевами, и сарафан, также украшенный вышивкой и полосками ткани. Встречались сарафаны и с оборками в несколько рядов, с «грибами». Платок готовили заранее, тоже особенный. Чистого шелка, расшитый разноцветными шелковыми нитками.



Обязательно надевали на свадьбу пояса, встречались пояса с надписями. Невеста надевала самые лучшие украшения: бусы, серьги.

Невеста заранее готовила для своего будущего мужа пояс. Вышивала различными узорами, делала надпись, например: «милому другу». Пояс этот охранял его от всех бед, напастей, наговоров, чужих жен, болезней.

Если свадьба была зимой или в холодное время года, невеста и жених надевали шубы мехом наружу. Это хорошая примета для новобрачных.

Записано у М.Н. ХАРИНОВОЙ, д. Середняя Пыщугского района.

ВСПОМНИМ ДОБРЫЕ ДЕЛА, СКАЖЕМ ТЕПЛЫЕ СЛОВА

Беседа с главой администрации Костромской области В.П. Арбузовым

— Валерий Петрович, в рубрике "Годы и люди" разговор у нас пойдет о последнем десятилетии в жизни области, в котором было так много всего самого разного. Какое бы вы дали определение этому периоду времени?

— Это десятилетие не было каким-то исключением и не отличалось особенно от других, костромичи напряженно трудились над выполнением планов экономического развития области. Если что-то выделять, то можно сказать об активном строительстве жилья и дорог в сельской местности, что позволило стабилизировать демографическую ситуацию, в некоторых районах пошел прирост населения, увеличилась рождаемость. Это один из самых важных показателей, от которого зависит будущее нашей области. Кроме строительства жилья и дорог с мостовыми переходами через реки Ветлуга и Унжа, построили больницы — в Макарьеве, Антропове, Поназыреве, Шарье, аптеки — в Буе, Галиче, Нерехте, Парфеньеве, открыли дополнительные детские сады, сельские школы и Дома культуры. То есть первоочередное внимание стало уделяться объектам социально-культурного назначения. Вместе с тем, шло и крупное промышленное строительство — радиоприборный завод, трубный завод в Волгореченске, завод керамических кирпичей в Космынине, полиграфкомбинат, кондитерский комбинат в Заволжье, во всех районных центрах построены кондитерские цеха и цеха по переработке сельхозпродукции. Разработаны новые образцы и виды продукции на заводе "Строммашина" — уникальное оборудование для распилки и шлифовки мрамора и гранита,



выпущено новое станочное оборудование на заводах деревообрабатывающих станков и текстильного машиностроения.

За это десятилетие значительно возрос и укрепился научно-интеллектуальный потенциал нашей области. Сегодня сельскохозяйственный институт официально утвержден в статусе академии, решается вопрос о преобразовании педагогического института в университет образования и культуры. Сельскохозяйственная опытная станция получила статус научно-исследовательского института. Это говорит о том, что вклад наших ученых признан и высоко оценен, в пединституте, например, создана единственная в России лаборатория детства.

— А о таких новых явлениях как предпринимательство или фермерство говорить всерьез еще, наверное, рано?

— Уже можно говорить. В области действуют 1100 фермерских хозяйств, не все еще нормально обустроены, но некоторые фермеры из Костромского, Нерехтского, Макарьевского, Шарьинского районов уже стоят на ногах основательно. Пользуется спросом и новая продукция предпринимателей, например, телевизоры "Горизонт", которые выпускают в Шарье. Сейчас в области приватизировано 87 процентов предприятий, и этот процесс активно идет дальше, начался этап приватизации крупных предприятий. Многие из этих предприятий работают успешно, в этом заслуга их руководителей и трудовых коллективов, несмотря на сложности, люди решают многие вопросы, которые поставила перед ними жизнь.

— Кого из этих людей хотелось бы вам вспомнить сейчас добрым словом?

— Назвал бы директоров: Костромского фанерного комбината Мифтахова Рашида Мифтаховича, завода автоматических линий Перелешина Сергея Александровича, объединения "Ювелирпром" Тютюкина Владимира Вардатовича, объединения деревообрабатывающих станков Полякова Станислава Ивановича, главного инженера Северной железной дороги Андреева Дмитрия Львовича. Из аграрников отдаю предпочтение трем «китам» — Малкову Леониду Михайловичу и Косопанову Геннадию Ивановичу из Костромского, и Померанцеву Валерию Викторовичу из Судиславского районов. Отметил бы ректоров всех трех костромских вузов — Соколова Александра Львовича, Степанова Владимира Александровича, Рассадина Николая Михайловича, из учителей — Крылова Александра Дмитриевича

из Неверовской средней школы Нерехтского района и Алядинову Людмилу Павловну из школы № 34 г. Костромы. Главных врачей первой и второй горбольниц в Костроме Смирнова Евгения Леонидовича и Чуракова Юрия Александровича, а также Александра Николаевича Федосеева из кардиологического центра. Хочется сказать самые добрые слова о нашей творческой интеллигенции — это художник Евгений Вячеславович Радченко, актриса Лариса Александровна Солнцева, писатель Юрий Владимирович Лебедев, музыкант Карин Наумович Герцензон, неувядаемый Герцензон, который с концертами проехал всю область...

— Валерий Петрович, если бы мы беседовали лет пять тому назад, то непременно вспомнили наших героев соцтруда, маяков соревнования: ткачиху Плетневу, строителя Смирнову, кузнеца Мохова, слесаря Матвеева...

— А их и сейчас можно вспомнить и сказать им хорошие слова за их труд. Эти люди еще не сошли с арены. Валентина Николаевна Плетнева, например, хотя и на пенсии, но имеет за последние два месяца самую высокую выработку на предприятии. Зоя Ананьевна Смирнова тоже помогает нам в решении многих вопросов. Так что телерубрика "Потухшие звезды", в которой бывают передачи о наших бывших героях труда, не совсем точна. "Звезды"не потухли, они и сейчас многим светят.

— Каждый уголок земли имеет свои особенности. Костромская земля всегда славилась своими промыслами и ремеслами, отличалась интересными обычаями и обрядами. А в чем ее своеобразие сегодня?

— В сочетании добрых традиций и нового опыта. То, что делали наши деды и прадеды, продолжает работать на нас и дополняется тем, что сделано нашими современниками за последние пятьдесят лет. Кострому знают и как край текстильный, ювелирный, и как место, где выведена новая порода крупного рогатого скота, где построены крупнейшая в Европе ГРЭС и завод "Мотордеталь" — спутник КамАЗа. Сегодня 77 предприятий в области занимаются внешнеэкономической деятельностью, за рубежом большим спросом пользуются наши ткани, ювелирные изделия, продукция фанерных комбинатов.

— Своей природой костромская земля тоже особенна, это замечают многие гости, приезжающие сюда. Как нам суметь сохранить это богатство, использовать в полной мере возможности природы для развития туризма и оздоровительного отдыха? Ведь это перспективный и, надо сказать, весьма доходный путь, по которому может пойти область.

— Из всех соседних областей Костромская — самая экологически чистая. На экологическую ситуацию в области мы стали обращать сейчас большое внимание, строим крупные очистные сооружения, внедряем технологии по использованию гальваностоков, значительно сократили молевой сплав по рекам, лучше стали использовать лесосырьевые ресурсы. Наш комитет по экологии разработал методику по использованию природных ресурсов, которая стала применяться по всей России. Надо сказать, что база санаторно-курортного лечения и туризма была создана у нас как раз в последнее десятилетие и считалась одной из самых крепких в стране, многие люди желали приехать сюда на отдых. И сейчас желают. Поэтому базу туризма и оздоровительного отдыха мы при всех сложностях будем развивать. Буй и Галич, например, станут делать это в рамках программы развития малых городов России. Большое значение сейчас имеет наш мотель-кемпинг, построенный недавно, но уже получивший международный приз, как лучший из 150 отелей мира. Конечно, отдыхающих в нем привлекает не только уровень сервиса, но и окружающая природа, и Кострома с ее богатой историей, памятниками культуры, храмами.

Мы многое сегодня делаем, чтобы на костромской земле возрождались храмы. Находим в этом вопросе взаимопонимание с нашей епархией, которой исполняется 250 лет. Кроме передачи епархии старых храмов, реставрации их, помогаем строить новые — в микрорайоне Давыдовском, в Чернопенье, в селе Палкино Антроповского района. Остро стоял вопрос по Ипатьевскому монастырю, но сейчас и здесь пришли к соглашению. Монашеская община не помешает музею, напротив, жизнь за его древними стенами станет естественней и интересней. Пора нам освобождаться от психологии "не пускать" и понять: время противостояния прошло, настало время совместной работы по духовному возрождению, и общие наши усилия мы должны направить для достижения мира и согласия в обществе.

— На этой ноте можно и закончить разговор, который получился достаточно спокойным и ровным. Как говорится, без больших проблем.

— Надо было сказать о том хорошем, что сделано, и воздать за это должное людям. А о проблемах поговорим в другой раз, хотя о двух из них можно сказать и сейчас. Первая — вопросы социальной защиты населения. В каждом районе будем создавать центры социальной защиты населения, параллельно с этим вести работу по дальнейшему строительству домов-интернатов. Вторая проблема — молодежная политика. В каждом районе должны быть центры по работе с детьми, как сделано это в микрорайоне Давыдовском, где разнообразно и интересно работает культурно-спортивный центр "АРС". Подобные центры уже начали работать в Нее, Нерехте, Павине. Проблемы ветеранов и детей надо решать в первую очередь. Чтобы старость одних была устроена, чтобы детство других было радостно. Чтобы больше проходило на костромской земле культурных праздников и спортивных соревнований, чтобы дети росли здоровыми и вырастали из них на смену Алевтине Олюниной и Саше Голубеву новые олимпийские чемпионы.

Беседовал Николай МУРЕНИН

ЧЕМПИОНЫ

В 21 год костромич Александр Голубев стал олимпийским чемпионом. Это случилось в 1994 году, на Зимней Олимпиаде в Лиллехаммере. 500-метровая ледяная дорожка оплавилась под его коньками и на табло вспыхнули цифры: 36,33 секунды. Новый олимпийский рекорд.

Виктор Савельев, тренер Саши, сказал потом корреспондентам: «Я сразу понял, что Саша победит, как только он взял старт. Не знаю, каким чувством, но понял».

Это была первая золотая олимпийская медаль России. Чем она стала для костромичей — даже описать невозможно. Сашу встречали на границе Ярославской и Костромской областей с шампанским, кострами, телекамерами. И с утра следующего дня на него обрушилось внимание со всех сторон: приемы у губернатора в его честь, праз-



ник в цирке в его честь, на который съехались такие звезды Российского спорта, как Лидия Скобликова, Мария Исакова, Наталья Петрусева, Алевтина Олюнина. Но и этим дело не кончилось: Саше присвоили звание заслуженного мастера спорта Российской Федерации и сам Президент России вручил ему орден Почета.

Мама олимпийского чемпиона Галина Алексеевна, скромная работница Костромской обувной фабрики, даже испугалась: у сына не остается времени на нормальную личную жизнь. Ее мальчик, который никогда не любил привлекать к себе внимание, никогда не выпивал и не курил, никогда не любил ничего дорогого ни в еде, ни в одежде, вдруг оказался в центре всеобщего внимания и интереса, перед многочисленными соблазнами жизни. Но мама испугалась напрасно. Саша терпеливо перенес приемы и овации и, как было прежде, пошел на тренировку.

Лидия КИРИЛЕНКО

После спортивного праздника в честь победы на Зимней Олимпиаде нашего Александра Голубева, я позвонила в Костромской спорткомитет: «Что же вы всех олимпийских чемпионов-костромичей пригласили, а про Валентину Цареву забыли? Про первую-то нашу чемпионку?..»

Вот она на снимке, который хранится у меня с 1956 года. Именно тогда в Кортина д'Ампеццо советская сборная впервые участвовала в Зимних Олимпийских играх и четыре наши лыжницы выиграли эстафету. В их числе были легендарная Любовь Козырева и Валентина Царева. И на фотографии на ее свитере вы видите скромную снежинку — одну из первых советских олимпийских золотых медалей.

А мы с Валей дружим еще со школы. В костромской 25-й Валя для всего нашего класса была кумиром, мы всем восьмым клас-



сом бегали за нашу подругу-десятиклассницу болеть, когда она выступала на городских соревнованиях. И не только сильный спортивный характер нравился тогда в Царевой нам, но и красота, женственность, какая-то удивительная мягкость в общении с нами и спокойствие.

В 1944-м, закончив нашу школу, Валентина поступила в Ленинградский институт имени Лесгафта, там она и преподавала впоследствии многие годы. Она, кстати, и сегодня помогает в проведении различного ранга спортивных состязаний — от детско-юношеских до международных. После Лиллехаммера она с восторгом писала мне о победе лыжницы Любови Егоровой, прямо не говоря, но, думаю, в душе радуясь, что успех тогда в 1956 году в Кортина д'Ампеццо был первой победой, проложившей путь к сегодняшней славе наших лыжниц, которых боятся и финнки и норвежки. А вообще-то Валентина Георгиевна — человек скромный. Она частенько приезжает в Кострому, но тем, кто встречает на костромских улицах эту немолодую уже милую женщину, и невдомек, что это — такая знаменитость...

Алла МОСКВИНА

ЛЕН-БАТЮШКА



Велико было значение костромского края в производстве льняных полотен в Русском государстве. В 1773 г. из 26 полотняных мануфактур, числившихся в ведомстве Мануфактур-коллегии, 7, т. е. почти четвертая часть всех мануфактур находилась в Костроме, Кинешме и Нерехте. Все они были исключительно ткацкими заведениями и работали на пряже, покупаемой обычно у окрестных крестьян или привозимой из других уездов.

К началу XIX века количество мануфактур в губернии возросло до 35. Только в Костроме вырабатывалось около 70 тыс. кусков полотна в год на сумму более миллиона рублей ассигнациями, что составляло третью часть всего общерусского вывоза полотна за границу. Это был период максимального развития льняных мануфактур в губернии.

В 20-х годах XIX века в льняном производстве начинается кризис, что было обусловлено расцветом хлопчатобумажной промышленности и дешевизной ее продукции. Производство льняного полотна стало убыточно, полотняные мануфактуры закрывались.

Возрождение льняной промышленности на более высоком уровне (фабричное производство) началось в 50-х годах XIX века. В связи с Крымской войной увеличился спрос на холст и полотно, что совпало с открытием в Костромской губернии первых льноприготовительных и льнопрядильных фабрик, где использовался европейский опыт обработки льна. В то же время домашнее ручное прядение льна приходит в упадок. Крестьянский промысел, господствовавший целые века, был вытеснен в течение нескольких лет.

Материалы, сотканные на местных фабриках, пользовались спросом на Всероссийском рынке. Нерехтская фабрика Сыромятникова и Дьяконова поставляла продукцию в Москву, Петербург, на Нижегородскую, Ирбитскую и Малороссийскую ярмарки. На московской выставке 1853 г. за «обширное производство... доброкачественных тканей, в особенности за пеньковый атлас и льняную с бумагой коломянку..., вполне заменяющими иностранные подобного рода изделия» фабриканты получили золотую медаль. А несколько лет спустя, в 1861 г., уже на петербургской выставке мануфактурных изделий, из 6 представленных льнопрядильных предприятий 3 были костромскими.

Сейчас переработкой льна и изготовлением льняных тканей в области заняты 18 льнозаводов и 4 комбината: акционерное общество «Звольма», Большая льняная мануфактура, акционерное общество «Кратекс КО» (в г. Нерехте), производственное льняное объединение — акционерное общество «Лен».

Лариса КОВАЛЕВА

КОСТРОМСКИЕ ГОВОРЫ

Атаман — большой поплавок (Галичский район).

Байка — деревянная детская кроватка (Солигаличский район).

Банда — деревянная посуда, из которой поили коров (Галичский район).

Баран — вал, на который наматывается веревка, чтобы поднять ведро из колодца (Солигаличский район).

Барыга — базар. *Раньше все мы на барыгу ездили.* (Солигаличский район).

Бас — красивый человек (Солигаличский район).

Безлюдье — о бестолковом, непутевом человеке. *Маша, экое ведь безлюдье, ни с кем не столкуется.* (Буйский район).

Безумница — платье без рукавов типа сарафана (Галичский район).

Бечева — берег озера (Чухломский р-н).

Болезненный — сострадательный, добросердечный (Буйский р-н).

Борода — нижняя часть кудели, из которой тянут нить (Солигаличский р-н).

Борона — вздорный человек, любящий погулять и подраться (Антроповский р-н).

Бродить — ловить рыбу бреднем (Галичский р-н).

Буза — мелкая рыба, плавающая у поверхности.

Бухта — изъян, который появляется в процессе отбивки косы (Антроповский р-н).

Волна — овечья шерсть. *Хочу связать внучку носки да шапочку, волны сколько настригла.* (Галичский, Чухломский р-ны).

Вывод — выкуп за невесту. *Чем больше вывод, тем и невеста краше.* (Солигаличский район).

Выработка — ткань с тисненным рисунком фабричного изготовления. *Купила выработки на платье.* (Солигаличский, Чухломский р-ны).

Выходка — походка. *У него выходка отцова, легкая.* (Чухломский р-н).

Н. С. ГАНЦОВСКАЯ
«Особенности говоров Костромской области»

ЛОСЕФЕРМА В СУМАРОКОВЕ

Сел и деревень с названием Сумароково на свете много, но это место в России — единственное. Да что там, во всем мире, говорят, нет больше такой фермы — с машинным доением лосих, с использованием их молока в лечебных целях. Много лет прошло с той поры, как был здесь приручен первый лосенок, много воды утекло в речке Покше, много директоров на лосеферме сменилось, но те, кто начинал новое дело, остаются и сейчас со своими питомцами. Это заведующий лабораторией лосеводства Анатолий Павлович Михайлов и лосевод Полина Николаевна Витакова, душа фермы, как о ней здесь говорят. Нынче она уже, правда, на пенсии, но разве может что-нибудь живое оставаться без души. Писатель Василий Бочарников, помнится, рассказывал, что лоси за ней не только по Сумарокову ходили, но и в автобус, отправлявшийся с пассажирами в Кострому, заглядывали. «Было, было, — говорит Полина Николаевна, — они к нам и в эту вот комнатку заходили, когда мы здесь с Бочарниковым и корреспондентом беседовали».

Василия Алексеевича Бочарникова не зря вспомнили. Он любил эти места и живущих здесь людей, о чем и написал во многих своих стихах да рассказах. Места, действительно, поэтичные, только за порогом лосефермы не до поэзии. Проблемы одни: денег нет, кормов не хватает, браконьеров, напротив, хватает, особенно в последние годы. А в результате всего — снижается поголовье: лет пятнадцать назад количество лосей доходило до семидесяти, сейчас лишь половина от прежнего осталась. Есть, однако, надежда, что больше звонких колокольцев станет в лесу-заповеднике, 15 лосят появились на свет этой весной, а в прежние годы по 5—6 прибывало. Но много еще хлопот нужно, чтобы выкормить, вырастить и уберечь их от злоумышленников, чтобы они, сейчас трехмесячные, дожили до почтенного 16-летнего возраста, как самый старый на ферме лось-ветеран. Одними только стараниями лосеводов не сделать этого, нужна серьезная государственная помощь. И здесь, кажется, тоже надежда есть: в Правительство России направлены письма главы областной администрации и министра окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации с просьбой оказать финансовую помощь и рассмотреть вопрос о статусе «уникального объекта природы — сумароковского лосиного комплекса».



Люся



Незванке две недели.

Бежит к Волге среди лесов и лугов говорливая речка Покша. На одном берегу ее стоит лосеферма, на другом — санаторий имени Сусанина, где целебным лосиным молоком излечивают людей от тяжелых болезней. Был раньше между ними мосток через речку, да снесло его быстрой водой уж давненько, а нового не поставлено, хотя тот же Бочарников не раз писал об этом в газетах в последние годы своей жизни. Что и говорить, плохо без мостка, как и мало хорошего в том, когда водой времени сносит другие мосты — заботы и внимания к людям, к их доброму и для всех полезному делу.

Николай МУРЕНИН
Красносельский район

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСАНДР

КНИГА СВЯТОСТИ НЕ ИМЕЕТ КОНЦА

-1-

Костромская земля — край намоленный, край исхоженный стопами многих святых угодников Божиих, край многажды отмеченный на протяжении веков своего христианского бытия особой милостью, особым покровительством самой Пречистой Богородицы нашей, осиянный чудесным явлением многих чудотворных икон Её, край дивных храмов и святых обителей. Немало претерпел он за свою тысячелетнюю историю. Многими великими и славными событиями отмечена она.

Есть очевидное благоволение Божие в том, что именно в костромские лесные дебри (на речки Обнору, Нурому, Письму, Нерехту, Тёбзу, на великие костромские озера — Чухломское и Галичское) шли сомолитвенники и сподвижники самого аввы Сергия Радонежского — преподобные Авраамий Чухломский и Галичский, Павел Обнорский, Сергий Нуромский, Иаков Железноборовский, Пахомий Нерехтский, Макарий Писемский... Лишь один старец Никита — близкий родственник преподобного Сергия Радонежского — пришел не в лесную дебрь, но во град Кострому. Остальные шли в самые глухие костромские леса в поисках вожделенного молитвенного уединения, пустыни. Все они имели одно побуждение, одно чаяние — «наедине Единому Господеви работати и радоватися Ему с трепетом». И каждому из них край наш открыл свое особое, укромное и прекрасное место, каждый нашел здесь вожделенное для себя обетование, каждому дарована здесь была Господом радость осуществления иноческого чаяния. Удивительные по духовной силе и красоте слова об этом читаем в житии преподобного Макария Унженского и Желтоводского, также пришедшего в пределы края нашего, дабы «приобрести ему место безмолвно», и обретшего таковое:

Ту бо растет зеленяшееся девства листвие,

ту цветет изобилие благого молчания,

ту плодоноствуется присное к Самому Единому Богу беседование...

Северное русское подвижничество... Какое мощное ответвление его процвело во времена преподобного Сергия и в более поздние времена в пределах Земли Костромской! Сколь многими подвигами духовными украсили ее сии великие подвижники и угодники Божии! Вот что пишет об одном из них церковный историк, философ и публицист Георгий Федотов:

«Павел Обнорский — великий любитель безмолвия, именовавший безмолвие матерью всех добродетелей, являет образец совершенного отшельника, редкого на Руси. Этот один образ оправдывает имя Фиваиды, данное северному русскому подвижничеству».

Собор костромских святых (празднуется 23 января, 5 февраля по новому стилю) включает в себя более тридцати угодников Божиих. Кроме уже названных учеников и сподвижников самого преподобного Сергия Радонежского, можно назвать тех, кто шел в костромские леса как бы во след им, по благословению других учеников его. Так по благословению преподобного Кирилла Белозерского и преемника последнего преподобного Корнилия Комельского в пределах края нашего подвизались преподобные Геннадий Костромской и Любимоградский, Кирилл Новоезерский, Адриан, Ферапонт и Феодосий Монзенские, ученик и сподвижник преподобного Иакова Железноборовского преподобный Иаков Брылинский (Брылеевский). Да и преподобный Корнилий Комельский несколько лет подвизался в пределах нашего края, вместе с учеником своим преподобным Геннадием Костромским и Любимоградским,

— в основанной ими на озере Сурском обители. Ко времени преподобного Сергия относятся еще два костромских святых — Паисий и Иаков Галичские. Здесь же можно назвать и основателя Преображенского монастыря на реке Воче — Александра Вочского.

Архимандрит нижегородского Печерского монастыря (будущий святитель Суздальский) Дионисий, «спостник и собеседник Преподобного Сергия Радонежского», в середине XV века «послал двенадцать человек из своей братии в верхние грады и страны, идеже кого Бог благословит, для духовного просвещения народа и основания обителей». В числе двенадцати был уже упомянутый преподобный Макарий Унженский и Желтоводский — основатель трех, весьма крупных обителей в пределах Костромского края. Основанный им Макариево-Унженский монастырь положил начало граду Макарьеву, позже (в царствование Государей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича) монастырь сей считался в России вторым по значению после Троице-Сергиевой Лавры. Сюда был назначен игуменом будущий святитель Митрофан, епископ Воронежский, впоследствии принявший в схиме имя в честь преподобного Макария Унженского и Желтоводского. Узы духовного братства связывали преподобного Макария с преподобным Варнавой Ветлужским — основателем Варнавинской обители, вокруг которой позднее вырос город Варнавин, еще в начале нынешнего века входивший в состав Костромской губернии. Преподобный Григорий Пельшемский стал основателем святой обители на реке Пельшме. Сей угодник Божий положил немало трудов на примирение враждовавших между собой русских князей. Родом из Костромского края святитель Иона — Митрополит Московский и всея России чудотворец.

Первым же в ряду костромских святых должен быть поставлен



Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСАНДР

преподобный Авраамий — архимандрит Ростовского Богоявленского монастыря. По свидетельству древних летописцев он положил начало христианству в Ростове Великом. Было это в княжение Владимира Мономаха, т. е. в XI веке.

Кроме уже названных здесь святых угодников костромских, необходимо назвать преподобного Тихона Луховского, преподобного Илариона — игумена обители Успения Богородицы на Моце реке, четырех безымянных преподобных отцев, чьи святые мощи были обретены нетленными в солигаличском Воскресенском монастыре в 1660-м году, блаженного Симона, юродивого Юрьевецкого, преподобного Тита-пустынника, также Юрьевецкого...

Книга святости костромских подвижников не имеет конца. Время будет вписывать в нее новые и новые имена. Совсем недавно (пять лет тому назад) состоялась канонизация святителя Игнатия Брянчанинова — настоятеля бывшего костромского Николо-Бабаевского монастыря.

Не скажем ныне, что наше время — время совсем иное, когда уже не возгораются духовные светочи. Великим было в веке уже завершающемся отступление многих русских людей от веры нашей Православной. Но велика была в нем и искупительная жертва народа русского. Миллионы православных христиан подверглись еще невиданному на Руси гонению. Среди неисчислимых мучеников за веру — простые миряне, пастыри и архипастыри, иноки и инокини. Тысячи и тысячи православных христиан — умученных, расстрелянных, угнанных на погибель в лагеря смерти — эта великая искупительная жертва принесена была и на костромской земле, и ее, как и всю Русь православную, осиял свет этого великого исповеднического подвига, от первохристианских веков завещанного нам.

-2-

Кострома задолго до того, как стать ей центром епархии, была одним из самых значительных центров Православия на Русской Земле. Уже в начале XVII века в ней, по «писцовым книгам», было два собора, четыре монастыря, тридцать четыре приходских храма. Царь Михаил Феодорович на собственное свое иждивение устроил в Костроме еще два монастыря — Ружной-Вознесенский (на Дебре) и Спасо-Подвязный (среди вязовой рощи — в конце Мшанской улицы). Какая дивная красота — красота духа православного, духа русского — сияла здесь издревле! Какая зримая сила духовная и в седой древности представала здесь взору православного человека! Не случайно по Руси ходила поговорка:

Ярославль славен купцами,
а Кострома — церквами.

Однако не одно лишь великое количество храмов Божиих и обителей святых создавало Костроме славу весьма значительного духовного центра Руси Святой. Она была таковым по своему особому положению. Так, например, после учреждения в России Патриаршества архимандриты Костромского Свято-Тро-

ицкого Ипатиевского монастыря имели в своем заведывании все монастыри, соборные и приходские церкви, находившиеся в Костромской провинции (или Патриаршей епархии). В зависимости от настоятелей Ипатиевского монастыря находились даже монастыри других провинций (например — Переяславский Горицкий и Кирилло-Белозерский...).

Костромская епархия была образована ранее самой Костромской губернии. На духовное ведомство многие изменения в границах административного управления нашим краем не имели влияния до Указа Святейшего Синода, последовавшего 17 мая 1787 года — «вследствие Высочайшего повеления о соразмерности границ епархии с границами губернии».

Первая епископия в пределах Костромского края учреждена была императрицей Елизаветой Петровной Высочайшим Указом, данным Святейшему Синоду в 1-й день апреля 1744 года. Учреждена она была не в Костроме, а в Галиче, под именем Галичской и Костромской. Однако вскоре, Указом от 16 июля того же года, Галичскому епископу повелено было иметь титул епископа Костромского и Галичского, сохранившийся доныне. Посему днем основания нашей епархии следует считать именно эту дату 16 июля 1744 года.

Сама Костромская губерния была образована, уже по воле другой императрицы (Екатерины II), 4 декабря 1778 года — с учреждением Костромского наместничества, т. е. спустя 34 года после образования Костромской епархии.

-3-

Двухсотпятидесятилетняя история епархии, вверенной ныне моему духовному попечению... Сложный, непростой путь вижу я пред собой, путь, на котором, пожалуй, не было ровного спокойного места. Своими трудностями и сложностями отметил его век восемнадцатый, многими скорбными вехами отметил его век девятнадцатый (лишь кажущийся более спокойным и благополучным). И все-таки это было время великого духовного созидания, время великого монастырского и храмового строительства, время подлинно национального бытия народа нашего.

Духовная и культурная атмосфера Костромы и всего Костромского края на протяжении последних столетий была особенно богатой, но век девятнадцатый, несомненно, был временем особо плодотворным. Не знаменательно ли: большая часть богословов, преподававших в Московской Духовной Академии и оставивших по себе глубокую память в ее истории, были уроженцами Костромской губернии?! Здесь можно упомянуть, прежде всего, двух историков, прославивших Академию — ее ректора — протоиерея Александра Горского и действительного члена Императорской Академии наук Евгения Евстигнеевича Голубинского. Московская Духовная Академия была открыта в 1814 году. И вот любопытный факт: из семидесяти ее первых воспитанников восемь оказались выпускниками Костромской Духовной семинарии. Одним из этих восьмерых был Федор Александрович Голубинский — будущий известный на всю Россию философ и богослов. По окончании полного курса Академии он был оставлен на кафедре философии, которую и возглавлял затем на протяжении 36 лет — до самой кончины своей. В его мировоззрении, в его философской системе видна удивительная гармония веры и знания, столь характерная для лучших ученых не только этой Академии, но и для всей русской духовной традиции. В течение многих лет протоиерей Федор Голубинский был главным духовным и ученым авторитетом Академии. Здесь следует упомянуть ученика и преемника его, крупного христианского философа и богослова В. Д. Кудрявцева, также костромича по происхождению. Оба этих крупных ученых вполне могут быть названы предтечами великой русской христианской философии, расцветшей у нас в конце прошлого, в первой половине нынешнего века. Весьма замечательной личностью был и сын протоиерея Федора Голубинского — Димитрий, также преподававший в Московской Духовной Академии. Став профессором математики, он на всю жизнь сохранил глубокое религиозное чувство, унаследованное от отца. В своих научных изысканиях и трудах все эти замечательные сыны Костромского края продолжали подвижнический опыт и богословскую мысль святых отцов и учителей Церкви.

Да, богатыми были в Костромской епархии традиции духовного образования. Упомянутая Костромская Духовная семинария славилась своими выпускниками на всю Россию, духовные училища имелись почти в каждом уездном городе нашей губернии. Ныне, после такого великого погрома, которому была подвергнута в веке сем духовная жизнь народа нашего, мы пытаемся воскресить, возродить эти традиции. В Костроме, при Богоявленско-Анастасиином женском монастыре, уже три года существует Духовное училище, которое нам хотелось бы преобразовать в Духовную семинарию, но великая стесненность в средствах отдаляет пока что от нас время исполнения этого нашего чаяния.

Богатыми были в Костромской епархии и традиции журнального и книгопечатного дела. Регулярно, на протяжении десятилетий, издавались «Костромские епархиальные ведомости», всевозможные сборники. В начале 90-го года Костромское епархиальное управление возобновило и эту традицию. Мы первыми в глубинной, провинциальной России приступили к изданию

епархиальной газеты-ежемесячника «Благовест». Однако из-за тех же трудностей материального порядка дело это, столь важное для жизни епархии, пока что приостановилось...

Увы, епархия наша, как и вся Русская Православная Церковь вынуждена действовать среди последствий духовного и материального разорения. Но и в этих тяжелейших условиях мы должны делать свое спасительное дело — заботиться о духовном благе людей, о бессмертной душе каждого человека.

Взирая на прошедшие десятилетия, на горький опыт жизни и свидетельство наших отцов и матерей, братьев и сестер, пытаясь осмыслить весь этот трагический опыт, мы можем утверждать: Церковь наша выжила не силой или мудростью человеческой, но силой Духа Святого, даром Божественной благодати, «всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи».

Еще недавно в епархии нашей было всего несколько десятков живых приходов. Ныне их число приближается к ста сорока. После такого великого потрясения и разорения радуется сердце каждому возрожденному храму. Но, увы, добрая половина из названного мною числа их требует ныне полного восстановления. В них нет ни икон, ни утвари, ни облачений... Более 15 храмов епархии расположены в местностях, где нет постоянно проживающего населения, потому нет здесь и клира, священники лишь изредка посещают их. Фактически храмы эти превратились в погосты...

Долгие годы пророческий голос Церкви нашей, особенно в глубинах России, не был слышен. Любая спасительная деятельность священнослужителя вне стен церковных запрещалась и наказывалась административно. Слава Богу: это ушло от нас. Появилась возможность широкого обращения к людям, возможность «благовествовать день от дне спасение Бога нашего», проповедовать широко Святое Евангелие и заповеди Христа всем, кто свое сердце и душу открывает учению Спасителя, который для нас — Путь, Истина и Жизнь.

-4-

Особой ценностью для нас является бескорыстное служение людям, деятельная любовь к ближнему, выражающаяся в помощи больным, бедным, одиноким, в обучении и воспитании людей в духе Православия. Для нас крайне важны примеры живой христианской жизни. Примерами таковыми в конце прошлого века были женские монастыри, целью жизни и деятельности которых являлась непосредственная помощь ближним. Тут можно припомнить несколько таких монастырей: Киевский Покровский, который был задуман как один из центров народного врачевания и обучения будущих монахинь-врачевательниц, Вировский и Леснинский женские монастыри, также бывшие центрами врачебно-благотворительной деятельности. Костромская епархия имела свой, подобный названным, женский монастырь — Костромской Богоявленско-Анастасиин, давший стране к началу Первой мировой войны, многих беззаветно верных своему христианскому и монашескому долгу сестер милосердия, оказывавших населению Костромского края самую широкую и действенную бескорыстную медицинскую помощь. Ныне святая обитель сия возрождается, возрождается и ее благотворительная деятельность.

Ныне в епархии нашей, еще недавно не имевшей ни одного монастыря, восстанавливается, возрождается жизнь сразу нескольких святых обителей. Монастырям в жизни Церкви изначально придавалось у нас не просто большое, но особое, высокое духовное значение. Кроме упомянутого Богоявленско-Анастасиина монастыря, ныне возжжена лампада монашеской молитвы в Авраамиево-Городецком мужском монастыре, что под Чухломой, в Троице-Сыпанове Пахомиево-Нерехтском, женском же, монастыре, в Макариево-Унженском монастыре, в Знаменской обители (в Костроме). В Костроме же возрождается монашеская жизнь в знаменитом на всю Россию Свято-Троицком Ипатиевском монастыре. Действуют уже и монастырские подворья: Свято-Тихоновское — в поселке Волгореченск, Александро-Невское — в селе Сухоногово, подворье Святой преподобномученицы Елизаветы — в поселке Чистые Боры, подворье в селе Домнино Буйского района...

Созданная «для украшения Святой Церкви и для спасения и просвещения христиан» Костромского края, епархия наша, ныне празднующая свое 250-летие, свято хранит завет одного из своих славных и воистину великих подвижников — завет святителя Митрофана: «Веру же православно-кафолическую к Богу вседушно любовию имети и Церковь Святую, едину во вселенной, яже на Востоце и в нас утвердися истинною, яко матерь, чествовати и пребывати в ней неотступно правому учению непоколебиму, и предания и учения от отцов святых на Соборах определенная и утвержденная содержати крепце, и ни в чем же непорушно и непоколебимо имети».

Внешние тяжкие условия многотрудной сегодняшней жизни не должны ввергать нас в отчаяние. Предав себя в руцы Божии, будем трудиться над тем, чтоб, в меру сил, наладить дело в своем малом кругу, там, где каждый из нас поставлен. Иного нам не дано. В этом — единственный выход. Трудясь над духовным восстановлением России, мы строим свое небесное Отечество. Ежедневное радостное чувство должно гореть в нас: как много работы необходимо совершить!.. Успеть сделать возложенную на каждого из нас работу! Столько надо возродить, восстановить, исправить, спасти! Помоги и укрепи, Господи!

УЧРЕЖДЕНИЕ И ОТКРЫТИЕ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ

Костромская местность, с провинциями Костромской и Галичской, до учреждения в г. Костроме особой епархии, со стороны духовно-административной входила в состав прежней обширнейшей Московской епархии, бывшей в непосредственном управлении: до 1589 г. — Московского митрополита, с 1589 по 1721 г. — Московского патриарха и с 1721 г. — Святейшего Синода. В 1744 г. Святейший Синод признал необходимым «для облегчения Московской (синодальной) епархии учредить против прежнего в знатных городах четыре епархии, между коими и в Костроме». Сделан был от Св. Синода всеподданнейший доклад Ее Величеству Императрице Елизавете Петровне, который и утвержден 16 июля 1744 г. 16 июля 1744 г., таким образом, было первым днем существования Костромской епархии. Но больше полугода после этого она существовала еще только по имени, пока не был назначен для нее особый епископ. Первым епископом Костромским был назначен ученейший и знаменитый в то время малоросс, законоучитель Наследника престола Петра Федоровича и его нареченной невесты Екатерины Алексеевны, член Святейшего Синода и номинальный настоятель Ипатьевского монастыря архимандрит Симон Тодорский. 31 марта 1745 г. последовало, по церковному чиноположению, в придворной Ее Императорского Величества церкви рукоположение Симона во епископа. С этого дня Костромская епархия считалась уже при своем епископе, но увидела его в Костроме еще спустя полгода, в ноябре 1745 г., и в лице уже не Симона, а Сильвестра.



Преосвященный Симон, в мире Симеон Федорович Теодорский, считается первым костромским епископом, хотя в Костроме лично не был и оставался на этой кафедре, управляя епархией заочно из С.-Петербурга, только четыре с половиною месяца. Родился он в 1701 году в местечке Золотоноше (ныне уезд. гор.) Полтавской губернии; родитель — Федор Иванов — был казак Переяславского полка, Золотоношской сотни, живший в Золотоноше и скончавшийся в 1709 г., когда Симону было только 8 лет. Неизвестно: где и как провел время сирота Семен Федорович до 17-летнего возраста; но известно, что унаследовал от родителей сильный дух благочестия и потому решился избрать путь жизни не казаческий, а другой, — путь служения церкви и науке. На 17-м году от рождения, в 1718 г., он поступил в Киевскую академию, живущую тогда возвышенными идеями бывшего ученейшего и блестящего своего ректора Феофана Прокоповича. Окончив в 1727 г. с большим успехом академический курс, Семен Федорович, для усовершенствования себя в науках, отправился за границу, слушал лучших профессоров Галльского университета, путешествовал по славянским землям...

Однако открытие новой епархии в Костроме последовало вслед за назначением первого епископа Симона, применительно к Высочайшему и синодскому указам и к ордеру самого преосвященного Симона. Открытие состояло в следующем: 21 апреля, в воскресение, в Костромском Успенском соборе, в присутствии местных властей, при бесчисленном стечении народа, по прочтении Высочайших указов об учреждении местной епархии и о назначении в оную епископа, была совершена нарочито-торжественная литургия, на которой в первый раз было провозглашено имя местного преосвященного Симона. В конце литургии, при участии всего городского духовенства, совершено «благодарственное, ко всеблагому Господу Богу, молебствие о Высочайшем Ее Императорского Величества, всепресветлейшей державнейшей Великой Государыни Императрицы Елизаветы Петровны всея России и Наследника Ее, Благоверного Государя Великого Князя Петра Федоровича и обрученной невесты Его, Благоверной Государыни Великой Княжны Екатерины Алексеевны многолетнем здравии». То же самое вскоре учинено было, по особым сообщениям из Костромского духовного правления, в уездных городах и селах, в монастырях и пустынях Костромской и Галичской провинции.

Пределы новой Костромской епархии совпадали с пределами прежних провинций Костромской и Галичской. В пределы же этих провинций, кроме главных городов Костромы и Галича, тог-

да входили уездные города: 1. Любим, 2. Судиславль, 3. Буй, 4. Кадый, 5. Унжа, 6. Чухлома, 7. Соль-Галичская, 8. Судай, 9. Парфентьев и 10. Кологрив. К Костромской провинции, кроме того, принадлежали два пригорода: Плес и купеческий посад Большая-Соль. В той и другой провинции было до 36 монастырей и пустынь и до 757 соборных и приходских церквей. В 1764 г., впрочем, многие небольшие и бедные монастыри были обращены в приходские церкви.

Преосвященный Симон управлял своей епархией, не выезжая из С.-Петербурга, где оставался как член Св. Синода и как, по всей вероятности, любимец и советник Двора. При нем, на время, была учреждена особая «С.-Петербургская Его Преосвященства контора» (консистория), заменившая для Костромы Московскую духовную дикастерию. В Костроме же и Галиче были подчиненные С.-Петербургской конторе духовные правления, которые из конторы получали указы и к ней относились, как и к Преосвященному, рапортами, а между собой сносились, как равные с равными, промемориями и давали предписания и указы лишь подведомственным им монастырям и пустыням, соборам и церквам, заказчикам и поповским старостам.

Костромскому Преосвященному повелено было именоваться «Костромским и Галичским», а для жительства и содержания его «с служительми» назначен Ипатьевский монастырь, со всеми денежными и хлебными доходами, который поэтому и был назван «кафедральным» и в котором Владыки пребывают до настоящего времени.

Так положено было в 1744—1745 гг. начало существованию Костромской епархии, за 150 с лишком лет не подвергавшейся почти никаким существенным переменам.



Преосвященный Сильвестр, в мире Семен Петрович Кулябка, родился в г. Лубнах Полтавской губернии в 1704 году. Отец его был бунчуковым товарищем. Образование получил в Киевской академии, окончив курс в 1726 г. В марте 1727 г. принял монашество и поступил в число братства Киевского Межигорского монастыря. Вскоре был призван на службу в родную ему академию, где до 1745 г. проходил должности: преподавателя, префекта и ректора. В 1744 г. был вызван в С.-Петербург на чреду священнослужения, где был замечен как выдающийся проповедник и оставлен до нового назначения. В 1745 г. назначен и 10 ноября рукоположен во епископа в Кострому. Управлял Костромской епархией, без малого, пять лет (до 27 июля 1750 г.). В Костроме Преосвященному Сильвестру пришлось потрудиться много по устроению новой епархии, в которой первый епископ Симон Тодорский лично не бывал. Но особенно много подвижно было им труда и забот на открытие при Ипатьевском монастыре в 1747 г. духовной школы, из которой вскоре образовались доселе существующая Костромская духовная семинария. Остальные десять лет своей земной жизни (со 2 июля 1750г. до 17 апреля 1761 г.) Преосвященный Сильвестр управлял С.-Петербургской епархией в сане архиепископа.

КОСТРОМСКОЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Костромской Ипатьевский монастырь, в 1745 г. отданный в непосредственное управление Костромских Преосвященных, с правом постоянного пребывания в нем, находится на правом берегу реки Костромы, при впадении ее в Волгу, в полуверсте от города Костромы, с северо-западной стороны и принадлежит к числу монастырей древних и славных своим прошлым. Основателем монастыря считается князь Чет, из числа великих ордынских князей, перешедший, при Иоанне Калите, в подданство Московского великого князя и принявший православие с именем Захария. Это было, по преданиям и по Ипатьевским записям, около 1330 г. Побуждением для князя Чета к принятию св. крещения и к построению монастыря, при впадении реки Костромы в Волгу, было особое чудесное явление ему, во время его проезда из Большой Золотой орды (из Астрахани) в Москву, по Волге, Божией Матери. По преданию, Чет удостоился видеть здесь Божию Матерь с Предвечным Младенцем и с предстоящими в молитвенном положении апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским. По этому случаю Чет тогда же положил твердое намерение креститься и место чудесного явления ознаменовать построением храма Божия и обители для иноков. Действительно, Ипатьевские записи свидетельствуют, что Чет еще при жизни своей, на свои средства, успел устроить здесь две церкви: соборную — во имя св. Троицы, с приделами святых апостола Филиппа и священномученика Ипатия и обыкновенную — во имя Рождества Богородицы, а для жизни иноков — разные помещения. Все эти строения были деревянные и тогда же были обнесены дубовой оградой. Благочестивый ктитор в этой обители и почивает.

«Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования (1745 — 1898 гг.)»

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХРАМАМ КОСТРОМЫ

БОГОЯВЛЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

Костромской Богоявленский монастырь был основан в версте от Костромы на посаде, за кремлевскими стенами, в первой половине XVвека в царствование великого князя Василия Темного.

Каменная соборная церковь во имя Богоявления Господня строилась в 1559 — 1563 гг. по благословлению Макария, митрополита всея Руси.

В XVII веке на деньги бояр Салтыковых игумен Герасим выстроил каменные кельи, конюшни, погреба, обнес монастырь каменными стенами, позаботился о росписи Богоявленского храма. Фрески эти кисти Гурия Никитина и Силы Савина погибли окончательно в 1982 г., при пожаре в Костромском архиве.

В декабре 1863 г. решением Святейшего Синода Богоявленский монастырь был передан Крестовоздвиженскому Анастасиину женскому монастырю. Игумения Мария (Давыдова) к 1875 году практически отстроила монастырь заново. Древний Богоявленский храм был обстроен с трех сторон заново. В монастыре в разные годы выросли Трапезный, Казначейский, Настоятельский, Больничный корпуса. Организация народных лечебниц и подготовка сестер милосердия прославили этот женский монастырь по всей России.

В 1920 г. монахини были выселены из монастыря. В 1923 г. монастырь, существовавший к тому времени как приход, был окончательно упразднен, а церкви переданы в ведение Губмузея. В остальных корпусах разместился Советский поселок № 1.

В апреле 1990 г. Богоявленский собор монастыря возвращен верующим и стал кафедральным. Здесь хранится чудотворный образ Феодоровской Божией Матери.

ИОАННО-ЗЛАТОУСТОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Еще в писцовой книге г. Костромы в 1628 г. «в Златоустовской улице в кузнецах» упоминается ружная деревянная с трапезою церковь святых мучеников Фрола и Лавра, «да место церковное Иоанна Златоуста».

Улица же, ведущая к храму, получила название Лавровской. На ней, невдалеке от старой церкви, в 1751 г. костромской купец Иван Семенович Аравин выстроил новый каменный храм в честь Иоанна Златоуста. В 1791 г. купцы Дурыгины, именитые граждане Костромы, владельцы многих домов и практически всей земли на Павловской улице, соорудили приделы к церкви в честь Тихвинской иконы Божией Матери, св. Димитрия Мироточивого, сонменного одному из Дурыгиных и св. Фрола и Лавра.

Церковь никогда не закрывалась. Именно сюда поступили многие иконы, богослужебные книги, церковная утварь и одеяния из закрытых в 30-е годы церквей Костромы.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Была выстроена в Калашной (позднее Алексеевской) улице в 1759 году вместо старой, пришедшей в ветхость деревянной церкви, располагавшейся неподалеку в бывшей Гашеевской слободе (ул. Калиновская).

Первоначально церковь была каменная одноэтажная, но уже в 1762 году по желанию прихожан и на их средства был устроен второй этаж, позднее колокольня и деревянная ограда.

В храме два престола: внизу — в честь преподобного Алексия человека Божия и св. Василия Великого; вверху — в честь пр. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев и св. Димитрия Ростовского.

В конце XIX — начале XX века церковным старостой в Алексеевской церкви был купец Прянишников, живший неподалеку на улице Сенной. На его деньги ремонтировался и украшался храм, приобреталась церковная утварь, а в 1893 году был специально выстроен церковный дом для жительства священнослужителей.

С 1886 г. вплоть до революции при Алексеевской церкви действовала церковно-приходская школа.

Церковь закрыта в 30-е годы. Передана вновь Костромской епархии в 1991 г. В настоящее время — церковь Костромского духовного училища. Сюда переданы иконы из запасников Костромского художественного музея.

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

Древнее устное предание, в которое несомненно верили костромичи, гласило, что выстроена была церковь весьма необычным способом. Московский купец К. Г. Исаков, торгуя английскими красками, получил однажды вместо краски бочонок со слитками золота и употребил его, разумеется с согласия английских купцов, на строительство храма.

На месте старинной деревянной шатровой церкви Воскресения Христова, упраздненной в 1629 году по ветхости, в 1652 г. выстроили каменный двухэтажный храм. В нижнем этаже находились подвалы и усыпальницы, где нашел приют и строитель храма, вверху Воскресенская церковь и два придела — во имя св. великомученицы Екатерины и Трех вселенских Святителей. В Екатерининском приделе до сих пор сохраняется местночтимая икона Знамения Божией Матери, писанная на кирпичах. Она почитается чудотворною.

В Воскресенской церкви, как холодной, служили только полгода: с апреля по сентябрь. В остальные месяцы богослужение совершалось в теплой церкви во имя Знамения Божией Матери и св. великомученика Георгия Победоносца, устроенной в конце XVII века. Она имела вид корабля с одной большой восьмигранной главою. В одной связи с Знаменским храмом в 1802 г. была построена четырехярусная, красивая, бледно-розового цвета колокольня. В третьем ярусе помещались 11 колоколов, среди них — два древние XVII века. Сейчас Знаменская церковь восстанавливается.

Церковь была закрыта в 30-е годы. Открыта вновь после второй мировой войны. Долгое время служила приютом чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери.

Славится древними фресками, богатой церковной утварью, оригинальной архитектурой.

р. Кострома



Церковь Христа Спасителя что на Запрудне



Алексеевская церковь



Троицкий собор Ипатьевского монастыря



Богоявленский кафедральный



Церковь во имя Преображения Господня



Церковь св. мучеников Александра и Антонины







Иоанно-Златоустовская церковь



Церковь во имя Воскресения Христова

Волга



Церковь во имя Рождества Христова

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Точная дата постройки этого храма неизвестна.

Однако, в 1663 г. церковь каменная в Городище во имя Рождества Христова с приделами во имя пр. Илии и Феодосьинским уже существовала. Она была построена владельцем Городища боярином Глебом Ивановичем Морозовым. Рядом стоял и «двор вотчинника». Женой Морозова была суровая ревнительница раскола, последовательница протопопа Аввакума Феодосья Прокопьевна Морозова, которую В. Суриков изобразил в своей знаменитой картине «Боярыня Морозова». После многих увещеваний она была отправлена в Печерское подворье, а вотчина их, отобранная у сына Ивана в 1672 г., перешла в казну.

Судя по документам XVII века, в этой церкви особенно много было рукописных и старопечатных богослужебных книг, серебряные сосуды, ризы, тканые золотом, красивые колокола — все это было даром Морозовых.

Церковь Рождества Христова по одному из приделов чаще именуют Ильинской. Она была закрыта в 1938 г., костромичи прозвали это место и сам храм «на костях», потому что после его закрытия на месте древнего кладбища была устроена пивная и танцплощадка — «на костях».

Церковь возвращена к жизни в 1990 году.

ЦЕРКОВЬ СВ.МУЧЕНИКОВ АЛЕКСАНДРА И АНТОНИНЫ

Село Селище, или как его называли в старину Новое Селище, Новоселки, упоминается в документах уже в XVI веке. В первой четверти XVII века Селище было вотчиной князя Глинского и по описанию этого времени «в селе на государеве земле церковь Александра и Онтониды древяна верхом, да теплая церковь страстотерпца Егория клецки, да церковь пророка Илии ветха стоит без пения...»

Московское посольство, прибывшее в Кострому 13 марта 1613 г. для приглашения на царство Михаила Романова, остановилось здесь в Селище, и, отпевши заутреню в Селищенской церкви, двинулось в Ипатьевский монастырь.

В 1786 г. на месте деревянной церкви была выстроена каменная с приделами в честь пророка Илии и великомученика Георгия.

В 40-х годах XIX века неподалеку от церкви была построена часовная Василия Блаженного — родовая усыпальница Мягковых-Купреяновых, владельцев известной усадьбы. В 30-е годы она была взорвана, а церковь закрыта.

Открыта вновь в годы второй мировой войны. Сегодня здесь хранятся иконы и богослужебная утварь из всех заволжских церквей: Ильинской, Спасской, не существующей Никольской.

Эту церковь часто рисовал известный график Н. Н. Купреянов. В разное время здесь бывали Короленко, Мамин-Сибиряк, Михайловский, Станкевич, Успенский, гостившие в усадьбе Мягковых в Селище.

ТРОИЦКИЙ СОБОР ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Особо известен в истории России тем, что именно здесь в марте 1613 года принял предложение на царствие родоначальник династии Романовых Михаил Федорович.

Существующий ныне каменный двухэтажный храм был построен в 1652 году на месте прежнего, устроенного попечением бояр Годуновых (разрушен взрывом пороха в 1649 году).

В верхнем этаже устроен собственно храм во славу Живоначальной Троицы; в нижнем — придел во имя св. Лазаря, усыпальница костромских епископов и подвалы. В церкви два придела: в честь св. апостола Филиппа, священномученика Ипатия и пр. Михаила Малеина.

Сразу же после постройки собора была расписана фресками восточная стена западной галереи. Позднее, в 1684 году, покрылись фресками и стены собора, как явствует из летописной ленты на стенах «в духовное наслаждение в вечные веки». Артель художников возглавлял один из лучших иконописцев второй половины XVII века Гурий Никитин (Кинешемцев), чье имя славилось в русском государстве.

В XVIII веке был сооружен прекрасной работы иконостас в пять ярусов с колоннами и резьбой (именно такой был некогда в Успенском кафедральном соборе г. Костромы до пожара 1773 г.).

Важнейшим сокровищем, которым владел Ипатьевский монастырь до революции, была часть ризы Господней, присланная сюда в 1626 году по повелению Михаила Федоровича Романова (сейчас хранится в Костромской епархии).

В январе 1991 года, спустя долгие десятилетия, состоялась первая литургия в Троицком соборе Ипатьевского монастыря.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ ЧТО НА ЗАПРУДНЕ

Это место явления чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери, покровительницы Костромы, рода Романовых и России. По преданию она явилась князю Василию Костромскому. Дореволюционные исследователи пришли к выводу, что это событие могло произойти в 1272 — 1274 гг.

На месте, где была обретена икона, Василий Костромской велел возвести храм во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и устроить монастырь, дав на пропитание братии многие вотчины.

Позднее монастырь был упразднен и на его месте в 1754 г. построена каменная двухэтажная церковь. В XVIII веке ее опекали костромские купцы Стригалевы и Солодовниковы. В 1806 г. на средства В. И. Стригалева были устроены приделы во славу Нерукотворного образа Спасителя и в честь Феодоровской иконы Божией Матери, Введения Пресвятой Богородицы во храм и пр. Димитрия, Вологодского чудотворца.

В 1759 г. епископ Дамаскин выстроил на Запрудне несколько деревянных корпусов, теплый храм, загородный архиерейский дом и разместил здесь семинарию, которая с небольшим перерывом, просуществовала на этом месте до 1813 г. Отсюда вышли и первые костромские ученые-богословы, и учителя, и ученые священнослужители.

При церкви до сих пор существует некрополь — захоронение костромских купцов и фабрикантов: Стригалевых, Солодовниковых, Зотовых, Михиных.

Церковь никогда не закрывалась.

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

По одному из приделов ее чаще всего называли Спасская.

Церковь была выстроена в 1685 году в Спасской слободе за рекой Волгой, на месте старой деревянной церкви Преображение Спасово. Здесь же в слободе по описанию 1678 г. значится и другая деревянная церковь во имя Николая Чудотворца. А саму слободу в это время называют бывшей деревней Спасской или Голединовой, а иногда просто «слобода Голява».

До революции церковь славилась своими древностями: в иконостасе, устроенном в 1876 году, были прекрасные старого письма иконы; старинный восьмиконечный напрестольный крест; древняя шатровая колокольня.

В настоящее время церковь передана костромским старообрядцам.

Священник Андрей ЛОГВИНОВ

ТАЙНА ЛИКА ПОТЕМНЕВШЕГО

Великое чудо даровано нам — Феодоровская икона Божией Матери, главная святыня костромской земли. Покровительница Костромы, накрепко вплавлена она и в общероссийскую историю. Перед нею молился когда-то святой благоверный князь Александр Невский, а по некоторым свидетельствам, не расставался с нею во всех своих походах. Перед ней преклонял колена святой князь Димитрий Донской. Ею на переломе российской истории благословлен был на царство юный Михаил Романов, и с той поры Феодоровская икона стала родовой святыней Дома Романовых.

С глубокой древности она прославлена многими чудотворениями, и даже многочисленные копии, списки с нее оказывались чудотворными.

И в наши дни мы получаем неоспоримые свидетельства благодати Божией, постоянно изливающиеся через эту святую икону. День за днем предстоят перед нею души человеческие. Однако, лик ее затемнен. И трудно различимы ее черты. Многочисленные туристы видят скорее богатый оклад, чем саму икону. Оклад этот, конечно, лишь бледная тень прежнего, коим с древности украшалась драгоценная святыня.

...А икону повредили не века. Еще перед революцией фотографиями и воспоминаниями засвидетельствовано, что лики Божией Матери и Богомладенца, как писалось, «хотя и темноваты, однако, отличаются чудной свежестью». Реставрации древняя икона не требовала. Всего несколько раз на протяжении столетий особым указом Царя и Патриарха поновлялась на ней олифа. Как записал в середине прошлого века историк П. Островский: «Св. изображение, покрытое слюдою, доселе сохранило краски от повреждения».

И вдруг после революции мы видим икону в реставрационных мастерских академика И. Грабаря потемневшей до неузнаваемости. Маститый реставратор оказался бессилен восстановить внезапно потемневший лик, который был светел веками.

И дело здесь, конечно, не в красках...

В океане Бытия все наши знания о мире — лишь крохотный островок. И закрытие Царских врат в храме и церковная завеса говорят нам о Царстве запредельном, проникнуть до конца в который ум человеческий бессилен. Тут важнее смирение, трепет чистого сердца, которое «Бога узрит».

Так вот, вся известная нам история Феодоровской иконы — цепь загадок, указующих на Тайну, пред которой мы с благоговением останавливаемся. В некотором смысле Феодоровская — самая таинственная, самая мистическая из икон Божией Матери.

Загадочно ее происхождение, тайной покрыто ее появление на Руси. Не разгаданы многие события, с нею связанные. Чудесно уже само ее существование после стольких возможностей пропасть...

Когда и кем была писана икона — вот первая загадка. «Феодоровская — Костромская икона Божией Матери написана евангелистом Лукой», — уверенно отвечает «Настольная книга священнослужителя». «Феодоровская — древняя икона византийского письма, времени Македонской династии, то есть IX—XI веков», — возражает ей современный писатель. В том же альманахе «Памятники Отечества», откуда взято это утверждение, можно прочесть и другое: это икона XIII века, «была написана к свадьбе князя Александра Невского». Удивителен диапазон датировок. Еще удивительнее, что в наше-то перенасыщенное научностью время никто еще не подступился к прославленной иконе с целью серьезного исследования.

Вряд ли, конечно, писали ее в XIII веке. Ибо первые достоверные сведения о ней относятся к веку XII, ко времени князя Юрия Долгорукого, основавшего и Москву, и Кострому, и Городец на Волге. И уже тогда икона почиталась как древняя и чудотворная, с незапамятных времен хранившая подступы к Городцу в кладбищенской часовне. Юрия Долгорукого жители Городца и попросили перенести эту икону в новый построенный им собор. Однако, даже с крестным ходом не смогли сдвинуть ее с места. Тогда поняли, что Матерь Божия Сама избрала для Себя место сие. Но когда избрала и как появилась здесь? До скончания земных времен это останется загадкой.

Не все знают, что у Феодоровской иконы есть оборотная сторона с замечательным изображением великомученицы Параскевы Пятницы. Святая Параскева — образец христиан-



Феодоровская икона Божией Матери

ского терпения и смирения, и в этом смысле ее образ на обороте Феодоровской символичен. Считается, что он и был писан в XIII веке, к свадьбе Александра Невского по указанию его отца, великого князя Ярослава Всеволодовича. (Православное имя князя Ярослава было Феодор, и существует даже мнение, что отсюда пошло прозвание иконы.) Но иные говорят, что образ святой Параскевы был известен еще при Юрии Долгоруком.

Как бы то ни было, «чудотворная Феодоровская икона Божией Матери — благословение отца — постоянно находилась при святом Александре Невском, была его моленным образом», — читаем мы в третьем томе той же «Настольной книги священнослужителя». Другие, возражая, что князь Александр мог молиться перед иконой только в последние дни свои, когда умирал в Городце, утверждают, что в память о нем икона была передана его младшему брату Василию Костромскому, и так оказалась в Костроме.

Могло быть и так. Но в памяти народной, запечатленной акафистом, появление иконы в Костроме связано с чудом, равным ее исчезновению из Городца. Да и не могло быть иначе, если со смертью святого князя Александра «закатилось солнце Русской земли» и чудотворная икона на время сокрылась от сего мира. Ушла, чтобы вернуться в него уже в другом месте.

В праздник Успения Богородицы 15 (28) августа 1263 года необычайный, нездешне одетый воин прошествовал по улицам Костромы с иконой Божией Матери. С изумлением узнавали в нем святого Феодора Стратилата, как если бы он сошел со стен посвященного ему городского собора. Из нездешнего, запредельного мира принес сюда икону этот небесный покровитель Костромы. И на следующий день ее обнаружил на дереве у речки Запрудни юный князь Василий. Чудный образ не дался ему в руки, покуда к Запрудне не пришел крестный ход духовенства. С великими почестями доставили его в соборный храм Феодора Стратилата, от которого икона получила свое прозвание уже на века.

В тот первый период своего пребывания в Костроме, связанный с князем Василием, новообретенная святыня как бы проверяла костромичей на веру, одновременно питая эту веру обильными чудотворениями. «Мнози прияша исцеления в та времена, различными недуги и скорбьми одержимии», — читаем в древней повести. А через некоторое время Феодоровский собор вдруг сгорает. На третий день икона обнаружена невредимой посреди пепелища. Возвели новый собор. Но и тот охватило пламенем на глазах у всего города. И видимо было: в столпе огня поднялся чудотворный образ над пылающим храмом. Люди испугались, что икона покинет их, взмолились к ней, как если бы Сама Богородица оставляла их без Своей благодати. И видя веру их, «сниде к ним с воздуха на землю чудотворный Ея образ, и зрят вси людие — Пресвятыя Богороди-

цы образ стоял на земле никем поддержим, но разве ангелы Божиими».

А спустя несколько лет Матерь Божия Сама защитила костромичей своей иконой, обратив огненную силу на врагов. Когда к городу подошли татарские полчища для очередного набега, князь Василий повелел нести впереди дружины драгоценную Феодоровскую. От лика Богоматери брызнули на татар нестерпимые огненные лучи, и те кинулись врассыпную. Озеро, на берегу которого это случилось, с той поры стало называться Святым.

А князь Василий за крепкую веру стал Великим князем. Только в стольный град Владимир не поехал. Фактической столицей Руси сделалась тогда Кострома.

...Сама Пресвятая Богородица сделала тогда Кострому столицей Святой Руси при князе, которому доверила обрести свою икону.

Столицей Руси много веков спустя сотворила Матерь Божия Кострому при царе, которого благословила Своею иконой. И престол, оставшийся от князя Василия, словно дожидался здесь юного царя Михаила. Два раза была Кострома столицей. И два праздника в году Феодоровской иконе. Один — от первого «столичного» князя, день ее обретения 16 (29) августа. Второй — в день благословения в Костроме на царство Михаила Романова — 14 (27) марта. ...Может, настанет когда черед и третьему подобному празднику?..

С XVII века, с благословения на царство первого из Романовых, Феодоровская икона вошла в зенит всероссийской славы. Множество копий, списанных с нее, в свою очередь прославились чудотворениями. Российские государи считали долгом приезжать в Кострому, чтобы приложиться не к копии — к самой чудотворной. Как до того к ней прикладывался Димитрий Донской, святой благоверный князь, бежавший под ее защиту от хана Тохтамыша. И сын его, великий князь Василий, бежавший сюда же от хана Едигея. И Борис Годунов, бежавший от самого себя...

А нам, нам куда бежать от себя в наше обезумевшее время? Да все к ней же, к чудотворной. Потемневшей от горя.

Понятно, почему лик ее исказился. Накрепко связанная с душой народа, с царской династией, икона не могла не повредиться когда потемнела, повредилась душа народа. Не стало у народа лица, олицетворяемого православным Государем, разрушены были в ослеплении вандализма храмы, украшавшие нашу землю, поруганы были и проданы за бесценок веками собираемые святыни. В страшные лихолетья братоубийственной войны и попрания святынь потемнел, осунулся лик иконы. Матерь Божия словно ушла в себя, замкнулась. Чудо, что она вообще уцелела. Но не отняла от нас Своей благодати.

...Каждый день возжигаются ныне пред всероссийской святыней лампады и свечи. С 1990 года стараниями епископа, а теперь архиепископа Александра возобновлен традиционный крестный ход с иконой в день ее обретения, 29 августа по новому стилю. Каждое воскресенье читается у Феодоровской иконы акафист. Ежедневно и ежечасно обращаются к ней верующие сердца.

...«О Богомати, не престани молящи Рождшагося от Тебе за вся притекающия к сему чудотворному образу Твоему...»

...Еще до нынешних российских бедствий праведник наших дней архимандрит Иоанн Крестьянкин говорил автору этих строк: «Было на Руси время Смутное, а сейчас грядет — смутнейшее». Тогда в это с трудом верилось. А сегодня — камо грядеши, Русь?

Очевидно, что только в возрождении попранных святынь, в воцерковлении потерявшего духовную Родину народа, в восстановлении постоянной молитвы и покаяния — единственный путь к спасению.

Через Феодоровскую икону некогда был положен конец Смутному времени. Не через нее ли придет конец и смутнейшему?

Благодатный лик ее осенял некогда поступь российского величия. Ныне — скорбит Матерь Божия над российским разором, и не может не быть потемневшим лик ее. Но — просветляются иконы силой духовного подвига людей.

К духовному подвигу призывает нас чудотворная Феодоровская икона Божией Матери.

Имеем сообщить

В НАЧАЛЕ ВЕКА В КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ БЫЛО: мужских монастырей — 72, монашествующих — 116, послушников — 220; женских монастырей — 10, монашествующих — 211, послушниц — 1491. Церквей: соборных — 28, приходских — 1015, домовых — 23, приписных — 22, кладбищенских — 44, всего — 1206, часовен — 1711. Духовенства: протоиереев — 45, священников — 1092; псаломщиков — 1014; православного населения: мужского пола — 719919, женского — 792035, всего — 1511594. Библиотек при церквах — 679, церковно-приходских попечительств — 35.

ПО ПУТИ ИЗ КОСТРОМЫ ДО ГАЛИЧА С ФЕОДОРОВСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Главная цель путешествия св. Феодоровской иконы — это посещение Галича; прочие города, села и деревни посещались только потому, что расположены на пути следования иконы. Поэтому икона остается в попутных городах не больше двух-трех дней, в селах не больше суток, а иногда и меньше, в деревнях же не остается и на день, ограничивая свое посещение лишь несколькими часами. Между тем в г. Галиче она остается больше двух недель (18 дней).

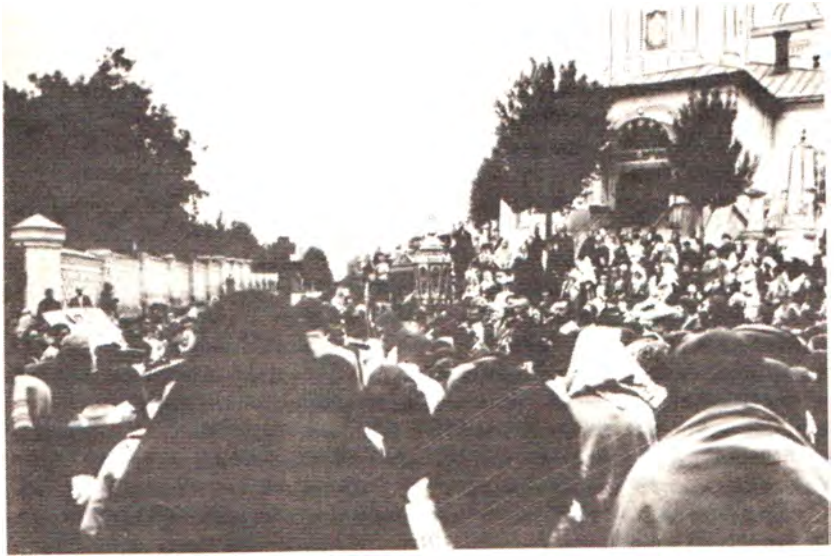
Независимо от совершения особого богослужения в местных храмах, где святая икона остается на ночь, во всех городах, селах и деревнях обязательно совершаются по домам жителей частные молебны. Не остается ни в городе, ни в селе, ни в деревне ни один обывательский дом, где бы не была принята св. икона, где бы не был совершен молебен, часто с водоосвящением, иногда с акафистом Феодоровской иконе. В этом заключается главный и весьма нелегкий труд соборного причта, сопровождающего св. икону. В течение одного дня приходится побывать иногда в нескольких селах и в десяти и больше деревнях и совершить до сотни молебнов. Всего же за время путешествия иконы в Галич и обратно в течение месяца совершается от 3,5 до 4 тысяч молебнов, не считая больших служб.

Длинные переезды от деревни до деревни, села или города икона обыкновенно сопровождается в карете, заложенной четверней. В карете с иконой неотложно пребывают в священном облачении соборный протоиерей или иерей и дьякон. Впереди кареты в особом экипаже предшествует местный становой пристав; позади сопровождает местный благочинный.

Приближаясь к любой деревне, вы замечаете массу деревенского населения, вышедшего на встречу святой иконы далеко за деревню и частью бегущего вперед, чтобы поскорее удостоиться взглянуть на икону через открытые дверцы кареты. Молодые женщины, девицы, парни и дети, встретив икону за версту и больше от своего селения, большими толпами бегут, затем, обратно по обеим сторонам кареты, по вспаханным полям, иногда по грязи, не отставая и даже опережая карету. Приходилось видеть, как деревенская здоровая, веселая и нарядная молодежь пробегала за иконой расстояние в несколько верст от одной деревни до другой, постоянно заглядывая в карету и осеняя себя крестным знамением.

С приближением к деревне вся масса собравшегося народа преклоняется перед иконой, многие до земли. Поднявшись затем, все бросаются к иконе, желая, если не облобызать, то по крайней мере прикоснуться к ней и, особенно, понести по деревне.

Несут икону прежде всего на особо уготованное среди деревни место, где совершается перед ней общий для всей деревни молебен с водоосвящением. Молебен заканчивается лобызанием святого образа от всех собравшихся и молившихся. Но прежде, нежели будет начат обход с иконой по домам, требуется еще пронести икону над головами грудных детей. С этой целью матери со своими детьми усаживаются вдоль улицы на корточки целой вереницей; дети, обычно, поднимают рев на всю деревню, матери баюкают, немилосердно трясут их, стараясь в то же время усесться поудобнее. Наконец, икона прошла над самыми головами матерей с детьми. Матери довольны, веруя, что их с детьми осенила небесной благодатью и



Крестный ход с Феодоровской иконой Божией Матери. г. Кострома, август 1903 г.

благословила сама Матерь Божия, дети успокоились...

Начинается по порядку обхождение домов. Икону на перерыв берутся нести деревенские обыватели, сменяя друг друга. Все население провожает икону от дома до дома и, не имея возможности за множеством зайти в самый дом, стоит около дома, пока совершается в доме молебен.

В каждом доме вы видите накрытый к приходу св. иконы чистою скатертью стол, на столе каравай хлеба с солонкой, в переднем углу перед образами возженные лампады и свечи, под образами кадка с житом. Вся семья налицо; слезли для молитвы с печи и полатей немощные старики и старухи, в редких, только чрезвычайных случаях, оставляющие свой старческий одр. В заключение молитвы семья снова лобызает св. икону, хозяйки обтирают лик Божией Матери ватой и берут себе, как святыню, исцеляющую от недугов; при выносе из дома матери с детьми снова стараются присесть под икону, чтобы она прошла еще раз над их головами.

Таков общий порядок принятия св. иконы во всех деревнях, где нам только приходилось быть, — порядок, наглядно свидетельствующий о простой, но пламенной, сердечной, глубокой, непоколебимой вере людей простых, почти еще не тронутых современной разрушительной светской цивилизацией.

В селах и городах несколько видоизменяется порядок принятия и чествования чудотворной иконы. С приближением иконы к селу или городу днем и даже поздно ночью начинается благовест, затем трезвон; местное духовенство с благочинным во главе встречает икону за церковной оградой в полном облачении, с крестом, иконами и хоругвями и несет икону в храм. В том же селе, где не предназначен для иконы ночлег, отправляется в храме лишь один торжественный молебен Божией Матери; затем икону несут для частных молебнов по домам, начиная с домов духовенства. С окончанием частных молебнов икона снова заносится в храм для того, чтобы предоставить возможность всем приложиться к ней. Затем уже торжественно провожается в дальнейший путь.



Возобновление традиции. Крестный ход с Феодоровской иконой Божией Матери. г. Кострома, август 1990 г.

В тех же храмах, в селе и в городе, где предназначен ночлег, по прибытии иконы тотчас же начинается всенощное бдение, хотя бы прибытие пришлось и за полночь. В Судиславль, например, икона прибыла в 2 часа по полуночи; в село Дубяны в 4 часа утра; однако была встреча многочисленною публикою с духовенством во главе и тотчас же начато всенощное бдение.

В каждом сельском и городском храме, где святая икона остается на ночь и где, поэтому, совершаются с вечера и утром торжественные службы — всенощная и литургия, в богослужении принимают участие сопровождающие икону соборные протоиерей и дьякон. В нашу поездку с иконой в 1904 г. на праздничной всенощной, пред чтением Евангелия, обязательно читался особый «Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице явления чудотворной иконы ее Феодоровской» (изд. 1887 г.); на литургии же произносилось соответствующее торжеству поучение.

К чести духовенства следует сказать, что поучения при богослужении по поводу принесения Феодоровской иконы произносились большею частью местными священниками; соборному протоиерею приходилось произносить только в исключительных случаях, например, в царские и большие праздники.

После богослужения на другой день икона отправлялась дальше не позже 2—3 часов по полудни в расчете посетить все попутные деревни и успеть на новый ночлег в следующее село по возможности не слишком поздно.

Протоиерей И. СЫРЦОВ

«Костромские епархиальные ведомости» № 17, 18 1905 г.

«...РАДУЙСЯ, ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЧЕ ПАХОМИЕ...»

Вся Нерехта и ее окрестности оживают в рукописях Михаила Яковлевича Диева. Почти всю первую половину прошлого, XIX столетия он со страстью Скупого рыцаря собирал всякий клочок бумаги, который мог бы рассказать что-то о ее людях, их делах и судьбах. Сокровища своего рукописного собрания он добывал уговорами, обменом, прокладывал к ним путь «кошельком», а если не удавалось — кропотливо списывал, поскрипывая пером.

Сыпаново, где он прослужил священником, как в сказке — «тридцать лет и три года», почти до самой своей смерти (до 1865 г.), обязано ему одному своей историей, своим архивом. И хоть рукопись, поданная преосвященному Павлу в 1832 году, подписана другим именем — достаточно одного взглядя на почерк, чтобы увериться в авторстве М. Я. Диева.

«Письменных дел при сем монастыре до 1700-го года почти никаких не видно, кроме отписных памятей или квитанций...» Тем не менее по крохам, по отдельным упоминаниям, по подписям на малозначительных документах он восстановил имена монастырских игуменов с 1623 года; Павел, Варлаам, Ермоген, старец Пахомий... И так — до последнего, Антония, «в бытность коего кончилась и бытность монастыря Сыпанова на основании Указа 1764-го года, по силе коего, за учреждением штатов, в скором времени монастырь уничтожен».[1]

Стоит ли после этого удивляться, что именно имя М. Я. Диева привело меня впервые к развалинам монастыря преподобного Пахомия в бывшей Троице-Сыпановой слободе? Как-то вдруг поняли, что негласный запрет на празднование священнических юбилеев снят, и в 1989 году впервые отметили не круглую еще дату — 195 лет со дня рождения М. Я. Диева. Тогда-то нас всех и повезли в Сыпаново. Это были руины, и, по-моему, никто тогда всерьез не принял слова Н. П. Родионовой, директора музея в Нерехте, о том, что есть надежда, будет проект восстановления... Стоял октябрь, храм стоял сиротливо и, казалось, что у этого места есть только славное прошлое.

Однако время продолжало раскручивать обороты, оно вышло из привычного уже оцепенения, и каждый год приносил новые потрясения, новые иллюзии и разочарования. Хорошо помню радостное удивление, которое испытали участники съезда Общества охраны памятников, когда, после маленького «переворота» в составе правления, всех повезли в Нерехту, где уже вовсю шла реставрация, городские храмы обросли лесами, а где-то уже и высвобождались от них...

В Сыпанове тоже вовсю шла работа. Обойдя храм, мы по деревянным ступенькам спустились к источнику преподобного Пахомия, который пробивался маленьким озерцом на чистом песчаном ложе, и вода действительно казалась живой водой. И была весна, и надежды уже не казались призрачными.

Еще через год в храме преподобного уже были побелены стены, стоял простой иконостас, и гостей встречала матушка Алексия, настоятельница вновь учрежденного монастыря. Она показывала в трапезном Покровском храме стену, зиявшую пустыми дверными коробками, рассказывала, что здесь будут кельи, и ближе к осени сюда можно будет переезжать. Это было совсем невероятно, — ведь кругом шли реставрационные работы. Разве можно жить на стройке?

Ощущение неестественности происходящего усилилось, когда вместо родника мы увидели бетонные кольца, в глубине которых плавали радужные разводы, даже отдаленно не напоминавшие прозрачные воды родника. Недоумение, похожее на многоточие, рассеивалось по мере того, как случайные впечатления дня вытеснялись размеренным рассказом о жизни и чудесах преподобного Пахомия из маленькой брошюрки, «дозволенной цензурой» еще в 1896 году и теперь воспроизведенной каким-то «домашним» образом.

Автор ее добросовестно пересказывал житие, некогда переписанное Диевым, излагал составленную им церковную летопись, добавляя события последующих десятилетий. А в конце был напечатан тропарь преподобному: «...в молитвах и трудах прилежа Богови, процвел еси, яко финикс, и бысть образ утешения духовного». Яко финикс — как пальма с длинным скучным стволом, неожиданно переходящим в зеленую пышную крону, дающую тень. «И праведник, яко финикс процветет...»

«Сей преподобный отец Пахомий, рождение и воспитание имея града Владимира, сый отца именем Игнатия, матере же Анны... и возгореся духом, и вострепета душа его любовию к Богу... вземшу благословение у матери своея, отыде в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы и от некоего священноинока постригается». Нес-

колько лет, как повествует житие, преподобный провел в трудах, посте и молитвах, достойно претерпевая «в нощи без сна пребывание и сим плоть свою удручаше».

Было это во время преподобного Сергия Радонежского, и тот самый св. Алексий, будущий воспитатель Дмитрия Донского и митрополит всея Руси, желавший Сергия видеть своим преемником, посвятил прп. Пахомия в чин диаконский, а потом поставил его игуменом вновь устроенной обители во Владимире. Видимо, именно поэтому над тем местом, где сейчас под спудом покоятся мощи св. Пахомия, написан образ св. Алексия.

Подобно Сергию, Пахомий оставил устроенную обитель и ушел искать пустынное место, «не имый с собою ничего, разве книжицу правил и Псалтирь». Так «ища себе покоя, ...прииде на некое место мало, зовомое от древних Сыпаново, еже есть близ реки Солоницы на речке Гридевке; место же оно вельми красно. Преподобный же возлюби е».[2]

Оно и сейчас «вельми красно» это место, спустя шесть столетий с тех пор, как почил преподобный Пахомий, молитвами которого возрождается сегодня богоспасаемый град Нерехта, и обитель Св. Троицы в Сыпанове.

В апреле исполнился год, как матушку Алексию возвели в сан игумении. «4 апреля, если точно, — вспоминает она, — и прямо из храма сюда поехали. Въезжать было некуда, все завалено строительным мусором. Добрые люди пустили в комнатку 12 кв. м, и 9 сестер там прожили четыре месяца. А 28 мая был праздник преподобного Пахомия, и первым желанием стало отслужить в этот день первую литургию в этом храме, где давно не было слышно церковного пения.

Сегодня даже самим трудно понять, как это смогли, — за один месяц освободить храм от мусора, сделать временный алтарь. В Крестовоздвиженской церкви в Нерехте сохранили икону преподобного, служившую крышкой раки, ее перенесли на прежнее место».

«Помощь преподобного Пахомия все время чувствовалась, она и сейчас видна», — продолжает матушка Алексия. А тогда все успели к сроку, и 28 мая была первая литургия. Надеялись служить хотя бы по праздникам, а получилось — каждое воскресенье, а с Иоанна Златоуста — каждый день, утром и вечером, если нет священника, то —



Настоятельница Троице-Сыпанова монастыря матушка Алексия

монашеским чином. Это чудо, никто не верил, что это возможно.

Особенно вначале было трудно: не уступить искушениям, преодолеть восстание нечистых сил, стремившихся прекратить регулярные службы. Сейчас самый главный труд — восстановить святость этого поруганного места. То, что уже сделано, даже нецерковные люди чувствуют, входят — и «какая благодать».

Мне кажется, что особенно это ощущается во время службы, и особенно — по сравнению со службой в городских церквах, с их пышным, как правило, убранством, стремлением к концертному пению, с привычными пропусками. Здесь — все наоборот. И неотделимы друг от друга скромность временного иконостаса, живое пламя свечей и лампад, не перебиваемое электричеством, долгая, без изъятий, служба, строго по уставу. Это не всегда нравится прихожанам, которые спешат засветло вернуться домой, но именно в этот момент и понимаешь, насколько важно, чтобы хоть где-нибудь служба шла не торопясь, без оглядки на часы, на солнце, на автобусное расписание, чтобы она подчинялась только своим законам, своему ритму, нетронутому суетой.

Ничто так не извлекает из быта, как монастырское пение. В нем нет и тени стремления к украшательству, желания продемонстрировать вокальные данные. Звук — как бы вполголоса, никто не солирует, но все голоса поддерживают друг друга; каждый остается сам собой, — и все вместе живут одним делом, одним служением: «каждое дыхание да хвалит Господа...» И само пение естественно, как дыхание.

До сих пор жалею, что не записала то, что рассказала мать Валентина, регент монастыря. Она говорила о том, что светское пение — душевное, движется страстьми человеческими, а монастырское — духовное, бесстрастное, это похоже на то, как лежишь летом в поле, и смотришь в небо высокое-высокое, а у щеки — васильки и ромашки. Нет, у меня так не получится, как у нее. Думаю, хотя бы раз в жизни это пережил каждый — «...и равнодушная природа красою вечною...» на отрезке между рождением и смертью.

Она рассказала, как осенью в поле не приехала вовремя машина, а была пора начинать вечернюю службу. И уставшие сестры запели предначинательный псалом, запечатлевший сотворение мира: «Благослови, душе моя, Господа... на горах станут воды... восходят горы и нисходят поля в место, еже основал еси им...» — «Слава ти, Господи, сотворившему вся».

И я представила себе отчетливо, как там, посреди поля, под небом — «бездна, яко риза одеяние ея...»

— Сейчас в обители 17 сестер, — рассказывала матушка Алексия. Возраст — от 17 лет и старше. Они талантливые, есть среди них врач и певица, иконописец и учительница, вышиваль-

щица и повара. Но сейчас всем одинаково приходится заниматься тяжелым трудом, связанным с благоустройством храма, со строительством: кирпичи носить, раствор, убирать мусор. Сестры знают цену потерям, стойко переносят трудности и невзгоды.

Разный возраст, разный опыт монастырской жизни, да и каким бы он ни был, вся жизнь в монастыре — стремление к совершенству. Это — борьба на всю жизнь. Так не бывает, чтобы человек переступил порог монастыря — и сразу стал совершенным, это только начало пути, у которого есть цель, отдаляющаяся по мере продвижения по нему. На этом пути учишься противостоять силам зла, а за монастырскими стенами эта борьба становится более напряженной, чем в миру, и надо выстоять...

Я слушала ее, и думала, что нам, мирянам, видна лишь внешняя сторона ее труда: надо достать деньги, материалы, принять работы; а на самом деле главным в этой хрупкой женщине оказалось не ее инженерное образование, а ее вера и любовь.

— Делается все промыслительно, — продолжала матушка Алексия. — Когда человеческих сил не хватает, на помощь приходит сила Божия, и удивительным образом решаются проблемы, которые казались неразрешимыми.

Проблемы, наверное, такие же, как и всюду сейчас — нет денег, финансирование не открыто, реставрация остановилась на полпути, нет материалов.

«Мы низко кланяемся всем, кто помогает восстановлению обители, — руководителям предприятий, рабочим, просто верующим, прихожанам нерехтских храмов и клиру нерехтского благочиния»... — я записываю это почти под диктовку, и боюсь кого-нибудь забыть. Например, ту девочку, которая пришла помочь убраться после службы и терпеливо соскребала воск с некрашеных еще половиц. — «Мы им очень благодарны, девочкам и мальчикам из соседних деревень. Они очень помогли, когда надо было все приводить в порядок, и сейчас помогают».

Это очень напоминает житие преподобного Пахомия: «и



Троице-Сыпанов монастырь

тако мнози шедше со святым на место оно, и секирами лес посекоша, и огнем пожгоша, и место употребивше, кельицу малу святому поставиша, и обещашеся вси святому помогати...» Значит, выполнение того обещания растянулось на шесть столетий. Продолжается помощь нерехчан, — не угасает и молитва преподобного.

Пожалуй, самое главное, что ощущалось в обители постоянно, и о чем в наших разговорах слова сказано не было — это любовь, которая прорывалась нечаянно сквозь интонацию сдержанной строгости у матушки Алексии, которую не решались выпустить наружу сестры, но присутствие ее было очевидно.

Надо было идти на колокольню, и я, пожалев телогрейку, подхватила драненькое пальтецо, висевшее рядом. Это матушкино, сказали мне, и в голосе, спокойном, как обычно, зазвучало тепло. А еще мне рассказали, что она первой берется за все трудные послушания, и как она сама лазила в колодец, который вычищали до самого дна, только поднялась, наполовину — в тине, наполовину — в глине, как на горке показалась машина с иностранцами. И пришлось ее сразу в Гридёвке мыть. Этот последний случай мне рассказывала младшая из насельниц монастыря, послушница Юлия. Ей семнадцать, и перед этим она с радостью показывала мне всеобщего любимца, монастырского кота, а в заключение добавила: а еще нам нужна машина, чтобы могла пройти по нашим дорогам, и колокола. И повела на колокольню, в которой заканчивают оборудовать кельи, чтобы выехать, наконец, из трапезного храма, чтобы в храме снова был — храм. А из-под самого шатра колокольни, где непременно когда-нибудь будет висеть колокол, было видно, как бушуют разлившиеся Солоница и Гридёвка, в обычное время такие тихие и почти незаметные, — «место же оно вельми красно»... И источник преподобного Пахомия оказался чуть ли не на самой быстрине, да и видна-то была лишь его крыша на двух столбиках.

И я подумала, что давно в нашей истории не случалось такого времени, чтобы наломавши дров — мы вдруг кинулись сажать леса. Разрушив все, во всем разуверившись, прошли эту дорогу до тупика — и начали строить. Это оказалось труднее, чем крушить, но зато — не в пример радостнее.

Елизавета НОВИКОВА

[1] ГАКО, ф.130, оп.6 доп., д.18.
[2] Там же, д.17

Спешим уведомить

Текущий счет Троице-Сыпанова монастыря 701309 в Нерехтском коммерческом банке, МФО 43469710. А еще им очень нужна легковая машина высокой проходимости и колокола!

ГОЛОСА

I

Загадка этого монастыря изводила меня уже много лет, с той самой экспедиции, когда мы тщетно искали преданий о Сусанине, а вместо этого выслушивали «Думу» Рылеева или «вот гроб, вот могила, не видать вам царя Михаила...» Там впервые услышала я о матушке Вере из Сумароковского монастыря, босоножке, прозорливице, которую большевики босыми ногами ставили на раскаленную плиту, а ей — что по плите, что по снегу, все одно ничего...

В чудеса я тогда не верила, от рассказов отмахивалась, но при составлении отчета все же заглянула в справочники. Тут-то все и началось. Сумароковского монастыря там не было. Не значилось и села Сумарокова в списках населенных мест по Буйскому уезду Костромской губернии. Но мы же видели монастырь — и огромных размеров собор, и добротный гостиничный корпус, и кельи, и нынешних обитателей монастыря, в котором собраны страдающие болезнью Дауна не только из нашей, но и из соседних областей... Их лица придавали воспоминаниям совсем уж фантастическую окраску.

С тех пор у меня появилось чувство, будто я что-то пытаюсь вспомнить, но не могу. Должна же быть разгадка! Еще немного... Но ответ опять ускользал от меня. Было бы в названии села хоть что-то от советского новояза, можно было бы думать о переименовании. Но более исконного названия для нашей губернии и представить было невозможно, ведь Сумароковы — известнейшая в Костроме дворянская фамилия, почему бы им не назвать так одну из своих вотчин... Потом, когда я увидела фотографию матушки Веры в белом облачении, возникло новое предположение: может, была община, не успевшая стать монастырем?

Прошло несколько лет, и ответ нашелся. Не было села Сумарокова до революции, а было село Новое, что в Телякове, в котором стоял Свято-Троицкий женский монастырь, и относилось это все не к Буйскому, а к Галичскому уезду, а Сумароковским почему-то в 1920 году назвали совхоз, организованный в монастыре.



Матушка Вера (Меркулова)

Нашлась и матушка Вера. В ежегодных ведомостях, подаваемых в консисторию, среди прочих ста с небольшим лиц, «живущих на испытании в Свято-Троицком женском монастыре Галичского уезда» числится и «№ 42 Вера Антониева Меркулова, 23 г., крестьянская девица Орловской губ. Мценского у.; в монастыре — с 1906 г., читать и писать умеет, хороших качеств и к послушанию способна...»[1] Так объяснилось ее белое облачение — она не была даже послушницей, вот и в 1917 году она среди лиц, находящихся на испытании.[2]

Казалось, все ясно, можно успокоиться. Однако зыбкость материала я ощутила при первом же взгляде на страницы толстого дела, заведенного в ЧК на «гражданку Меркулову В. А.» в 1920 г.

Из разнобоя голосов неожиданно вырвался один, характерная интонация которого угадывалась несмотря на все попытки стенографа придать ей «правильный» канцелярский оттенок. Это был ее, матушки Веры, голос: «В Орловской губ. я числюсь только по бумагам, а родилась я на Кавказе в гор. Севастополе. Когда я выехала из Севастополя, не помню, а только помню, что последнее время жила в гор. Ростове на Дону, где прожила до 24 лет. Жила без родителей. У меня остались небольшие средства после родителей, я на их жила и только занималась по своему хозяйству и ходила в церковь».[3]

Значит, одновременно «поплыло» не только место рождения (не Орловская губерния, а Севастополь), но и время — по монастырским документам выходил 1884 год, по этим показаниям — 1882. Но это было только начало! В 1935 году опять все изменится: «Я, Меркулова Вера Антоновна, родилась в с. Сумароково Молвитинского р-на Ивановской пром. области в 1874 году... Постриг в монашество приняла в 17-летнем возрасте в Грузии, женский монастырь просветительницы Грузии Нины с именем «Вероника». Показания записаны с моих слов правильно и мне зачитаны».[4] И те были «записаны правильно». Какие же из них верны?

«Самообразование» 1921 года в 1935 году сменяется гимназией,

и смутная надежда хоть что-нибудь узнать об этой загадочной женщине перешла в твердую уверенность в том, что никогда и ни в чем, связанном с ней, определенности не будет, и не только в тех случаях, когда она говорит о себе сама.

Голоса, голоса. Они прорывались через десятки прошедших лет. «Верушку я знаю с первых ея дней поступления в монастырь. Она пришла еще молоденькая. Сперва она работала, шила, помогала работать старым монашинам, тогда к ней еще никто не ходил из посторонних. Но вот уже года три как к Верушке стал ходить народ за советом».[5]

«Я знаю Меркулову 6 лет. Я с ней имела переписку и очень часто обращалась с различными вопросами и за советом в трудных случаях жизни. Ей дан особый дар от Бога, она ходит босою зимой и летом; к ней тысячи народа ходят за советом».[6]

И то, и другое свидетельство — из 1921 года. И — опять ее собственный голос: «Я совершенно не знаю, почему меня прозвали святой, но скажу, что я очень много и всегда читаю церковные книги, очень много читала Библии и вообще жизнь святых апостолов, и вот когда ко мне приходят люди и спрашивают меня, как жить, я им всегда разъясняю, что нужно молиться и терпеть, в настоящее время приходят люди, женщины и мужчины из разных деревень и городов и жаловались, что их мучают и им жить очень трудно при настоящей власти... Я всегда говорила, что нужно терпеть».[7]

Как ни странно, этот мотив проходит через все допросы, через все дела, — он, пожалуй, единственная постоянная среди множества переменных. И, признаюсь, один из немногих случаев, когда я могу честно сказать: я уверена. Уверена в том, что эти слова ни в одном из случаев не продиктованы страхом. Но откуда же они тогда?

Те, кто рядом с ней, столь же постоянны в своем противоречии матушке Вере: «Виновной себя признаю полностью, в том, что проповедую-агитирую за религию, что читаю Евангелие населению, рассказываю прихожанам, что



о. Иоасаф (Сазанов)

пишется в Евангелье и этим делом занимаюсь в течение 6 лет. А т. к. Советская власть борется с религией, то мне приходится бороться с Советской властью, потому что она притесняет нашу веру».[8] Это не Жанна д'Арк, а скромная Мария Лукинична Смирнова, из деревни Кочерег, связавшая свою жизнь с матушкой Верой.

Быть может, разница позиций объяснялась как раз тем, что и отличало ее, прозорливицу, от других: она просто знала, что все будет, как надо. Не знала только, когда. «Зачем мне агитировать против колхозов, когда колхозы скоро сами развалятся?» — с удивлением спрашивала она следователя.[9]

«Я говорила, если хватает платить налоги, то не ходите в колхоз, а если не хватает, то идите и будьте верными людьми в государстве».[10] Сейчас мне уже кажется, что в этих словах не подвох, не иносказание, а спокойная вера в грядущую справедливость.

Люди часто не понимали ее речей, или понимали неточно, в соответствии со своими представлениями о положении вещей, о ее позиции. Вот голос обиженного фининспектора: «Она говорила, что ваша идея не переживет нашу (церковников)». А это — голос матушки Веры: «По вопросу существования идей я действительно говорила, что Создатель есть и будет, в которого верит население, если не будет меня, то будет кто-то другой, и будет проповедовать внедрение религии в уме человека. В отношении Советской власти, что она отойдет раньше этой религии, я не говорила, а говорила, что Советская власть сама преклонится перед религией. Об этом я говорила в Молвитине в РИКе».[11]

Разве мы сейчас — не свидетели тому? Зная об этом за полвека до того, как это произошло, можно было хранить эпический настрой: «Я подчинена Советской власти и ее представителям, но не касаясь вопросов духовного, т. е. моей религии, которая существует до сего времени в пределах Советского Союза».

И тем не менее, как только матушка Вера возвращалась из очередной ссылки или из заключения, у представителей местной администрации появлялась стойкая головная боль. «Мне, как заведующему, неоднократно указывалось и даже ставилось в обязанность прекратить паломничество». «Принимая во внимание, что а) оставление на жительство гр-ки Меркуловой не только в деревне, но и в городе неминуемо повлечет за собою паломничество к ней «за советами» темных масс простонародных, б) достаточных оснований для помещения ее в место заключения по обстоятельствам настоящего дела не имеется, да и не будет целесообразным, ПОЛАГАЛ БЫ: гр-ку Меркулову препроводить в гор. Москву в распоряжение VIII отдела НКЮ для дальнейшего направления в специальное учреждение Наркомздрава».[12]

Она опять возвращалась, и снова все начиналось сначала, только сотни ежедневных посетителей превращались в тысячи, у дома вставали десятки крестьянских подвод с приношениями, благодаря которым она могла поддержать голодных, несчастных, обездоленных. При ней в 1935 году — около двадцати сирот от 3 до 16 лет, дети высланных, арестованных, погибших. Она оказывает помощь в ремонте дома, приобретении скота, уплачивает непосильные налоги за тех, кто потерял всякую надежду, просто благословляет: «крестьяне, получав-

шие благословение, говорили мне: «хотели кончать жизнь самоубийством, бежать, а теперь получили облегчение и избавление». «Среди посетителей были крестьяне, духовенство, монашество, кулаки, разные высланные люди и иногда бывали инженеры, врачи и т. п.»

Ей ли, кормившей почти все окрестные селения, ежедневно принимавшей на себя людское горе, было не знать, что «в колхозах крестьяне сидят голодные» , «в колхозах заставляют непосильно работать отбирают хлеб», — она же просто отвечала: «если хотите — идите в колхоз, а не хотите — то не ходите». Она помогала целым колхозам в срок внести платежи, а «администрация» усматривала в этом «злостную дискредитацию Советской власти».[13] Она же укоряла их: «Вы неверно делаете, что в колхозы людей загоняете и там их под кулаком своим держите»; «для меня это стыдно за вас, за всякое слово арестуете, себя ниже всех делаете, для меня горько это»...[14]

Нет, не хождение босиком стяжало ей славу святой, да и недолгим оно было; всего несколько лет, потому что после тяжелой болезни в 1920 г. отказала одна нога, после побоев и издевательств в 1921 — вторая. Теперь, до конца жизни, она передвигалась с посторонней помощью.

Документы странно противоречат друг другу. Справка, выданная после освобождения из Владимирского централа, (была приговорена к лишению свободы сроком на три года, считая срок с 13/VII-31 г.) утверждает: «без ног, ноги отрезаны»[15], в деле 1935 года — справка устанавливает «паралич обеих ног, коленных и стопных суставов, привычный вывих плечевого сустава левой руки».[16] К этому времени число арестов перевалило за дюжину.

П. Ф. Смирнов, один из немногих насельников Железноборовского монастыря, решивших в 1935 г. возродить обитель, показывал на допросе: «Почитаю Веру Меркулову и называю ее матерью потому, что вижу в ней образец чистоты и преданности православию — глубокой веры в Бога и религиозному образу жизни, испытавшей и перенесшей за это много страданий. Исходя из этого считаю ее для себя идеалом и как религиозный человек, принявший монашеский образ жизни, беру с нее пример»...[17] В этом деле на обороте ее фотографии — надпись: «Схиигумения Михаила или бывше Верушка, впоследствии м. Вера Меркулова».

II

Это письмо было не подписано, но почерк матушки Веры трудно перепутать с каким-либо другим, как бы не изменялся он с течением времени: «...благодарю Бога за молитвы батюшки. Все же покойна моя душа, от всех сих попечений хватает мне этого, и желает и пламенеет душа моя, подвигов хочу, Пашенька. Хочу, Пашенька, взять на себя подвиг. Ходить бы босой мне хочется, не благословит ли батюшка. Жду благословения и с радостью начну».[18] Даты нет, место отправления тщательно замазано, лишь угадывается нечто, похожее на «Саров». Сразу вспомнилась ее фраза из дела 1921 года — «подайте мне палку саровскую...»

Судя по тому, что письмо было изъято у иеромонаха Железноборовского монастыря Иоасафа, оно дошло до батюшки. Босое хождение матушки Веры известно, — значит, батюшка благословил?



Матушка Ангелина (Борисова)

Отец Иоасаф (в миру — Григорий Меркурьевич Сазанов) был рукоположен во иеромонаха в мае 1917 г., а уже в июне того же года игумен Железноборовского монастыря Никодим обратился к епископу Костромскому и Галичскому Евгению с просьбой назначить его благочинным обители: «По благоговеинству, ревностному служению Святой церкви и доброму поведению, нахожу для сего удобным иеромонаха Иоасафа, как человека, вполне заслуживающего доверие».[19] Видимо, тогда же он становится духовником монастыря, но по традиции у него исповедовались не только насельники монастыря, но и богомольцы, крестьяне окрестных деревень и некоторые сестры Свято-Троицкой обители, лежавшей всего в двадцати верстах от Железного Борка.

Число духовных чад постепенно увеличивалось, в Борке их называли просто «духовными»: «Самая группа духовных истекает именно от Железноборовского монастыря, зародилась она лет двадцать тому назад, еще при покойном иеромонахе Паисии, — показывал о. Иоасаф на допросе в 1923 году, еще не подозревая подвоха, — от него я принял человек двадцать, а в течение последних шести лет их число все растет и растет».[20] Откуда же ему было знать, что это столь обыкновенное дело истолковано как создание антисоветской группы «Духовных» и подпадает под 120-ю статью Уголовного кодекса! — «Иоасаф занимается давно преподаванием религиозных вероучений и также обманных действий с целью возбуждения суеверия на религиозной почве в темных массах».

Поняв, наконец, что ему вменяется в вину, о. Иоасаф пытался объяснить недоразумение: «Сии все приходящие в монастырь есть мои Духовные Дети, я Духовник, мне поручено от настоятеля монастыря исповедать желающих причаститься Св. Таин, да и вся братия монастыря у меня исповедаются», «примером для меня служат покойные старцы Оптинской Введенской

пустыни иеросхимонахи Амвросий, Макарий, Леонид».

Обычность этого положения подтвердил и настоятель монастыря, о. Гавриил: «Группа духовных это не что иное, как группа истинно верующих, старающихся проводить воздержную христианскую жизнь, таковая почти существует при каждом монастыре», «Иеромонах Иоасаф среди местного населения пользуется какой-то особой популярностью», «к нему как к духовнику стекается на исповедь громадное число народу»... Но именно это и казалось особенно подозрительным! Что за беседы после исповеди он ведет в своей келье, если даже для настоятеля это «является секретом»? Они ведь никогда не слышали о тайне исповеди, религия для них не более, чем «опиум для народа»...

В деле есть документ, заверенный множеством подписей и скрепленный печатью. Крестьяне подтверждают подлинность двух исцелений, свершившихся по молитве Иоасафа перед мощами преподобного Иакова Железноборовского. Пелагея Морозова, 33 лет, «не владела ногами двадцать два года, без посторонней помощи не могла встать с постели, она обращалась за помощью к врачам, но они находили болезнь неизлечимой». «После причастия и елеопомазания она тотчас почувствовала, как ноги ея крепнут и способны ходить», и теперь «может многие версты сделать пешком». — «Это чудо привело всех нас в ужас и удивление». Тут же рассказ об исцелении крестьянина, не владевшего рукой.

— Совершал «обманные действия, используя религиозные предрассудки верующих масс... дело... принять к своему производству».

III

Записка карандашом рукою о. Иоасафа — вещественное доказательство его вины: «Ваше преподобие, сестра о Господе и мати А. Любезнейшее чадо мое, узница Христова. Друг мой, не унывай в части сей, но пленися Христовою Любовию, за Христа бо терпиши, который за нас грешных претерпел лютейшие страдания, распятие на кресте, смерть, Он, будущи сын Божий и Царь небу и земли и творец всея твари видимыя и невидимыя, таковое поношение претерпе. Мы же земля и прах, не постыдимся его ради претерпети малое поношение, тогда в будущей жизни с ним прославимся во веки и благих насладимся. Еще повторяю, не стыдися пребыти в части сей, но паче радуйся. Я, убогий, лобызаю честную и умную головку твою. Прошу тебя не унывать, но распорядись, *чтобы твои духовные из остатков твоего хлеба напекли хлеба* и дали нищим, и просили бы их молить за тебя Бога, ибо нищие наши господа, и самые надежные наши заступники. Я пока нахожусь в покое, еще меня не тревожат».

Подчеркнутое выделено следователем как подтверждение того, что подобно тому, как Иоасаф «создал группу «Духовных», монахиня же Борисова, руководствуясь указаниями Иоасафа Сазанова, создала подобную же группу в Солигаличском уезде».

Александра Владимировна Борисова была арестована незадолго до о. Иоасафа в ее келье у деревни Красниково Костромской волости Солигаличского уезда. Это ей адресована его записка карандашом. Откуда такое обращение — «Ваше преподобие»? — «я его спрашивала об этом. Он сказал, что это его дело».

Ее показания простодушны настолько, что даже вопросы следователя неуловимо меняют интонацию: «Скажите, почему у вас нет никаких документов? Подумаешь, что вас совсем не существует на свете. Ответ: Я не знала, что нужны документы». Идет 1923 год, ей 36 лет.

С 13 лет хромала — упала с ведром воды, раздробила ногу, одно лето совсем не ходила. В Петрограде жила в прислугах, стала читать духовные книги. Монахиня с Кавказских гор, Ольга, — «она рассказала мне жизнь кавказских пустынников и я соблазнилась». Взяла благословение у родителей, Ольга приняла постриг с именем Серафимы, а она у нее стала келейницей.

«Монастырь у нас не вышел, т. к. уже началась первая война... я ушла на горы в готовую келью жить. Моя келья была в 10 верстах от города Адлер... а потом старец Репкин выслал меня на родину.» «Он мне причин не сказал, а лишь сказал, что нужно ехать на родину».

Здесь отец на своей земле в лесу построил келийку, в которую и ушла Александра в ноябре 1916 года. Приняла тайный постриг с именем Ангелина, но сестры из Ратковского монастыря тайну не сберегли.

«...вы знали в Сумароковском монастыре монахиню «Верочку», которая вела агитацию против власти Советов?

Ответ: Верочка ведь была сильная, она боролась против Советской власти, а я-то ведь слабенькая».

«В день ареста, т. е. когда Борисова следовала в Солигалич, то население деревень выходило на улицу встречать матушку».

Для всех троих, духовного отца и двух его духовных дочерей — таких разных! — этот путь вел к Богу.

1. ГАКО, ф.130, оп. 13, д. 227, л. 37.
2. ГАКО, ф.130, оп. 11, д. 2070, № 18.
3. ЦДНИ Костромской области, ф.3656, оп. 2, д. 6305, т.2, л.75 (все дела, использованные из Центра документации новейшей истории, числятся по этому фонду и описи, орфография цитат приведена в соответствие с современной.)
4. Там же, т. 1, л. 9.
5. Там же, т. 2, л. 52.
6. Там же, л. 37.
7. Там же, л. 75 об.
8. Там же, д. 1428, л. 138 об.
9. Там же, л. 52.
10. Там же, л. 113 об.
11. Там же, л. 72, 113 об.
12. ЦДНИ, д. 6305, т. 2, л. л. 43 об, 111.
13. Там же, т. 1, л. л. 146 об, 72, 83, 23, 166.
14. ЦДНИ, д. 1428, л. 30 об.; д. 6305 т. 2, л. 164.
15. ЦДНИ, д. 6044, л. 211.
16. ЦДНИ, д. 1428, л. 126.
17. ЦДНИ, д. 6305, т. 1, л. 109.
18. ЦДНИ, д. 2398, л. 37 об.
19. ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. д. 122, 136; оп. 13, д. 252.
20. ЦДНИ, д. 2398, л. 81 об. Далее все цитаты из этого дела.

НЕ ОСКУДЕЕТ РУКА ДАЮЩЕГО

Беседа с настоятелем Ильинской церкви протоиереем Виталием Шастиным

— Отец Виталий, чем живет сейчас церковный приход: какими радостями, заботами, надеждами? Что отличает сегодняшнюю приходскую жизнь, скажем, от приходской жизни десятилетней давности или начала нашего века?

— Одно дело открыть храм, а другое — создать общинную жизнь, чтобы в ней участвовали все миряне. Открыта у нас воскресная школа, куда приходят около 30 человек, работает мастерская, ведем мы реставрационные работы, занимаемся издательской деятельностью. Сложность заключается в том, что священник сейчас и прораб, и финансист, и проповедник, и преподаватель... Времени не хватает, поэтому без помощников-прихожан нам никак не обойтись. В силу возможностей и способностей приходящих помогать нам прихожан даю им какие-то послушания. Говорить об успехах еще рано, но начало нормальной общинной жизни уже положено. Церковь ведь состоит из всего народа, но есть подсознательное понятие, что церковные люди — это только духовенство. Раньше так не считали, и в жизни прихода миряне участвовали, конечно же, больше.

— В любом хорошем деле важно сделать первый шаг. В благотворительном деле, говорят, вы его сделали. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Началось все несколько лет назад, когда я еще служил священником второго штата в церкви мучеников Александра и Антонины. Туда приезжали причащаться бабушки из дома престарелых, что в Малышкове. Я им говорю: зачем вам стареньким сюда ездить, лучше меня к себе пригласите. Отвечали: этого делать нельзя, нас выгонят. Но одна старушка меня со страхом пригласила. Я приехал, встретили очень хорошо, с пониманием, главным врачом там был тогда Игорь Алексеевич Тараканов. Сейчас в доме престарелых уже освящена храмовая комната, и священник туда ездит постоянно. Затем у нас появился второй объект попечения — школа-интернат для больных детей. Тоже были там встречи, беседы, организовывали экскурсии для детей в Толгский монастырь. Еще посещаем мы колонию, где нам тоже выделили помещение, а мы установили иконостас, так же проводим там беседы, исповеди, к праздникам дарим подарки. Помогаем мы и тем людям, которые приходят к нам сами. Например, освобожденные из мест заключения, если им некуда ехать. Мы даем приют и работу при храме тем, у кого нет средств к существованию. Ведь как получается: чтобы получить документы, нужны деньги, а как их заработать, если без документов на работу не берут. Вот мы и помогаем, чтобы человек не впал в отчаяние. Сейчас некоторые наши «объекты» с разрешения владыки мы передаем другим приходам, чтобы и они вовлекались в дело благотворительности. В общем, начинание и движение уже есть, желание заниматься этим добрым делом есть, жаль только что еще не хватает возможностей и средств, нужна поддержка других организаций.

— Отец Виталий, вам приходится ходить и к старикам, и к



Передача Ильинской церкви епархии. Май 1990 г.

детям, и к преступникам. Как они относятся к вам, чем интересуются? Чувствуете ли вы, что доброе дело милосердия и духовного просвещения этим людям нужно?

— Конечно, встречное движение, интерес к духовной жизни с их стороны есть, но глубина этого интереса бывает разной. В колонии, например, кто-то ждет духовное, а кто-то материальное, какой-нибудь подарок, иногда приходят не столько слушать, сколько спорить. Но это неплохо, дискуссия может помочь укрепиться в вере. У детей тоже разное отношение, они не всегда бывают искренни, боятся насмешки, а это вещь самая нехорошая. Ведь считалось, что верующие люди — культурно отсталые. От кого, интересно, отставал отец Павел Флоренский или Достоевский? В этом году силами учащихся воскресной школы мы подготовили рождественские концерты и ездили с ними к своим подопечным. Так во время концерта в школе-интернате обнаружились свои таланты, мы их приняли потом в наш детский хор. Вообще говорить о добре, о милосердии нужно с детьми с самого раннего возраста. И поддерживать слова делами. Но многим кажется, что если человек кому-то начинает помогать, то в этом обязательно какая-то корысть. Человек, делающий что-то бескорыстно, часто считается у нас ненормальным или нездоровым. А все как раз должно быть наоборот: отсутствие милосердия есть патология. У историка Ключевского в одной из статей есть такая мысль: когда встречались на Руси две руки, одна с просьбой Христовой, другая с милостыней, то неизвестно еще, какая рука больше получала.

— В России всегда богатые помогали бедным. Как ни одна другая страна в мире она была известна традициями благотворительности и меценатства. Возвращены ли к жизни сейчас эти традиции, в частности, в Костроме, как Вы считаете?

— Когда мы открывали храм, было очень большое благотворительное движение. Ни одной иконы в храме мы не покупали, все были пожертвованы прихожанами. Причем, тогда их уже можно было отнести в магазин и сдать за приличную цену. Но приносили к нам, и не только бабушки, но и молодые люди. Поэтому можно сказать, что возрождение нашего храма было делом всенародным. Сейчас положение немного изменилось, частные пожертвования еще продолжаются, а от предприятий и организаций почти прекратились. Но это и понятно, сейчас ведь у многих не жизнь, а выживание.

— А опыт православных братств, к примеру, Александровского в Костроме, вы как-то используете в своей благотворительной работе?

— Мне кажется, что сейчас есть некоторая искусственность в таких движениях. Объявляется братство, туда записываются энтузиасты, а потом энтузиазм проходит. Раньше как было: Синод рассылал указания об организации школ, приютов, священники искали средства на учебники, безвозмездно преподавали, а потом постепенно все это глохло, если не было поддержки от государства. И сейчас тоже — создается братство, принимается устав, а материальной базы нет никакой. В нашем приходе, например, нет смысла создавать отдельное братство, нормальная общинная жизнь в приходе — это и есть братство. В общем, все должно идти от жизни, а не создаваться искусственно.

— Четвертый год идет после возрождения вашего храма. Что изменилось за это время в жизни прихода и в самих прихожанах?

— Идет обновление людей. Но новые прихожане — люди сложные. После долгого непер-



Освящение храма в доме престарелых и инвалидов в Малышково.



о. Виталий с детьми из Воскресной школы.

ковного образа жизни они и в церковь несут всю нецерковность. Бывшие начальники и в храм приходят не каяться, а руководить, поучать, внося этим в жизнь прихода дисгармонию, неполезность. Приходится терпеть, правда потом, через год-полтора, эти люди понимают, что в церковь ходят каяться и исповедоваться. Просят у меня прощения, и в этом бывает большое утешение.

— В чем еще вы видите плоды труда своего — духовного, просветительского, благотворительного?

— Иногда говорят, что внутренне человек никогда не меняется. Если он хищник по натуре, то образование только оттачивает ему когти. Но речь идет не об образовании, а о духовном воспитании, а оно всегда приносит добрые плоды. Возьмем один из моих «объектов», к примеру, дом престарелых. Если раньше люди умирали там не раскаявшись, не исповедовавшись, часто в ожесточении, то сейчас сказать этого нельзя. Был такой случай. Пришел я в одну палату, там на кровати мужчина без ног. Дал я ему почитать одно житие, а он мне потом и говорит: отец Виталий, я теперь понял, почему шесть лет сижу без ног. Если бы они у меня были, то привели по греховным путям к еще худшему. А теперь я пришел к Богу и спас этим душу свою. И только теперь, имея возможность помолиться, подумать о вечном, я могу жить спокойно. Один только пример, но говорит он о многом. К сожалению, люди чаще ждут не духовного, а материального результата. Кстати, и слово материалист часто неправильно истолковывалось. Однажды я читал лекцию в одной серьезной аудитории, а мне слушатели в перерыве говорят: почему вы нас называете атеистами, мы не атеисты, а материалисты. А я ответил: вас материалистами нельзя называть, настоящие материалисты заботятся о материи, а вы ее столько лет разрушали. А вообще, Господь говорит: ищите прежде всего Царствия Божия, а все остальное вам приложится.

Беседовал Николай МУРЕНИН

Имеем сообщить

РОЖДЕНИЕ ХРАМА СТАНОВИТСЯ ТРАДИЦИЕЙ во время больших праздников на костромской земле. Год назад в связи с приездом святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в микрорайоне Давыдовском был заложен новый храм, проект которого выполнил сам настоятель храма, художник и архитектор, отец Аркадий. Нынешний визит Его Святейшества по случаю юбилея Костромской епархии будет отмечен закладкой храма в честь преподобного Серафима Саровского в микрорайоне Малышково.

ВЫСТАВКА В ЦЕРКВИ СПАСА В РЯДАХ непременно должна привлечь внимание и приезжего гостя, и местного жителя. Многие страницы из 250-летней епархиальной жизни откроются здесь — страницы и светлые и трагические. Церковные ценности и редкие книги, исторические документы и фотографии — все это располагает к неспешному осмотру и здравому размышлению. Выставка, подготовленная в короткое время священнослужителями, краеведами, художниками, являет собой пример доброго сотрудничества епархиального управления с музеем-заповедником, государственным архивом, научной библиотекой и другими организациями. И хорошо, если это сотрудничество будет продолжаться и крепнуть.

НОВЫЙ ИКОНОСТАС В БОГОЯВЛЕНСКОМ СОБОРЕ встретит прихожан, пришедших на праздничные богослужения. Восстановлен он по дореволюционному образцу в стиле барокко мастерами костромскими и вятскими. Возрожденный несколько лет назад, Богоявленский кафедральный собор станет теперь еще краше.

СВЯЩЕННИК И КРАЕВЕД

200 лет назад, 22 октября 1794 года, родился Михаил Яковлевич Диев, этнограф, историк, краевед.

Он был священником в третьем, по меньшей мере, поколении: его дед, Петр Федорович, был настоятелем Воскресенской церкви в Нерехте, в 1778 г. это место унаследовал его отец, Иаков Нерехтский, затем в 1826 г. — брат исследователя, Владимир. Сам же Михаил Яковлевич, закончив в 1813 г. Костромскую духовную семинарию, служил под Нерехтой, сначала в Успенском храме села Тетеринского, а с августа 1832 г. — в Сыпаново. Весь же срок его пастырского служения составил 52 года. Умер М. Я. Диев 3 февраля 1866 г. в с. Ильинском на Мезе.

Ни духовной академии, ни светских высших учебных заведений М. Я. Диев не заканчивал, и в список именитых выпускников Костромской семинарии по-



Могила М.Я. ДИЕВА в с. Ильинское Судиславского района.

этому включен не был. Тем не менее именно его ученые труды составили ему славу как среди современников, так и среди потомков. Он был избран членом многих ученых обществ, однако лишь малая толика его работ увидела свет, большая их часть остается в архивах и сейчас.

Круг его интересов чрезвычайно широк — он заключил в себе различные вопросы отечественной истории, истории восточной и российской церкви, этнографии, фольклористики, и все же главным среди прочих оставалось краеведение.

Предлагаем вам фрагменты его рукописей «Духовное управление Костромскою стороною до учреждения в ней епархии» и «Состояние духовенства Костромской стороны до учреждения и при учреждении в ней епархии», представленных М. Я. Диевым в 1861 г. для «Костромских епархиальных ведомостей», издание которых тогда осуществить не удалось (ГАКО, ф-130, оп. 11, д. 2349). Орфография изменена в соответствии с современными нормами.

Михаил ДИЕВ

КОСТРОМСКАЯ СТОРОНА ДО УЧРЕЖДЕНИЯ В НЕЙ ЕПАРХИИ

Костромская сторона, с самого начала в ней веры Христианской, принадлежала Ростовской епархии, — как дело проповеди Ростовских архиереев. По кончине государя Всеволода Георгиевича, именуемого великим Гнездом, Кострома досталась в удел второму сыну его, великому князю Георгию II, и когда Георгий по вражде с братом Константином, Ростовским князем, 1213 года испросил себе особого архиерея, и основал для своих владений в Суздале отдельную от Ростова епископию, в это время Костромская сторона, как принадлежность великого княжества, от Ростовской епархии вступила в состав Суздальской. Когда же митрополит всея России Максим, 1299 года закрывши свою епископию в Суздале, основал свое местопребывание во Владимире, с той поры Костромская сторона взошла в состав митрополичьей области (...). Таким образом, Костромская сторона, до самого учреждения в ней епархии, находилась в непосредственном управлении священноначальников земли Русской и составляла при всероссийских митрополитах Митрополичью, при патриархах патриаршию, а со времени учреждения Святейшего Синода — Синодальную область (...).

При Патриархах всея России Костромская патриаршия область находилась в пределах более определенных, вообще в тех, в каких находилась пред учреждением здесь епархии. На этом пространстве по гражданскому управлению находились две области, называемые с XVIII века провинциями, Костромская и Галичская, но оконечности той и другой совпадали ли с пределами духовных десятин, не имеем на это определенных указаний.(...)

С учреждением Святейшего Синода, закрылись в 1722 году десятины; вместо оных под ведомством Московской сначала

консистории, потом декастерии, из этой консистории переименованной 1727 года, для управления церквами Синодальной области того 1722 года открыта Костромская духовная канцелярия; в зависимости от нее тогда же учреждены три Духовные правления, одно в Галиче, для десятин Галичской и Солигаличской, а другое в Унже, третие в Ветлуге: писалось «Ветлужской волости духовное правление».(...)

Не столь был великолепен и вид храмов Божиих. В самой Костроме, опричь монастырей, — приходские церкви были почти все деревянные; каменных едва ли находилось около пяти. Сколько мало по Костромской епархии каменных церквей числилось в первой половине XVIII века, это увидим из сравнения тогдашних церквей нагорной половины с нынешними.

Во время основания Костромской епархии, в нагорной половине, заключающей две десятины, Нерехотскую и Плесскую, и около двухсот церквей, около 1745 года каменных церквей было 13, именно четыре в городе Нерехте: 1-я в Сретенском Девичьем монастыре, построенная царскими щедротами 1686 года; 2-я Соборная, построенная после 1710; 3-я Богоявленская, построенная 1724 и великомученицы Варвары, освященная 1736 года; в Плесе одна, именно собор, построенный 1699; у Солей Больших три: собор, заложенный 1700, а освященный в 1717 году, приходские Рождественская, построенная в 1700 и Предтеченская в 1701 году; да в селах пять, как-то: 1 в Толпыгине, построена 1670 года думным дворянином Иваном Ивановым Щепиным; 2 у Спаса в Березниках построена 1695 года стольником Иваном Ипполитов. Протопоповым; 3 в Сидоровском с 1720 года; 4 в Тетеринском построена 1724 года из Переславля Залесского Горитского монастыря архимандритом Львом, после бывшего Воронежским епископом; 5 в Ильинском Шахматовых, построена 1743 года княжною Пелагеею Ивановною Волконскою.

В первые годы XVIII столетия для каждой церковной постройки кроме прошения в Патриаршем приказе, надлежало испросить в Ижорской канцелярии, основанной в 1703 году под председательством князя Меньшикова, письменное позволение. В указах из канцелярии по сему предмету обыкновенно прописывалось, что на церковную постройку позволяется нанять на столько тысяч кирпича кирпичников и каменщиков, опричь петербургского наряду, и которых городов и селений, и кто именно будет из тех работников нанят, о том прислать в канцелярию за руками строителей расписание.

Такие позволения из канцелярии выдавались не прямо церковным строителям, а на имя места, заведывающего полицейскою частию, например о строении Нерехотского собора в 1710 году нерехотским бурмистром. Без сомнения эта мера преобразователем России введена для того, чтобы мастеровые охотнее обращались работать в новой столице, основанной в стране отдаленной, безлюдной, болотной, где более предстояло трат для содержания себя и рабочих, чем в сердце России.

Долго ли существовала эта мера, не имеем на то положительного сведения, но она может быть почтена одною из главных причин, почему в ту пору в здешней стороне, тогда богатой лесами, были редки каменные постройки.

К тому в первой половине того XVIII столетия кирпичное и каменное мастерство не столько было произвольным, сколько уделом особого класса людей, носивших звание каменщиков и кирпичников, проживавших на особых правах в городах, каковые мастера были и в Костроме близ Власьевской церкви.

В прочем состояние церквей при императрице Елисавете Петровне имело возможность улучшиться от узаконения ее, чтобы материи, вытканные серебром и золотом, не поступали в продажу никому из частных людей, опричь церковных надобностей. Почему сии материи через коммерц-коллегию были в лавках продавцов запечатаны. Это узаконение последовало по случаю запрещения носить парчевое одеяние, в намерение ввести в употребление сукна и другие одноцветные ткани.(...)

Дешевизна сельских произведений, обрабатываемых и духовными, мало улучшала домашнее состояние их, кроме того что они имели только не скудный кусок.(...)

Во время учреждения Костромской епархии образование духовенства в России стояло еще на низкой степени. Как в Костромской и Галичской провинциях, так и по прочим епархиям, книгохранилища при церквах были скудны разлить просвещение. В них находились большею частью только книги церковного круга. Если и были издания Южнороссийских типографий, то великороссияне, по многим непонятным выражениям малороссийского наречия, в них помещенным, не оказывали к ним приверженности. Южнороссийские издания были только в монастырях, и то знаменитых, к каковым в здешней стороне можем отнести монастыри: костромские Ипатский и Богоявленский, также Унженский, где в первой половине XVIII века усматриваются настоятели из малороссиян, образовавшихся в Киеве. Правда, типография Московская и С.-Петербургская, под личным распоряжением Петра I, довольно издала хороших книг из трудов тогдашних наших ученых, каковы Федор Поликарпов, митрополит Стефан Яворский, Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский и другие; но их издания касались более предметов классических. К тому много ли пользы могли принести издания Грамматик Мелетия Смотрицкого и Максимовича, равно Поликарпова трехъязычный лексикон, когда в знатоках грамматики нуждались не только семинарии, но самая славяно-греко-латинская академия в Москве, и когда познание русского языка до самого конца XVIII века не было классическим предметом в Киевской академии?

Притом переводы «Исторического феатрона» и «Церковных деяний» Барона Цезаря по огромности издания были недоступны ценою, особенно для белого духовенства, скудного в тогдашнее время; почему последнюю книгу редко можно встретить даже в знаменитых книгохранилищах. (...)

АРХИЕРЕЙСКИЙ ХОР

Архиерейский хор костромского Богоявленского Анастасиина кафедрального собора создан в конце 1989 года и за неполные пять лет стал хорошо известен не только на костромской земле. Хор пел в Успенском соборе Московского Кремля, с концертами духовной музыки побывал в Германии, Франции, Италии, получил приглашение на Международный фестиваль духовной музыки в Амстердаме в 1995 году. В хоре под управлением регента Олега Овчинникова поют люди, объединенные любовью к православию и обладающие красивыми голосами, — музыканты, преподаватели, работники культуры. По рассказам старожилов, костромской архиерейский хор в начале нынешнего века тоже был широко известен. Сам Шаляпин, путешествуя по Волге, посещал Богоявленский собор, где пел вместе с голосистым дьяконом Померанцевым. Как говорится, традиции продолжаются...

Очищая душу и наполняя ее высоким духовным содержанием, звучит под сводами храма церковное песнопение.

На снимке: архиерейский хор в Троицком соборе Ипатьевского монастыря. Фото Георгия Белякова.



Имеем сообщить

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ дважды приезжал в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. Сначала на отдых и лечение, а затем на постоянное проживание, в этой святой обители выдающийся подвижник и православный духовный писатель нашел и свой вечный покой. Монахи здесь проводили время в молитвах и трудах — при монастыре было удивительно красивое стадо коров холмогорской породы, все пассажиры, проплывающие на пароходе по Волге, невольно любовались им. Зимой во время поста монахи Николо-Бабаевского монастыря с иконой Николая Чудотворца отправлялись в Кострому, где в течение нескольких дней служили молебны, объезжая многие дома горожан.

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ИОНА принял монашество в 12 лет в одном из Галичских монастырей. Он был первым митрополитом Московским и всея Руси, поставленным собором русских епископов, а не назначенный, как было ранее, константинопольским патриархом. Первенствующий иерарх Русской Церкви незадолго до своей кончины посетил родные места, в Железноборовском монастыре костромской святой преподобный Иаков принял от руки Митрополита сан игумена.

ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ СУВОРОВ любил церковь, всегда, при любых обстоятельствах, посещал ее, где не только усердно молился, но и пел с певчими на клиросе, подавал священнику кадило, звонил в колокола, в крестных ходах носил запрестольные кресты, строго исполнял все уставы и посты церковные. В своей костромской вотчине — селе Сараево Нерехтского уезда Александр Васильевич на свои средства построил 200 лет назад Казанскую церковь и приезжал на ее освящение. В 30-е годы нашего века храм был закрыт, а спустя 60 лет, в 1993 году, снова возвращен к жизни.

Юрий ТАТАУРОВСКИЙ:

Подвижники

«НАШИ ДУШИ ТОЖЕ НУЖНО РЕСТАВРИРОВАТЬ. ЕЩЕ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ХРАМЫ...»

Города, что люди. И тем и другим подчас нужны какие-то обстоятельства, чтобы в их душах, характерах открылись самые красивые черты.

Нерехте за ее почти восьмивековую историю, наверное, очень нужны были и хитроватый, но честный царедворец, выдвинувшийся из здешних купцов в царствование Елизаветы Петровны, Михайло Яковлевич Лапшин-Грязновский, который сделал для родного города столько хорошего, что по свидетельству современников, «прибытие его из Санкт-Петербурга было торжеством для Нерехты»; и зодчий Степан Андреевич Воротилов, построивший здесь прекрасные храмы и дома; и предприимчивый городской голова начала прошлого века Иван Васильевич Князев, умевший поднять нерехтчан на благоустройство города самыми неожиданными средствами...

И не сомневаюсь я, что в конце века нашего, просто необходимо было Нерехте встретить москвича Сергея Васильевича Демидова, архитектора-реставратора, влюбившегося в этот провинциальный городок с первого взгляда и этим самым профессиональным взглядом сразу разглядевшего за страшными искажениями и утратами то «лица необщее выраженье» Нерехты, которое сегодня открывается уже многим: и людям заезжим, и тем, кто здесь немало прожил, красоты этой не замечая. Нужно было и чтобы в местный музей перешла работать из школы коренная нерехтчанка Нина Петровна Родионова — талантливый педагог, умеющий до разных сердец достучаться, все лучшее в людях пробуждая для благих поступков. И очень кстати и ко времени пришелся Нерехте Юрий Михайлович Татауровский. (Пусть не обидится на меня еще кто-то из нерехтчан, кого тоже следовало бы назвать. Знаю, что круг людей, усердно радеющих о возрождении города, сегодня этой троицей, слава Богу, не ограничен, хотя от нее, мне кажется, идут главные токи).

В последние годы в Нерехте бывать приходится часто. Для нашего брата журналиста находится здесь немало, что называется, событийных поводов. То зазвонили здесь после долгого молчания колокола, деньги на которые собирались всем миром. То приглашает музей чуть ли не весь город и район, чтобы в канун праздника Победы помянуть — поименно! — всех воинов-земляков павших, и это когда в других местах к работе над Книгой памяти еще и не приступали. То выставка интересная открывается в Нерехте, то музыкальные вечера проводятся такие, что и областной центр завидует... А еще положа руку на сердце признаюсь: нынче время такое, что и просто чистенький, прибранный город на фоне повсеместной заброшенности, — это уже само по себе редкий праздник. Так вот, всякий раз, оказываясь в Нерехте, одним из первых задаю вопрос: «Как здоровье Татауровского?» Потому что знаю: не окажись во главе нерехтских реставраторов Юрия Михайловича, то сделанное здесь за последние годы растянулось бы, пожалуй, на целые десятилетия.

А получилось с Татауровским все вроде бы случайно. Ну разве сам он помышлял, что самое главное и значительное в его жизни дело начнется, когда достигнет он пенсионной черты, которая вроде бы уже подводит итог?..

Татауровский не коренной нерехтчанин: родился в селе соседней Ярославской области, но здесь прожил большую часть жизни. И сколько раз приходилось проходить возле изуродованных, без глав и колоколен храмов, на стенах которых сквозь облупившуюся известку зияли трещины и сколы кирпича, словно кровь по живому телу сочится. Кто-то к этому давно привык, внимания не обращает, а у другого сердце нет-нет да и вскольхнется.

— У меня при виде этого разрушения частенько вставала перед глазами такая картина. В конце тридцатых в родном селе рушили церковь. Сбрасывали колокола, они бились один о другой, а самый большой забили до того, что он словно врос в землю. Четыре столба угловых у колокольни, под кирпичом заложены деревянные столбы — так вот кирпич выбирали, дерево обертывали тряпками, обливали керосином и поджигали. Столбы горели, а несколько десятков мужиков, выпив для храбрости, за веревки тащили колокольню на бок. Одолеть ее смог-



Н.П. Родионова и Ю.М. Татауровский.

ли уже только ночью. Нас пытались по домам родители разогнать, но как мальчишкам — мне лет одиннадцать было — можно пропустить такое событие...

В детскую память врезалось, сколько проклятий женщин и стариков было обрушено на головы этих мужиков и больше всего — на бойко распоряжавшегося председателя сельсовета Григория Прохорова. Помню, как оттаскивали Лидию Федоровну Обичкину. Встала она возле храма: «Что хотите делайте — не пущу!» И такая сила была, такая убежденность в этой худенькой женщине!

Сам я, хоть и был пионером, детским сердцем понимал, что столько слез, причитаний, проклятий недаром. И страшно, помню, было за дядю Гришу-председателя. Но тот жизнь прожил долгую, умер лет шесть назад. Возможно, кара божья пала на его детей: сын и дочь были инвалидами, а старшего сына не вернула война...

С тех пор вроде бы целая жизнь прошла: и самому ему пришлось фронта попробовать, и поработал вдосталь. Больше всего трудился по строительной части, в разных нерехтских организациях, последние годы — заместителем директора по строительству на льнокомбинате. С «Красной текстильщицы» и на пенсию в апреле 89-го оформлялся. А в мае получил предложение тогдашнего председателя горисполкома Валерия Ивановича Комарова — возглавить реставрационный участок.

А участок-то был — одно название, рабочих — три человека! Но Комаров Татауровского знал по «Красной текстильшице», очень хорошо знал — потому его именно и пригласил.

Сколько раз приходилось встречаться с Юрием Михайловичем — и так и эдак все пытался добраться до главного его «секрета»: как это удалось по сути из ничего и так быстро поднять реставрационный участок, а потом сделать его самостоятельной мастерской (таких в уездных городах России — на пальцах одной руки можно перечесть)?

А Татауровский на мои расспросы всякий раз говорил самые банальные вещи:

— Сам я на работе с семи часов, хотя рабочий день — с восьми. До этого времени все должно быть готово: и с мастерами спланировано, и с рабочими пятиминутка проведена. Ровно в восемь все уже на рабочих местах...

Да, дисциплина — его главный закон. Не всем в наше-то разболтанное время его устав приходился по нутру: одни уходили сами, с другими приходилось расставаться. Но таких, кстати, было не так уж и много. Юрия Михайловича выручало знание людей в строительных организациях Нерехты — города-то не так и велик. Если стоящий человек — его Татауровский мог ждать и месяцами, ненадежных — не приглашал.

— А мастерство, профессионализм — дело наживное, — считает Юрий Михайлович. — Лежала бы душа к работе да к порядку, да была бы совесть на месте.

Бывало приходили такие каменщики, что кроме гаражей им строить ничего не приходилось. А здесь свои тонкости: вычинку кирпича делать — и то иначе, не как на обычном здании. Ничего, ставил к специалисту, каждый день вечером они сдавали свою работу мастеру... Не было своих кровельщиков, работали два костромича. Так я поставил к ним своих ребят. И научились. Из шестерых привились четверо, те, кто в работу душу вкладывал. Вот как Валерий Смирнов, например, который до этого понятия о таких ответственных работах не имел, или Саша Шмаков, бывший шофер. Потом, кстати, эти ребята и позолотные работы освоили. И не нужно уже вологодских позолотчиков приглашать или из Костромы ждать, где всего один такой специалист.

С тех пор, как Юрий Михайлович возглавил участок, коллектив нерехтских реставраторов вырос многократно, достигает почти полутораста человек. И это при минимальном, самом необходимом административно-управленческом аппарате.

Постепенно нерехтские реставраторы обзавелись и техникой, и производственной базой, и жилье для своих рабочих успевали строить. И нынешние времена их врасплох не застали: из-за трудностей с финансированием, с материалами на памятниках архитектуры работы не стало хватать — они без дела не сидят, от заказчиков отбоя нет, потому что у фирмы — авторитет. После

двух пожаров восстановили четвертую школу, еще несколько школ и детских садов отремонтировали. И в агроснабе склады строили, на мясокомбинате... Надо же выжить и сохранить коллектив. Ведь жизнь, как говорится, кончается не завтра. Но реставрация памятников, конечно, на первом плане. Пока здесь есть деньги, пока не закончен объект, бригаду никто не снимет даже ради самых денежных объемов.

...В начале нынешнего года был у нерехтчан большой праздник. Бригада художников Костромской реставрационной мастерской во главе с А. М. Малофеевым закончила реставрацию живописи, которой в 1767 году украсили нерехтский храм ярославские изографы, и Никола предстал во всем своем великолепии. Полная, комплексная реставрация завершена — у реставраторов такие праздники редки. Юрия Михайловича на этих торжествах не было: долечивался после инсульта. А руководил в это время организацией Евгений Юрьевич Татауровский.

— Сын в свое время учился в строительном техникуме, потом переманила тяга к технике. Выучился на крановщика, работал водителем. Но хоть не сразу, привела-таки путь-дорога к тому же делу, что и меня. Лет шесть он строителем, все стадии прошел. Правда, когда приходится ему меня замещать, каждый вечер прибегает на консультацию. А может, проведать меня? — Юрий Михайлович хитро улыбается при этом. А лицо довольное-довольное!

— А вообще-то я больше жду такого же праздника для церкви Варвары-великомученицы: все же Никольский храм начинали до меня, а здесь — все мое... Наши праздники не часты, потому что дело реставратора кропотливое, особого тщания требует. И обязательно что-то надо почувствовать своей душой. А я Валерию Ивановичу Комарову за то предложение, которое он мне сделал семь лет назад, очень благодарен. За эти годы и моя заскорузлая душа (а что делать, в такое время мы жили?) прикоснулась к чему-то вечному. В жизни смысла прибавилось, может быть.

Задаю Юрию Михайловичу банальнейший вопрос о том, что было самым трудным за эти семь лет. Татауровский, не задумываясь, отвечает:

— Преодолевать равнодушие людей к реставрации наших памятников... Людей самых разных. И тех, что сидят в различных кабинетах и от которых зависят и финансы, и материалы, и еще многое другое. И простых нерехтчан. Например, тех жителей близлежащих улиц, которые умудрялись за ограду Владимирской церкви натаскивать столько мусора,что мы машинами не успевали вывозить. Или мальчишек, из-за которых приходилось несколько раз стеклить Никольский храм.

— А сейчас как?

— Бывает и мусор, и битые стекла бывают. Но реже. Потому что пока идет наш строительный марафон, как любит говорить Нина Петровна, многие — и взрослые, и школьники — успели и на наших субботниках поработать, и нашим праздникам порадоваться. Да ведь там, где красиво и прибрано, труднее позволить себе что-то плохое сделать. И все-таки убежден, что наши души тоже надо реставрировать. Еще дольше, чем храмы...

Владимир СМОРЧКОВ



Храм возрождается.

Пластилиновый театр Владимира Кабанова



Обычная игла вместо резца, пластилиновые залежи на кухонном столе в общаге да еще руки кудесника — вот и все, что нужно, чтобы премьера состоялась.

Маленькие человечки в костюмах разных времен и народов поселились в обычных картонных коробках. Хотите отправиться в Россию XVII века? Это подальше, в старом чемодане за шкафом.

— Тоже мне общежитие, — пробурчит драгунский офицер из коробки, где раньше жил торт, а теперь разместилась целая Петровская эпоха. Бравый барабанщик и другие герои Северной войны в полном вооружении начала XVIII века. Как согласиться им на общежитие в одной коробке со шведами? Они разыграют бой по всем правилам военной науки.

Когда-то во дворе с ребятами маленький Вова Кабанов еще без всякой науки тоже играл в пластилиновых солдатиков. Детская игра раскрыла в нем дар художника и любовь к истории. Теперь, когда он студент пятого курса исторического факультета пединститута, Владимир скажет, что на первый взгляд детское увлечение пластилином больше иных научных монографий помогло ему проникнуться духом истории. Сколько книг надо было прочитать, эскизов костюмов сочинить, исторически достоверно собрать их из разных мелочей, прежде чем образ очередного маленького человечка вызовется из потока истории.

Вот стрелец из опричной Руси несет службу у размытой непроезжей дороги. Гармонист на сельской развилке горланит что-то забытое. Володя, показывая свои работы, всегда разыгрывает действо в диалоге, а тут даже спеть может — что-то забытое, что певали наши деды, подгуляв, выпрямляя душу в жалостной русской песне.

А вот другая пара из коробки: барышню обхаживает кавалер, приглашая ее на кадриль.

— Ах Марья Ивановна, Марья Ивановна!

— Ах, ну, что вы Иван Петрович, Иван Петрович!

И это надо же, Володя, где вы для барышни такой фасончик нашли?

Да, да Володя и костюмер, и портной, и дизайнер, и бутафор, и режиссер — один большой человек на свой пластилиновый театр, который благодаря его необычному таланту становится говорящим. Каждая фигурка ростом всего 5—6 см, а головка не больше булавочной. Но посмотрите, сколько выразительности на лицах, словно леплены они с натуры.

Этот пластилиновый мир, где оживает забытая Русь, древняя Эллада, говорящими становятся мифы о древних славянах, индейцах, других народах — своеобразный исторический труд, за который, правда, вряд ли Володю удостоят звания, а жаль. Но хотя бы на выставку претендовать его коллекция может — в ней 300 говорящих фигурок. Так что спешите открыть новое имя, приглашайте!

Кроме жанровых исторических миниатюр и композиций пластилин дает Владимиру Кабанову возможность попробовать





себя в «стиле фэнтези», как сам автор это определяет. И здесь каждая работа начинается с диалога, слова.

— Скажи, на что похожа человеческая жизнь?

— На дерево, — отвечает вещая птица Гамаюн с ветвей старого мудрого дуба, обращая к вам прекрасное женское лицо.

— И эта тема доступна для пластилина?

— А как же. Через маленькое, — говорит Володя, — можно выразить глобальное. Вот композиция на тему «Гражданская война» с таким прологом:

— Ну, здравствуй, брат!

— Я нашел тебя, а мой меч нашел твое сердце.

— Уж очень мрачновато...

— Это история. Но больше чем историю, люблю людей. Всяких, плохих и хороших. Среди моих маленьких человечков и герои, и злодеи, и пофигисты, которым на все наплевать. Пластилин мягкий, добрый материал — он всех прощает, и всех жалеет.

— И вот этого? Какая страшная фигура...

— Это после маленьких добрых человечков, она кажется вам страшной. Но с таким типом вы встречаетесь в жизни каждый день и, может быть, извините, в вас самих он есть. Механический человек, лишенный индивидуальности, марионетка, управляемая неведомой силой, рожденной толпой, стадностью



многих сфер социальной жизни.

— Значит, остальные ваши человечки не марионетки, даже если вы за них говорите?

— Нет, это они делают меня более человечным. Вот такая история.

Татьяна ГОНЧАРОВА

Фото Георгия БЕЛЯКОВА

Имеем сообщить

РЕМЕСЛА КОСТРОМСКОГО КРАЯ ПРОДОЛЖАЮТ ЖИТЬ

в рамках программы «Возрождение» — в области создаются дома ремесел. Три таких школы-мастерских уже действуют.

В Шарьинском доме ремесел опытные мастера передают молодежи секреты плетения из бересты и ткачества.

Мантуровцы, кроме традиционных половиков-дорожек, собираются восстановить по музейным образцам и коллекцию поясов, работают здесь и мастера плетения из лозы, резьбы по дереву, мягкой игрушки.

Первый сельский дом ремесел появился в селе Жвалово Судиславского района. У 78-летней мастерицы Елизаветы Александровны Аристовой уже пять учениц. Дорожки, которые сходят здесь с ткацкого стана, не залеживаются. Им не нужно искать рынок сбыта где-то далеко, вся продукция охотно раскупается в своем районе.

В Костроме в последние годы особенно интересно развивается гончарное ремесло. Талантливые гончары работают в доме номер пять по улице Лермонтова. Марии Тепловой, Игорю Иванникову, Родиону Думцеву, Владимиру Вершинину подвластны самые разные изделия из глины — от обычных горшков и кринок до сложных предметов, которые могут украсить любой офис.

Мастера здесь готовы предложить и такую продукцию как изразцы — и архитектурные, для отделки фасадов зданий, и каминные. С учетом пожеланий заказчиков они могут подобрать и колер и орнамент и изготовить изразцы глазурованные рельефные, и плоские с надглазурной росписью. Причем, цена весьма умеренная.

Вообще, в областном центре сейчас немало талантливых мастеров, которые успешно работают в самых различных видах и традиционных костромских ремесел, и в современных направлениях прикладного искусства, немало кружков и объединений, в которых происходит передача мастерства молодежи. В самых ближайших планах — создать в Костроме и дом ремесел, который бы объединял мастеров.

«И ЧИСТА ВСЯ ЖИЗНЬ САМА – ДО ПОСЛЕДНЕГО ЛИСТОЧКА...»



Центр современной поэзии в последнее время из земель смоленских, вологодских и прочих перемещается на землю костромскую. Так сказал на последнем областном совещании писателей литературовед Роман Семенов, назвав при этом имена Виктора Лапшина, Сергея Потехина, Татьяны Иноземцевой, Леонида Попова... Три первых поэта уже были гостями «Губернского дома», и вот теперь — встреча с Леонидом Поповым.

«Нет чувства выше, чем тоска по родине своей», — написал Попов в одном из стихотворений. Глубоко изведавший и так пронзительно выразивший это чувство, он после долгих геологических странствий по южным краям вернулся в родную Вохму. К знакомым с детства лесам и речкам, к отчему дому, к своему народу, «который, что не пой, — поймет! А не поймет... не пой». Леонида Попова поймут, ибо от природы дана ему песня искренняя и чистая.

Сколь дивна зима на изломе!
Как благостна снежная гладь.
Темнеет... И в стареньком доме
Топлю свою печку опять.
Под пологом мартовской хмари,
Где угли зари горячи,
Хмельные, в любовном угаре
На гнездах горланят грачи.
Ах, есть во мне певчая сила,
И радость взмахнула б крыла,
Когда б ты, пускай не любила,
А просто, жалея, ждала...

Ш

На кухоньке тесной, где бесятся мухи,
Где шустр тараканий сухой шепоток,
Где сальные стены, где шорохи глухи,
Где вдрызг чугунами заезжен шесток, —
Какие — вы б знали! — мне грезились дали!
Как остро, еще неокрепшей душой,
Я чуял весь холод вселенской печали,
Что впрок заготовил мне мир мой большой.
Но угли в печи ворожили удачу,
Малиновым жаром манили мальца,
А то, что в итоге все вышло иначе, —
На то, значит, воля Творца...

Ш

Над Севером России небеса
Недвижные грядущим снегом дышат,
В глухих логах угрюмые леса
Давно уж пенья птичьего не слышат.
Плот осени вмерзает в серый лед.
Рябой снежок нагую землю кроет.
Да, все пройдет, и хлад и глад — пройдет,
Да только вот все это — жизни стоит...

Ш

Отклубил метелей дым,
Небосвод заласкан сказкой —
Заткан шелком голубым
Дивной выделки декабрьской.
Нынче небо — свет в судьбе,
Только утро разгорится,
Уж поет в моей избе
Тихой радости синица.

Да и что бы ей не петь,
Если печка подпевает,
Если молодо глядеть
И жена не забывает,
И покладиста зима,
И светло смеется дочка,
И чиста вся жизнь сама —
До последнего листочка...

Ш

Жили безотрадно, —
Померли, и ладно...
Дочиста, до тла
Догорела свечка,
Ветхое колечко
Вьюга унесла.
Где-то за лесами —
Дива с чудесами,
Где-то — труд и блуд.
Где-то — кони скачут,
Где-то — пьют и плачут,
Смертушки не ждут.
Про нее не помнят,
Знай, обиды полнят,
Глядь, а жизнь — прошла.
Ах, мое сердечко,
Догорела свечка
Дочиста до тла...

Ш

Молоко твоих рек, гражданин коростель,
Когда ночь подбирает крыла,
Розовеет с того, что брусничный кисель
По угорам заря разлила.
По приречным лугам в государстве твоем,
Изумрудные травы в росе,
И такой тишиной опоён окоём,
Что не помнятся горести — все.
Так зовуще высок небосвод голубой,
Что примолкла тревоги труба,
И завидною кажется наша с тобой
В это раннее утро судьба...

Ш

Дровни словно нарочно убоги,
Лошадёнка трусит сквозь метель.
Пропотели, осклизли дороги,
Будто впрямь, не январь, а апрель.
По холщовой ознобшей равнине,
Где спесивые свищут ветра,
Пролегает дороженька ныне...
О такой ли мечталось вчера?
Эх, да мало ли что там приснилось,
Не томит нынче скорости зуд,
Потому и считаю за милость,
Что хоть эти-то сани, — везут...

Ш

В канун поминальной субботы
Чуть жив воскружился снежок.
Темнело... У дальней заплоты
Вороны сбивались в кружок,
И тихо заря догорала
В туманных осенних полях,
Как будто земля поминала
Всех-всех, кто ушел второпях...

Ш

Не шумит любви береза,
Отгордилась, отсмеялась,
Только веточка — заноза
От березы той осталась.
Ах, как сладко сердцу бьется,
Сердцу! трудно ль верить в это:
Может, веточка привьется
Пусть хоть трудно, пусть хоть где-то...

Ш

Без сволочей вельможных в печи родится
пламя,
Хоть дороги сегодня дровишки на Руси,
Мы их добудем сами, пусть и бедны
лесами,
Ах, Господи всеблагий, помилуй и спаси.
Морозец забирает — заря не зря
играет,
Ядреный, звонкий воздух просквожен
серебром,
Но в добрых русских печках горит,
не умирает,
Березовое пламя, воспетое пером...



КОСТРОМСКИЕ СКАЗКИ

Если собрать воедино все сказки, записанные в разное время и разными людьми в Костромском крае, то получится прекрасная книга для чтения и детям, и взрослым.

Русский народ всегда любил сказки. Чуть ли не в каждой деревне были свои сказители. Без них свадьба — не свадьба и именины, что без блинов, а уж про посиделки и говорить нечего. Сказочников и сказочниц почитали особенно.

Мужики любили слушать и сами охотно рассказывали сказки про неверных жен, про солдат и мастеровых. Бабы — про нечистую силу: чертей, ведьм, колдунов. Рассказывали и слушали сказки про попов, посмеиваясь над жадностью и ленью, например. Но всегда с особой любовью передавали из уст в уста, особенно детям, легенды о Спасителе и Богоматери, Илье Пророке и Николае Угоднике, особо почитавшихся в крестьянском миру.

Интерес к русской простонародной сказке особенно вырос в русском обществе в 80 — 90-е годы прошлого столетия. Именно в это время было записано множество сказок, самых различных по содержанию, членами Костромской ученой архивной комиссии и по их просьбе самыми разными людьми: крестьянами, священниками, учителями. Сказки стали публиковаться и на страницах неофициальной части Костромских губернских ведомостей. Сказки, собранные молодым костромским священником А. С. Андрониковым, позднее, в 1914 году, были изданы в Трудах Костромского научного общества, вышли отдельным оттиском. Эта небольшая по объему книжечка — единственный пример подобного рода. Много очень добрых, умных и смешных сказок было записано и частично опубликовано в начале века членами Костромского научного общества, особенно сотрудниками Этнологической станции и ее организатором В. И. Смирновым. Большая часть их до сих пор хранится в рукописях в разных архивах России и ждет своего читателя.

Татьяна ВОЙТЮК

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И МУЖИК



Жил-был бедный мужик. Работал, на дороге щебень бил. Что выработает, то и пропьет: всех сколь есть напоил вином, потому что был доброй души. Одинова идет он в кабак — стоит старичок у кабака. Он говорит ему: «Пойдем, дедушка, выпьем!» — «Нет, — говорит, — иди, один пей». Ну, однако ж он не отступился, увел. И напоил его, угостил. А был то Николай-Чудотворец.

Вышли из кабака, а Николай Чудотворец пошел к Исусу Христу: «Вот, — говорит, — я видел на дороге старика. Трудится он трудится, а все, говорит, в кабаке пропивает, а видно, он доброй души-то — всех угощает, никому не жалеет. Нельзя ли ему богатства дать?» «Я, — говорит Исус Христос, — не могу этого сделать, поди к самому Господу, да смотри — верно ли надеешься на него, доброй ли он души-то еще?»

Пришел Николай Угодник к самому Господу. Рассказал и ему все, что видел, и просил ему богатства, дескать, простой он души и того стоит. Господь ему сказал: «Богатства больно скоро можно дать, да все ли будет он доброй души, надеешься ли на него? Будешь ли отвечать за него?» «Да, уж буду!» «Ну, хорошо, только смотри!»

После того пошел мужик на работу, стал бить щебень, расколол один камень и видит, что в нем все золото. Забрал золото домой. С того разбогател, стал торговать. Стали к нему ходить нищие, да уже он зазнался, не стал их наделять. Стали нищие о том молиться Богу: «Господи, гли-ко какой богач, а милостину не подает». Донеслись их молитвы Богу. Позвал он Николая-Чудотворца: «Вот, — говорит, — я слышал, что он нищих не почитает». «Погоди-ка, я сам, Господи, схожу, может быть, еще и врут». Сделался нищим и пошел к мужику. Слуги доложили ему, что пришел нищий. — «Есть, — говорит, — ихнего брата, шляются!» Он пришел на другой день — уж сказал слугам: «Мне, — говорит, — нужно его самого повидать». Слуги ему доложили. «Больно нужно, — говорит, — еще стану к каждому ходить!» Еще велел идти прогнать. В третий раз пришел Николай Угодник, еще стал просить слуг: «Хоть, — говорит, — два слова ему сказать». Тот все-таки вышел. Стал у него Николай Угодник просить милостыни. Теперь ему уж сам лично сказал: «Убирайся!»

Тут воротился он к Господу: «Прости, гово-

рит, Господи, верно, что забыл он тебя, перестал нищих наделять. Нельзя ли богатство-то у него отнять». Просил он, просил Господа, выпросил, обещался ему Господь. «Только, — говорит, — ты молись за его грехи три года, умаливай».

И верно, поплыли как-то корабли богача со всякими товарами, и наступила буря и все корабли разбила, а товары утонули. И обеднял богач стал снова щебень бить, да уж золото-то ему больше не попадало.

ЗВОН В ВЕЛИКИЙ ПОСТ И ВО СВЯТУЮ ПАСХУ



У одного помещика собрались гости, кажись, на именины. Был и батюшка с дьячком. Один барин выпивши-то и говорит:

— Тоска, право, этот пост у вас. Зазвонят, всю душу вытянут. Бам!.. бам!.. бам!.. — А сам дьячка-то за косицу и дернет каждый раз.

«Бам!..» — а сам и дернет. Дьячок морщится, а терпит. Натешился барин, перестал. А дьячок-то вцепился барину во всю голову и давай наяривать, а сам приговаривает:

— Не все, барин, великий пост, доживем и до Святой Пасхи! А о Пасхе-то мы вот как звоним: «Тини, тини, бом, бом, тини бом, бом...»

Да так назвонил, что искры из глаз...

НЕГРАМОТНЫЙ ДА ДОГАДЛИВЫЙ



Еще в старые времена приехал поп на приход. И был он совсем неграмотный, так из простых мужиков в попы произвелся. Только и есть, что больно памятлив был и всю службу Божию на память выучил. Одного лишь не знал — как по Евангелию читать.

Вот стал он первую обедню петь. Дошло дело до Евангелия... Как быть? Читать-то не умеет. Вышел к народу и спрашивает:

— Православные! Знаете ли вы слово Божие?

А мужики говорят: «Как не знать, батюшка, знаем».

— Ну а коли знаете, и читать вам нечего. — Так и пропустил Евангелие.

Другую обедню стал служить и опять спрашивает:

— Знаете ли вы, православные, слово Божие? Мужики сдоганились:

— Не знаем де, батюшка, почитай нам.

— А коли не знаете, так и читать вам нечего: все равно не поймете, — говорит поп.

И эту обедню прослужил без Евангелия.

Только и сговорились мужики, как ни как, а чтобы читал им новый поп по Евангелию.

На третий раз, как стал поп их спрашивать, знают ли они слово Божие.

— Знаем ли, не знаем ли, читай! Поди грамотный, — говорят.

Только поп и тут не оробел.

— Запирай, — говорит, — сторож, церковь!.. Будет де теперь трехдневное чтение... Да смотри у меня — до конца никого не выпускай.

— Батюшка! — взмолились мужики, — по мере овса тебе соберем, только выпусти.

С тех пор перестали к попу приставать, чтоб слово Божие читал. Долго слушать.

КАК МАТЕРЬ БОЖИЯ СЕРЕЖЕЧКУ ПОТЕРЯЛА



Близ Старова городу (на Унже) есть с. Онофрий, там есть Божия Матерь Владимирская, очень почитаемая — она явилась на болоте, в село ее перенесли впоследствии — про нее рассказывали такой случай. Несли ее крестным ходом куда-то на молебствие, пришлось идти в гору — до половины горы дошли и как ни старались дальше, не могли двинуться с места. Тут попы догадались: наверное Божья Матерь что-нибудь обронила. «Ищите, православные». Стали искать и нашли сережечку драгоценную — упала на землю. Как ее повесили, так и опять пошли.

СИЛА МОЛИТВЫ



Купец все останавливался у одного и того же мужика, не боялся класть и считать при нем деньги, и шкатулку с ними без опаски с собой возил. Вот мужик однажды соблазнился и надумал с сыновьями его убить. А купец на то время проснулся и стал их молить, чтобы дали ему время перед богом в грехах раскаяться. Ну те дали — он стал на колени перед иконами, начал молиться. Вдруг стук в окно: «Эй, товарищ, собирайся поскорей». Убийцы задрожали — у купца никакого товарища не было. Стали просить купца остаться, дескать мы это в шутку. Но купец не остался, забрал шкатулку и вышел из дома, глядит — а никого нет. Поблагодарил бога и убрался подобру-поздорову.

Виктор БОЧКОВ

ПОСЛЕДНИЙ АДРЕСАТ ПУШКИНА

К Ишимовой всецело можно отнести слова, сказанные писательницей А. П. Кобяковой, ее младшей современницей и землячкой: «Не понимаю, за что называют женщин слабыми существами: там, где надо перенести горе, противопоставить энергию сердца разрушительным напорам жизни, там женщины сильнее и крепче мужчин». Вся долгая и подвижническая жизнь Александры Осиповны служит подтверждением такого вывода.

Огромное влияние на формирование ее характера и убеждений оказал отец. Осип (Иосиф) Филиппович был человеком «не от мира сего», удивительной личностью, из редкой породы несгибаемых правдоискателей. Подобным людям обычно приходится несладко и во все-то времена, а в беззаконную аракчеевскую эпоху и вовсе житья не было.

Ишимов был натурой самобытной и ярко одаренной. Уроженец Вятки, выходец из простой и бедной семьи, он сумел самостоятельно приобрести еще подростком солидные и разносторонние познания и 18 лет стал секретарем и фактически правой рукой вятского и казанского генерал-губернатора князя Мещерского. Казалось, его ожидали блестящая карьера и богатство, но ненависть Осипа Филипповича к процветавшему тогда в России лихоимству, казнокрадству и крючкотворству приводила к его несовместимости с сослуживцами, доходившей порой до острых стычек. Если бы он сам не брал взяток, было бы полбеды, но Ишимов являлся обличителем, приводящим в своих донесениях высшему начальству ставшие ему известные факты должностных преступлений. Поэтому правдолюбец нигде не мог ужиться, часто меняя род службы и губернии.

В 1794 году, служа секретарем уездного суда в Псковской губернии, Ишимов в очередной раз представил начальству донесение о злоупотреблениях местных властей. Однако обвиненные чиновники, прибегнув к взяткам, сумели выйти сухими из воды; наоборот, они воспользовались удобным поводом, дабы свести счеты с самим обвинителем. По приговору Сената, Осип Филиппович «за ложные доносы, за оклеветание людей невинных, за порочное по службе поведение и за злонравие» был лишен чинов и сослан в Сибирь.

Ссылку Ишимов отбывал в одном из самых суровых мест русского Севера — в Березове, снискавшем в XVIII веке печальную славу, как места заточения замечательных государственных деятелей Меньшикова, Долгоруковых и Остермана. Его жизнь в Березове несколько скрашивало то, что там были поселены поляки из числа приближенных короля Станислава-Августа, сопротивлявшиеся третьему разделу Польши. Он посильно помогал им, чем мог, завязав с некоторыми из ссыльных поляков дружеские отношения.

Воцарение Павла I, освободившего из тюрем и ссылки заключенных там при его матери, облегчило и участь «березовского узника». Он переселился в Тобольск, тогда административный центр Западной Сибири, и устраивается на службу в одно из губернских учреждений. Его большие познания и редкостная работоспособность на первых порах выдвинули вчерашнего узника: Сибирь остро нуждалась в способных администраторах. Осип Филиппович снискал авторитет у тобольцев и как инициатор всевозможных культурных мероприятий, в частности, любительских спектаклей, на которых он выступал в роли режиссера и ведущего актера. Это, по-видимому, было учтено при назначении Ишимова директором училищ местного Приказа общественного призрения. Он очаровал тобольское общество и, к тому времени овдовевший, пленил сердце дочери крупного чиновника, первой здешней красавицы Ольги Тимофеевны Кривоноговой, ставшей его женой и верной спутницей.

Однако Осип Филиппович ни на иоту не отступил от своих убеждений в необходимости бесстрашно и открыто обличать любые злоупотребления, которых на его глазах в Сибири совершалось еще больше, чем в Европейской России. Позднее тобольские власти на запрос правительства сообщили, что Ишимов и в Сибири продолжал «доносы, драки и самоуправство». Правда, вскоре правдолюбец ввязался в дело, с Сибирью вовсе не связанное — о поджоге интендантами, чтобы скрыть миллионные хищения, провиантских складов в Петропавловской крепости в Петербурге.

По словам Ишимова, он узнал обо всем случайно, услыхав разговор двух проезжающих на почтовой станции. В это трудно поверить. Но, как бы то ни было, на имя императора из Тобольска поступило донесение о том, что склады были подожжены умышленно. В высших сферах Петербурга произошел переполох — слишком много важных сановников оказалось замешанными в данной истории, не только в интендантском ведомстве, но и среди проводивших расследование. Прежде всего, Ишимова

постарались ошельмовать, представить его в роли «заведомого кляузника», не имевшего никаких доказательств в подтверждение справедливости доноса. Но Осипа Филипповича многому научил прежний горький опыт борьбы за правду — он твердо заявил, что представит доказательства только императору и не реагировал на угрозы и посулы. Тогда строптивца решили изъять из Тобольска, где он имел влиятельных родственников, находил поддержку и сочувствие. В 1803 г. Ишимов вместе с женой, не пожелавшей с ним разлучиться, был перевезен в Кострому, в которой не имел ни родных, ни знакомых. Положение его было отчаянное — позднее Осип Филиппович писал в прошении: «...поныне жительствую на пропитании другой год жены моей... без жалования, без службы, не смея принять на себя какого-либо практикулярного дела, ниже из Костромы выехать без высочайшего повеления».

Высокопоставленные преследователи надеялись сломить свою жертву, заставить его сообщить имеющиеся доказательства поджога складов с тем, чтобы постараться их уничтожить, но Ишимов упорно требовал отправить его в Петербург. Тогда за подачу «ложного доноса» его арестовали и предали суду. Арестованного содержали в съезжей избе позади здания городской полиции, куда к нему перебралась жена с грудной дочерью Александрой, родившейся в 1804 году в Костроме. А 25 октября 1804 года Ишимов объявил, что при аресте обыскивающий его костромской полицмейстер Кузьмин похитил у него из кармана ценности на 10 тыс. рублей, в том числе бриллиантовые серьги, подаренные ему в Березове польским графом Игнатием Озялинским. Конечно, полицмейстер утверждал, что арестованный лжет и при этом ссылался на его дурную репутацию. Оскорбленный Ишимов предложил опросить костромичей, которые могут удостоверить его добропорядочность, среди них вдову прежнего здешнего наместника генеральшу Марию Ив. Ламб, вице-губернатора и краеведа И. К. Васькова, председателя гражданской палаты Б. П. Кромина — восприемника при крещении его дочери, советника губернского правления А.П. Голохвастова. Перечень многозначителен — он свидетельствует, что и в Костроме, несмотря на крайние обстоятельства, Ишимов стал «душой общества».



А.О. Ишимова. 1870-е годы.

Тем не менее, преследования так ожесточились, что Осип Филиппович счел за лучшее отправить жену с дочерью в Нижний Новгород. Оттуда она подала прошение о помиловании мужа. О том же просил и старший сын — студент Московского университета.

Дело о поджоге замять не удалось. Обстоятельства изменились — в 1805 г. в Кострому прискакал курьер и спешно доставил Ишимова в Петербург. В столице тот представил неопровержимые доказательства, что провиантские склады были подожжены.

Осип Филиппович остался на службе в Петербурге. Сюда к нему переехала и семья. Он, за многими служебными обязанностями, не забывал о воспитании дочери, просматривал даже тогдашнюю педагогическую литературу. В книге Локка «О воспитании» Ишимов вычитал, что детям вначале надо предоставить больше свободы, а учебу начинать с семи лет и осуществил это на практике. Сашенька росла самостоятельным и любознательным ребенком.

После начала Отечественной войны 1812 года, когда возникла угроза захвата Петербурга французами, чиновник особых поручений при министре полиции Ишимов получил задание подготовить к эвакуации и вывезти в Белозерск архивы. Перевезя архивы, он остался в Белозерске для надзора за ними. Проживая там, он узнал, что 5 тыс. крестьян одного из крупных имений уезда борются за освобождение из-под власти своего помещика, незаконно завладевшего ими после смерти их прежнего владельца. Крестьянам был крайне необходим поверенный, умеющий составлять нужные документы и следивший за прохождением их дела в местных, а главное в петербургских инстанциях. Среди здешних чиновников, отлично знавших о правоте крестьян, несомненно, нашлись бы желающие стать таким поверенным, если бы не одно важное обстоятельство — помещик был родственником всемогущего графа А. А. Аракчеева и пользовался его покровительством. Поэтому все только с испугом отмахивались от обращавшихся к ним крестьян. И вдруг последние узнали, что в Белозерске засиделся видный столичный чиновник, прослывший человеком справедливым и отзывчивым. Кинулись в последней надежде к нему — и Ишимов, убедившись в правоте крестьян, согласился взяться за их дело. Вероятность немилости Аракчеева лишь подогревала его решимость. Осип Филиппович представил специальный доклад министру финансов (незаконно закрепощенные крестьяне должны были поступить в казенное ведомство) и целые годы неутомимо вел дело по судам, искусно обходя все препоны, чинимые помещиком. Параллельно он являлся поверенным и по другим судебным

искам, содержа на гонорары увеличившуюся семью.

В 1819 году дело белозерских крестьян поступило на рассмотрение Государственного Совета и, благодаря превосходно подобранным Ишимовым доказательствам, было решено в их пользу. Однако лютый гнев Аракчеева обрушился на крестьянского поверенного — граф распорядился выслать его с семьей в административном порядке (т. е. без суда) в Вологду в трехдневный срок. Столь поспешное изгнание привело к полному разорению семьи: Ишимов не успел завершить или передать кому-нибудь дела, которые вел в присутственных местах, пришлось продать за бесценок или бросить мебель и т. д.

Ишимовых в Вологде не оставили — губернатор, выслуживаясь перед Аракчеевым, выслал их в Усть-Сысольск. Там изгнанники впали в нищету, т. к. Осип Филиппович не мог найти никакого заработка. «Замечательно, — вспоминала Александра Осиповна, — что лишая человека и семейство его всех средств к существованию, разорив его совершенно, правительство, или вернее говоря, граф Аракчеев, не назначил ему даже никакого содержания от казны!»

И тогда 15-летняя девочка сделалась единственной кормилицей бедствующей семьи. В дремучем Усть-Сысольске (теперь Сыктывкар), удаленном на 800 верст от губернской Вологды, в уездном училище почти ничему не учили, а учителя, сами малограмотные, пили горькую. Александра стала давать частные уроки, обнаружив, помимо обширных знаний, прирожденные педагогические способности. Всегда ровная, внимательная, с хорошими манерами, юная учительница казалась усть-сысольцам выходцем из другого, лучшего мира. В городке ее называли «просветительницей». От уроков у Ишимовой не было отбоя, и она с трудом выкраивала время для самообразования, в совершенстве овладев за это время французским языком.

Осип Филиппович, меж тем, не уставал забрасывать Петербург жалобами на беззаконную ссылку, и раздраженный Аракчеев приказал перевести Ишимовых в еще более убогий Никольск. «Квартира, которая давалась нам от города и отводилась по выбору городничего, состояла из двух комнат в нижнем этаже, вровень с землей... было так холодно, что и родители наши, и мы с братом не снимали теплых сапогов, ни даже шуб наших», — рассказывала позднее Ишимова.

И в Никольске содержание семьи всецело легло на девичьи плечи. Александра Осиповна целыми днями бегала по урокам, а редкие свободные минуты посвящала чтению. Однажды ей дали прочесть изданную в России книгу Вальтера Скотта «Айвенго». Роман так поразил воображение девушки, что она решила изучить английский язык и прочесть его и другие произведения этого автора в подлиннике. Чтобы выкроить время (день был занят уроками), она вставала в 4 часа утра, а ложилась в 12 часов ночи. Через четыре месяца Ишимова свободно владела английским языком, но применить свои знания не могла — в Никольске не нашлось ни одной английской книги.

А мытарства семьи не кончались. Гнев всесильного временщика все распалялся — он вздумал заточить Ишимова в Соловки. Снова спешные сборы, снова дальняя дорога теперь на край Оленецкой губернии, в городишко Кемь, где ссыльным предписывалось целую северную зиму дожидаться открытия навигации по Белому морю. Взрослая уже и ни в чем не повинная дочь должна была разделить суровую участь родителей. И тогда Александра Осиповна решилась на отчаянный поступок. Отменить приказание Аракчеева мог только император — значит, надо добиться свидания с ним! Взяв с собой малолетнего брата, девушка тайком покидает Кемь и как-то без подорожной и почти без денег ухитряется добраться до Петербурга, а оттуда в январе 1825 года — до Царского Села, где тогда жил император. Добрые люди посоветовали ей попытаться встретиться с Александром I во время его ежедневной прогулки по царскосельскому парку. Несколько часов на сильном морозе ждали Александра Осиповна и ее маленький брат царя, но когда тот появился, то от волнения и от холода не могла разжать сведенной судорогой челюсти. Вид закоченевших детей растрогал Александра — он взял принесенное ими прошение. Вскоре последовал указ поселить Ишимова в Архангельске и определить на службу.

Александра Осиповна осталась в Петербурге, забрав к себе семью. Она открыла частный пансион на 20 воспитанников, в котором сама и преподавала. Талантливый педагог, Ишимова отлично поставила дело — пансион приобрел популярность. Но в 1830 году власти закрыли его. Оставшись без средств, Александра Осиповна вспомнила, что для подбадривания отца переводила и высылала по частям в письмах в Архангельск трактат о счастье. Запросив у отца письма, она соединила и отредактировала перевод и показала его своему знакомому В. Д. Вольховскому, лицейскому однокашнику Пушкина. Он высоко оценил этот труд и помог подыскать издателя. В том же году книга «Искусство быть счастливым Иосифа Дроза, свободный перевод с французского» увидела свет.

После этого Ишимова, хорошо знавшая несколько иностранных языков, становится профессиональной переводчицей. Высокими достоинствами отличались, в частности, ее переводы Ф. Купера, рассчитанные, прежде всего на детей.

Заинтересовавшись детским чтением, Александра Осиповна обнаружила, что в России совершенно нет для детей книг по истории, а ученые фолианты с обширными комментариями и ссылками недоступны их пониманию. Хорошо зная и любя историю, она в августе 1834 г. задумала написать популярное и легко постигаемое детьми посо-

бие по истории России, созданное на базе замечательной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Однако ее «История России в рассказах для детей» отнюдь не была простым переложением карамзинского многотомного исследования — Ишимова сопоставляла факты, приводимые Карамзиным, с аналогичными сведениями из трудов других историков и иногда по-своему истолковывала и оценивала их. Позднее Ишимова много путешествовала по историческим местам России, дополняя своими наблюдениями переиздания книги.

Первые 25 рассказов автор показала профессору Петербургского университета П. А. Плетневу, который горячо поддержал ее и стал постоянным советником и консультантом. Он пригласил Ишимову на свои «среды», где она познакомилась с многими русскими писателями и учеными, а главное, с А. С. Пушкиным.

Великий поэт с симпатией и участием отнесся к молодой женщине, по достоинству оценив ее обширные познания, литературный талант и трудолюбие. Он захотел привлечь ее к сотрудничеству в журнале «Современник». Они условились повидаться у Ишимовой 22 января 1837 г., но случайно разминулись. Тогда поэт 25 января отправил ей письмо, с предложением перевести для журнала несколько пьес современного английского драматурга Корнуолла: — «Заранее соглашаюсь на все Ваши условия».

Александра Осиповна ответила тотчас. Она не скрывала, что обрадована предложением Пушкина, но добавляла: «Только вот что: мне хотелось бы как можно лучше исполнить желание Ваше насчет этого перевода, а для этого, я думаю, нам нужно было бы поговорить о нем» и просила завтра зайти к ней.

В эти дни вышла в свет первая часть «Истории России...», включавшая в себя 29 рассказов, излагающих события до начала XVI века. Эту книгу автор подарила Пушкину.

Утром 27 января 1837 г., собираясь на дуэль, Александр Сергеевич пишет Ишимовой последнее в своей жизни письмо:

«Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест, честь имею препроводить к Вам Барри Корнуолла. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переводите их, как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать».

Письмо это дошло до адресата лишь через 10 месяцев — оно осталось на пушкинском столе и было опечатано в числе прочих бумаг поэта. Первый его читатель В. А. Жуковский так охарактеризовал данный документ:

«Это письмо есть памятник удивительной силы духа: нельзя читать его без умиления, какой-то благоговейной грусти: ясный, простосердечный слог его глубоко трогает, когда вспоминаешь при чтении, что писавший это письмо с такой беззаботностью через час уже лежал умирающий от раны».

Ишимова, естественно, сочла долгом исполнить пушкинское поручение — в восьмой, ноябрьской части «Современника» за 1837 г. опубликованы «Драматические опыты» Б. Корнуолла в ее переводе.

Быстро продвигалась работа над «Историей в рассказах». В 1841 г. была напечатана ее последняя шестая часть, излагавшая события по 1825 год включительно. Следует учесть, что «История» Карамзина доходила лишь до начала XVII в., а ни одно тогдашнее исследование по российской истории не затрагивало материал XIX столетия — это свидетельствует о смелости и новаторстве автора.

Современники высоко оценили труд Александры Осиповны. Академик Я. К. Грот писал П. А. Плетневу: «...провел часа два за чтением Истории Ишимовой. Какой, в самом деле, прекрасный дар у этой госпожи! Как она умеет — уже не говорю рассказывать, оживлять рассказ так, что не только ум, но непременно и сердце ребенка заинтересовывается. Вот с этим автором я бы желал быть знаком лично!»

«Прекрасным и общеполезным трудом» и «прекрасным подвигом» назвал «Историю в рассказах» В. Г. Белинский, поясняя: «Дети имеют теперь полную историю России, представленную не в сухих, отрывочных фактах, но в прелестных рассказах, соединяющих в себе всю занимательность анекдота с достоверностью и важностью истории».

Академия Наук удостоила первую русскую женщину-историка Демидовской премии в размере 2500 рублей.

Ишимова стала известной детской писательницей, автором многих книг, основателем и издателем первых в России журналов для детей («Звездочка», 1842—1863) и юношества («Лучи», 1858—1860). О ее большой популярности свидетельствует, например, один из отзывов Н. Г. Чернышевского: «Имя г. Ишимовой, как составительницы детских книг, давно уже приобрело у нас такую известность, что педагогический курс, ею теперь издаваемый, не нуждается в наших похвалах». Трудилась писательница до последних дней долгой своей жизни, прервавшейся в 1881 г., когда была напечатана ее книга «Русским детям. Рассказы для детей первого возраста».

Собственной семьей Александра Осиповна не обзавелась — для нее были «родными» дети всей России. Она навсегда сохранила черты характера, когда-то поразившие П. А. Плетнева, назвавшего ее в письме В. А. Жуковскому «существом чистейшим по душе, по побуждениям во всех действиях». Эти ее черты были, несомненно, подмечены и оценены и А. С. Пушкиным.

Александра ИШИМОВА

Иван Сусанин и его потомство

В нескольких верстах от Костромы есть село Домнино. В нем живут 105 свободных поселян, которые не платят податей, не исполняют никаких повинностей, т. е. не мостят дорог, не держат лошадей для почты и проезжих, не представляют рекрутов на службу государеву — одним словом, не знают никаких тягот жизни общественной, но пользуются всеми выгодами ее. Этих счастливцев называют белопашцами. Знаете ли, милые друзья мои, отчего они наслаждаются такой приятной жизнью и кому обязаны всеми преимуществами своими? О, это любопытное и трогательное происшествие, вы, верно, поблагодарите меня, если я расскажу о нем. Послушайте же.[1]

В то время, когда сердца всех русских с согласным, единодушным восторгом назвали государем своим Михаила Романова и уже с нетерпением ожидали известия о том, как примет он и благочестивая мать его монахиня Марфа Иоанновна послов московских, поехавших к ним с усердными мольбами от имени всего народа, поляки, узнав об этой новости и предвидя, как повредит она намерению их завладеть Россией, решили погубить избранного царя. Шестнадцатилетний юноша, отец которого, пленник в Варшаве, оплакивал бедствия своего отечества, а мать, насильно постриженная, проводила печальные дни в монастырской келье, не мог быть страшен для врагов сильных и многочисленных, и погибель его казалась для них легкою: все зависело от того только, чтобы сделать это прежде, чем послы успеют приехать к нему и превратить скромное беззащитное жилище молодого боярина в неприступный, окруженный верными подданными дворец избранного государя.

Рассуждая таким образом, отправили они отряд самых решительных злодеев в поместье Романовых. Это поместье было в Костромской губернии, ему принадлежало также и то село Домнино, о котором мы говорили в начале этого рассказа. Отряд поляков уже появился в Домнине, оставалось не более версты до той деревни, где был господский дом, в котором жил молодой Михаил в разлуке с добрыми родителями, тоскуя о несчастной судьбе отца и услаждая горесть свою только свиданиями с матерью, монахиней, жившей в нескольких верстах от него, в Ипатьевском монастыре. Убийцы не знали дороги в эту деревню и случайно встретили крестьянина из села Домнино Ивана Сусанина. Нетерпеливо начали они спрашивать у него, как им найти поместье нового царя Михаила Феодоровича, и, чтобы не показаться подозрительными, злодеи притворились, что посланы от друзей его, чтобы прежде всех поздравить с неожиданным счастьем. Но Сусанин был умен и сметлив: он догадался, что имеет дело не с друзьями, а с самыми жестокими врагами господина своего. По платью он тотчас узнал в них поляков, а в то время этого довольно было, чтобы встревожить всякого русского. Чувствуя, что от его скромности и осторожности зависит жизнь боярина, он в ту же минуту решился на все, чтобы только спасти его. Искусно скрыв радость, которая взволновала сердце его при известии о том, что молодой Михаил Феодорович избран царем России, он отвечал на расспросы поляков самым простодушным рассказом о том, что он очень хорошо знает поместье Романовых, что часто бывает там и может проводить дорогих гостей помещика до самого дома его.

Притворное простодушие крестьянина обмануло поляков: они поверили его словам и велели вести себя как он знает. Что же он сделал и куда повел их? В противоположную сторону от настоящей дороги! А между тем успел отправить молодому царю весть об угрожающей ему опасности. Долго поляки шли с проводником своим, нигде не останавливаясь, и наконец ночью пришли в самый густой, дремучий лес, где никогда никто не проходил и не проезжал. И там еще Сусанин долго водил их, уверяя, что сбился в темноте с тропинки. Наконец злодеи и начали догадываться, что проводник обманывает их, и с гневом сказали ему это. «Нет! — отвечал неустрашимый Сусанин, уже предвидя свою мучительную смерть. — Нет! Не я вас, а вы обманули сами себя. Как могли вы думать, что я выдам вам нашего государя? Он спасен теперь, и вы очень далеко от его поместья! Вот вам голова моя, делайте со мною что хотите, я отдаю себя Богу!»

Вы можете представить себе, милые читатели, какие жестокие мучения были наградой благородному Сусанину за его

[1] В 1731 г. белопашцам взамен Домнина было пожаловано село Коробово Костромского уезда. Прим. ред.

верность и мужество, за его великодушное пожертвование собой! Злодеи, видя перед собою верную смерть в лесу, где никогда еще не было протоптано ни одной тропинки, где земля покрыта была глубоким снегом, как будто грозившим заморозить их, набросились с неописуемой яростью на доброго слугу Романовых, и ужасны были страдания, какие вытерпел он, умирая от рук их. Но эти страдания были вознаграждены от рук их. На небесах Бог принял с любовью прекрасную душу Сусанина, на земле царь по-царски наградил усердие и верность его: он дал детям своего спасителя земли, лежавшие в окрестностях села Домнина, половину деревни Деревнище, принадлежавшей этому селу, и, наконец, все преимущества и выгоды, которые должны на вечные времена отличать потомков Сусанина от других государственных крестьян. Слово «белопашцы», или «беляне», произошло, вероятно, от того, что в старину отмена всех податей и повинностей с какого-нибудь селения или земли называлась обелением их, и в царской грамоте, полученной детьми Сусанина, приказано было обелить деревню, им пожалованную. Здесь кстати сказать вам, друзья мои, что эти дети и потомство их зовутся не Сусаниными, а Собиниными. Это потому, что у Ивана не было сына, а только дочь Антонида, которая была тогда замужем за Богданом Собининым и имела двух сыновей — Даниила и Константина. Вот они-то и пользовались наградой за героический поступок своего дедушки, и от них-то происходят все белопашцы, которых по последним сведениям считалось в 1836 году 105 душ мужского и 121 душа женского пола.

Графиня Ростопчина посвятила несколько прекрасных строк Сусанину. Верно, читатели мои с большим удовольствием прочтут их.

Тебе ль чугун, тебе ли мрамор ставить,
Сусанин, верный сын, честь родины своей?..
Тебя ли можем мы прославить
Деяньем рук и грудами камней?..
Чугун растопится... полудня мрамор белый
Раздробят долгие морозы русских зим...
Есть памятник иной: он тверд, несокрушим,
Он силен и велик, как ты, Сусанин смелый!
Сей вечный памятник тебе сооружен
В сердцах признательных потомков:
Во дни крамол и смут, из пепла, из обломков
С Россией новою восстал как феникс он
И с ней цветет поднесь, могучий и спокойный.
Да!.. благоденствие и слава россиян,
Да!.. громкие хвалы позднейших сограждан —
Вот памятник, Сусанина достойный!..



Церковь в Домнине. В этом селе Иван Сусанин был церковным старостой.

Алексей Ремизов

КОСТРОМА

Чуть только лес оденется листочками и теплое небо завьется белесыми хохолками, сбросит Кострома свою колючку — ежевую шубку, протрет глазыньки да из овина на все четыре стороны, куда взглянется, и пойдет себе.

Идет она по талым болотцам, по вспаханным полям да где-нибудь на зеленой лужайке и заляжет: лежит-валяется, брюшко себе лапкой почесывает, — брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Любит Кострома попраздновать, блинков поесть да косельку клюквенного со сливочками да с пеночками. А так она никого не ест, только представляется: поймает своим желтеньким усиком мушку какую, либо букашку, пососет язычком медовые крылышки, а потом и выпустит, — пускай их!

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Еще любит Кострома с малыми ребятками повозиться, поваландаться: по сердцу ей лепуны-щекотуньи махонькие.

Знает она про то, что в колыбельках деется, и кто грудь сосет, и кто молочко хлебает, зовет каждое дите по имени и всех отличить может.

И все от мала до велика величают Кострому песенкой.

На то она и Кострома-Костромушка.

Лежит Кострома, валяется, разминает свои белые косточки, брюшком прямо к солнышку.

Заприметят где ребятишки ее рожицу да айда гурьбой взапуски. И скачут печушки пестренькие, бегут бегом, тянутся ленточкой и чувыркают-чивикают, как воробышки.

А нагрянут на лужайку, возьмут друг дружку за руки да кругом вкруг Костромушки и пойдут плясать.

Пляшут и пляшут, поют песенку.

А она лежит, лежона-нежона, нежится, валяется.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она делает?

— Спит.

И опять закружатся, завертятся, ножками топают-притоптывают, а голосочки, как бубенчики, и звенят и заливаются, — не угнаться и птице за такими свистульками.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она делает?

— Встает.

Встает Кострома, подымается на лапочки, обводит глазыньками, поводит желтеньким усиком, прилаживается кого бы ей наперед поймать.



— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она делает?

— Чешется.

Так круг за кругом ходят по солнцу вкруг Костромушки, играют песенку, допытываются: что Кострома поделывает?

А Кострома-Костромушка и попила, и поела, и в баню пошла, и из бани вернулась, села чай пить, чаю попила, прикурнула на немножко, встала, гулять собирается...

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она делает?

— Померла.

Померла Кострома, померла!

И подымается такой крик и визг, что сами звери-зверюшки, какие вышли было из-за ельников на Костромушку поглазеть, лататы на попятный, — вот какой крик и визг!

И бросаются все взахлеб на мертвую, поднимают ее к себе на руки и несут хоронить к ключику.

Померла Кострома, померла!

Идут и идут, несут мертвую, несут Костромушку, поют песенку.

Вьется песенка, перепархивает, голубым жучком со цветка по травушке, повевает ветерком, расплетает у девочек коски, машет ленточками и звенит-жужжит, откликается далеко за тем синим лесом.

Поле проходят, полянку, лесок за леском, проходят калиновый мост, вот и овражек, вот и ключик — и бежит и недвижен — серая искорка-пчелка...

И вдруг раскрывает Кострома свои мертвые глазыньки, пошевеливает желтеньким усиком, — ам!

Ожила Кострома, ожила!

С криком и визгом роняют наземь Костромушку, да кто куда — врассыпную.

Мигом вскочила Костромушка на ноги, да бегом, бегом, — догнала, переловила всех, — возятся. Стог из цветочков! — Хохоту, хохоту сколько — писк, визготня. Щекочет, целует, козочку делает, усиком водит, бодает, сама поддается, — попалась! Гляньте-ка! Гляньте-ка, как забарахтались! — повалили Костромушку, салазки загнули, щиплют, щекочут, — мала куча, да не совсем! И! — рассыпался стог из цветочков.

Ожила Кострома, ожила!

Вырвалась Костромушка, да проворно к ключику, припала к ключику, насытилась и опять на лужайку пошла.

И легла на зеленую, на прохладную. Лежит, развалилась, валяется, лапкой брюшко почесывает, — брюшко у Костромы мягонькое, переваливается.

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Там распаханные поля зеленей зеленятся, там в синем лесу из нор и берлог выходят, идут и текут по черным утолокам, по пробойным тропам Божьи звери, там на гиблом болоте в красном ивняке Лесень-птица гнездо вьет, там за болотом, за лесом Егорий кнутом ударяет...

Песенка вьется, перепархивает со цветочка по травушке, пестрая песенка-ленточка...

А над полем и полем, лесом и лесом прямо над Костромушкой небо — церковь хлебная, калачом заперта, блином затворена.

БАБУШКА

Нас в вагоне немного. Было-то очень много — в проходе стояли, да слава Богу, кто в Гомеле высадился, кто в Жлобине, кто в Могилеве, вот на просторе и едем.

Старик, дровяной приказчик с Фонтанки, вылитый Никола с Ферапонтовских фресок, весь удлиненный, а лицо поменьше, — в Новгород на родину едет; курский лавочник с женою, степенные люди, в Петербург едут — Петербург посмотреть, да бабушка костромская Евпраксия.

Все с богомолья едут из Киева.

Показался им Киев, что рай Божий: ни пьющего, ни гуляющего не встретили богомольцы в Киеве, ни одного не видели на улице безобразника, а много везде ходили — ходили они по святым местам, службы выстаивали, к мощам да к иконам прикладывались.

— Не город, рай-город!

— Лучше нет его.

— В трактирах с молитвою чай пьют.

— С молитвой закусывают.

Только и разговору — Киев: хвалят-не-нахвалятся, Бога благодарят.

Бабушка в серенькой кофте, темная короткая юбка, в темном платке. Бабушка все по-монашески, и не скажет как-нибудь «спасибо», а по-монашески — «спаси, Господи!». Прижилась, видно, к святыням и сама вроде монашки сделалась.

Долго и много хвалят Киев, о подвижниках рассказывали, о нечистом; не обошлось и без антихриста.

С молитвой затихла бабушка — и затихла — похрапывает тихонько — заснула бабушка крепким сном.

Тут лавочница вспомнила, должно быть, слово Божие о ближнем, да и по жалостливости своей пожалела бабушку, — поднялась с постели, шарит, вытащила тоненькое просетившееся одеялишко и к бабушке: будит старуху, чтобы подостлала себе!

Растолкала старуху.

— Спаси, Господи! — благодарила старуха, отказывалась: ей и так ничего, заснула она.

Но лавочница тычет под бок одеяло — тормошит старуху.

И поднялась бабушка, постелила лавочное одеялишко, еще раз благодарит лавочницу — и легла.

Легла бабушка на мягкое — а заснуть не может: не спится, не может никак приладиться, заохала:

«Господи, помилуй мя!»

А и молитва не помогает, не идет сон, бока колет, ломит спину, ноги гудут.

А лавочница богобоязненная, лавочница, «доброе дело» сделав, завела носом такую музыку, — одна поет громче паровозного свиста, звонче стук колес — на весь вагон.

Следил я за бабушкой.

«Бабушка наша костромская, Россия наша, и зачем тебя потревожили? Успокоилась ведь, и хорошо тебе было до солнца отдохнуть так, нет же, растолкали! И зачем эта глупая лавочница полезла с своим одеялом человека будить?»

Но, видно, услышал Бог молитву, внял жалобам — заснула бабушка, тонко засвистела серой птицей.

Бабушка и антихриста видела — только не в Киеве...

«три ему года, три лета, а крестил его поп с Площадки Макарий, и было знамение при крещении, сам батюшка рассказывал, когда погружали дите в купель, крикнул нечистый: «ой, холодно!» — и пять раз окунул его батюшка, а когда помазывали, кричал окаянный: «ой, больно! ой, колет! ой, не тут!»

— Три года ему, окаянному, в Красных Пожнях живет, — пояснила бабушка, крестясь и поплевывая.

Так потихоньку да полегоньку в благочестивых разговорах и ехали.

Но вот и ко сну пора — попили чайку, солнце зашло — пора спать.

* * *

Лавочник с лавочницей принялись постели себе готовить, одеяла всякие вытащили, войлок, подушки — примостились, как дома.

И старик новгородский примостился удобно.

Только у бабушки нет ничего: положила бабушка узелок под голову — узенькую скамейку у окна у прохода выбрала она себе неудобную, помолилась и легла, скрестив руки по-смертному.

И я подумал, глядя на ее покорное скорбное лицо — на ее кроткие глаза, не увидавшие на месте святом ни пьяницы, ни гулящего:



«Бабушка наша костромская, Россия наша, это она прилегла на узкую скамеечку ночь ночевать, прямо на голые доски, на твердое старыми костями, бабушка наша, мать наша Россия!»

И все я следил, как засыпала старуха.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!»

«Слава Богу! — подумал я, успокоилась. Ну, и пусть отдохнет, измаялась — измучили ее, истревожили. А чуть свет, подымется лавочница, возьмется добро свое складывать, хватится одеялишка, пойдет вытащит из-под старухи подстилку эту мягкую, разбудит старуху, подымет на ноги: ни свет ни заря изволь вставать. Ничего не поделаешь. А пока — бабушка, костромская наша, мать наша, Россия!»

«ГОРЖУСЬ, ЧТО ЗОЛОТАЯ КОСТРОМА И У МОЕЙ ЗВЕНЕЛА КОЛЫБЕЛИ...»

1. Древнее имя одной из костромских улиц дало название двум книгам. Что это за книги и как их авторы связаны с Костромой?

2. «Я учился в Костромской гимназии, и в 1-м классе мы учили: «Я человек хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра...»

Кому принадлежат эти слова? Кто еще из русских литераторов, как и автор приведенного отрывка, мог бы сказать о себе: «Я учился в Костромской гимназии»? (Кстати, нынче этому учебному заведению исполнилось бы 190 лет).

3. В мире есть Снеговая Корчага.
Юность, память, судьба, забытье —
Все в ней тонет. Снежинок ватага
По ночам приносит ее.

И черпак, и кружку приносит,
И бинокль, чтобы видеть на дне
Город сердца, метельную проседь
И огонь у любимой в окне.

Автор этих строк нам более известен как блестящий переводчик, за это он был удостоен в свое время государственных премий и почетных званий Таджикской, Якутской, Армянской и Узбекской ССР. А процитированными стихами заканчивается поэма, написанная им в юности. О каком поэте речь? Какой «город сердца» он имеет в виду?

4. Ей посвящали стихи В. А. Жуковский, А. И. Одоевский, поэт-петрашевец С. Ф. Дуров. В письме к ней поверял свой «символ веры» Ф. М. Достоевский, а Льва Толстого ее образ заинтересовал «как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины» и с нее Толстой начал писать главную героиню своего романа, к сожалению, оставшегося незавершенным. Назовите эту женщину. Что ее связывало с костромской землей?



5. «Живет моя отрада в высоком терему...» — слова песни, которую знает и сегодня, наверное, каждый русский человек, написаны в 1882 году сыном нерехтского купца. Как же звали автора этой песни? Какие его стихи еще стали популярными в народе песнями и романсами?

6. Русский поэт написал в альбом своего 12-летнего родственника экспромт, заканчивающийся такими стихами:

Дай Бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

Спустя десять лет этот молодой человек в Галиче поставил отрывки из драмы своего знаменитого родственника. Вообще это была первая постановка произведения, которое долго было под цензурным запретом. О каком литераторе и о каком его родственнике идет речь?

7. ...Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист:
Да умный человек не может быть не плутом...»

Граф, удостоенный такой характеристики, на рукописи «Горя от ума» написал такие поправки: «В Камчатку черт носил, ибо сослан никогда не был». Стих «И крепко на руку не чист» он заменил: «В картишках на руку не чист», причем прибавил: «Для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола...»

Как звали этого графа и какое отношение

он имел к Костромской губернии? Каким еще русским классикам он послужил литературным прототипом?

8. О каком сочинении писателя-костромича В. Белинский в 1834 году писал: «Произведение, столь любимое нашими добрыми дедами и еще и теперь не потерявшее своего достоинства», а спустя 12 лет добавлял к его характеристике: «Это была случайность, хотя и прекрасная; ей следовало остаться без последствий для литературы»?

9. Ты из древних дебрей, Кострома,
Подняла над Волгой терема, —
так начинается стихотворение известного русского поэта, который приезжал в наш город на конференцию, посвященную творчеству Н.А. Некрасова. Кто этот поэт? Кому посвящено его стихотворение «Кострома»?

10. «— Раб божий, Сергий! входи во храм господень не надменно, а смиренно, представляя себя самым большим грешником, — вот как!

С этим он положил губернатору руку на спину и, степенно нагнув его в полный поклон, снова отпустил и стал навытяжку».

Узнали ли вы героя одного из рассказов Н. Лескова? Как звали костромского губернатора, о котором идет речь? Какую награду прислал позднее губернатор квартальному, который так строго с ним обошелся? В каком городе происходило описанное Лесковым?

11. «Странствовал долго, забирался далеко, видел многое и написал много. Когда нужда указала на литературный заработок — в деревню я унес свою любознательность, изучая беспомощную нищету, которая с малых лет и меня самого ласкала и любила». Чья это творческая автохарактеристика? Какие книги этого писателя вы знаете?

12. «Богу одному известно, как я во все это время измучился и устал. Когда пишу это письмо, у меня умирает маленький мой ребенок, но, несмотря на это, я сейчас еду на следствие по смертоубийству, по делу в котором должен буду неутомимо действовать, сколько по обязанности чиновника, но более того, как человек. Просто недостает сил на все те разнообразные обязанности, которыми я обставлен!» — Так жаловался своему издателю из Костромы один литератор. Кто это? Какими обязанностями он был обременен в Костроме? Какие произведения он здесь написал?

Спешим уведомить

Итоги викторины на тему «Русская литература и костромской край» будут подведены 15 октября, в день 180-летия великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, родословная которого, как известно, тесно связана с костромской землей. Писем с ответами на вопросы викторины ждут в «Губернском доме» до 10 октября. Читатели, приславшие правильные ответы, будут отмечены бесплатной подпиской на журнал в 1995 году.

Желаем вам
приятной творческой работы.

13. Постановка этой драмы готовилась в Московском Художественном театре, ее намеревались поставить Камерный, Александринский и другие театры, но спектакли так и не состоялись. И многие десятилетия единственной постановкой был спектакль Костромского городского театра в сезон 1920 — 21 гг. Его осуществил режиссер, который слушал чтение пьесы автором еще в 1913 году.

Назовите эту пьесу, ее автора и постановщика спектакля на костромской сцене.

14. «Новое руководство было назначено туда из разных мест, и сознакомились уже в Кадые. Они увидели глухой печальный нищий край, изможденный хлебозаготовками, тогда как требовал он, напротив, помощи деньгами, машинами и разумного ведения хозяйства».

Из какого произведения взяты эти строки, кто его автор, в какое время он, будущий лауреат Нобелевской премии, жил в Костроме?

15. «Во все концы дорога далека», — написал живущий в Костроме критик, а затем и сам выбрал дорогу — в Москву. О ком идет речь, кто из известных писателей стал героем его книг?

16. Узнаете ли вы автора этих поэтических строк?

Много сел есть на земле,
Мне одно лишь снилось.
Пол-России в том селе
Для меня вместилось.

17. Чьи строки дали название этой викторине и какому костромичу посвящено это стихотворение?

Частушки этих лет



Кабы в полюшке не озимь,
Огород бы не стоял.
Не военное бы времечко
И милый не страдал. (1)

Ой, Германия, Германия,
Наделала чего!
Девяносто девять девок
Обнимают одного. (2)

Говорят: незанятая —
Удивительного нет:
У нас всего четыре мальчика
На целый сельсовет. (2)

Приезжай, милаша, сватать,
Расхорошенький меня.
За меня дадут приданое —
Четыре трудодня. (2)

Мы по Воче многоводной
С древесиной плот ведем —
Это дар стране любезной
Для канала Волго-Дон. (4)

Карюшко, не вытягайся
По дороге ледяной.
В четыре года пятилетку
Мы не сделаем с тобой. (8)

Говорила бригадиру,
Председателю скажу:
— Не дадите ухажера —
Из колхоза выхожу. (2)

Проводи меня до дому,
Неужели тебе лень?
До повертки — сорок соток,
До порога — трудодень. (3)

Девок много, девок много,
Девок некуда девать.
К гармонисту не пробиться,
Гармониста не обнять. (1)

Мы с мичуринцем стояли
У куста малинова.
С ветки яблочко упало —
С ног свалило милого. (4)

Зоотехника прислали,
Сохнет бедный от тоски:
Как доить коров не знает —
За рога иль за соски. (5)

Для колхоза купим козу,
Бригадир станет доить.
Захворает председатель —
Молоком станем поить. (6)

Пой частушку мне, подруга,
А я новую начну.
Позабыл меня Андрюша,
Как ушел на целину. (6)

Стало холодно ходить,
Стало охолаживать.
Стало некого любить,
Не за кем ухаживать. (7)

Режу, режу огурец
На четыре части.
Хорошо живется мне
При Советской власти. (6)

Ягодиночка уехал
В город на Украину,
Меня, девушку, оставил,
Как во поле травину. (7)

Вспомни, милая подружка,
Как гуляли по весне.
Наша милая деревня
Часто видится во сне. (8)

Мы с товарушкой в колхозе,
Во бригаде боевой,
Заработали по премии —
По кофте голубой. (1)

Сяду, сяду я на трактор,
Ты, подруга, догоняй.
Снимем нынче непременно
Стопудовый урожай. (9)

Кто же сбил с пути деревню,
Подсказал такую жизнь,
Что в деревне можно скоро
Без гармошки обойтись? (8)

Мне не нужен адвокат,
Не надо мне оратора.
Мама спросит: за кого —
Пойду за кооператора. (5)

Милый ходит невеселый,
Трезвая походочка:
Сахар вышел в магазинах,
По лимиту водочка. (10)

Нынче все в деревне нашей
Меж собой передрались:
Девки любят Леонардо,
Бабам нравится Луис. (4)



Частушки спели: А. И. Черняева, с. Носково Пыщугского района (1), А. М. Нефедов, д. Манылово Макарьевского района (2), В. М. Дружинина, п. Льнозавод Чухломского района (3), участники ансамбля «Золотой возраст» п. Шувалово Костромского района (4), Н.Н. Иванова, с. Судай Чухломского района (5), В. И. Гречухина, г. Макарьев (6), Н.Н. Завьялова, д. М. Токарево Солигаличского района (7), А. М. Лобова, д. Притыкино Пыщугского района (8), Н. П. Чигарева, с. Павино (9), Г. А. Смирнова, г. Буй (10).



КАРАВАЕВО. Здесь находится известный далеко за пределами костромской земли племзавод, где от высокопродуктивной породы крупного рогатого скота получали рекордные надои молока. По соседству с племзаводом — сельхозинститут «Караваево», ставший недавно сельскохозяйственной академией. В центре поселка расположена единственная в стране аллея дважды Героев Социалистического Труда, знатных доярок Костромской области.



ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА «БЕРЕНДЕЕВКА». После съемок здесь фильма «Снегурочка» по пьесе-сказке А. Н. Островского кинематографисты подарили сказочное поселение Костроме. Любимое место отдыха костромичей, здесь на берегу озера среди затейливых домиков находится музей «Лес-чудодей», здесь проходят фольклорные праздники и детские фестивали.

Редактор Николай Муренин
Художник Василий Чистов
Фото из коллекций Андрея Анохина, Георгия Белякова, Сергея Калинина,
Игоря Сапова, Александра Шикалова
Адрес редакции: 156000, Кострома, пр. Мира, 7, тел 57-67-38

Сдано в набор 24. 5. 94 г. Подписано к печати 24. 6. 94 г. Печать офсетная.
Объем 10 п. л. Тираж 5000 экз. Цена свободная.
Макет и верстка выполнены издательским центром АОЗТ «Апогей»,
г. Кострома, ул. Самоковская, 10
Отпечатано в областной типографии им. Горького управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2.



ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА.
Уникальный памятник архитектуры начала XIX века, выполненный в стиле классицизма.
Внесен в список архитектурных памятников, находящихся
под охраной ЮНЕСКО.
Пожарная каланча является одной из первых достопримечательностей
и, можно сказать, визитной карточкой Костромы.
Сейчас в этом историческом здании находится музей пожарного дела.